

Юрий А. Федосюк ЧТО НЕПОНЯТНО У КЛАССИКОВ, или ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО БЫТА XIX ВЕКА

Ю.А. Федосюк

ЧТО НЕПОНЯТНО У КЛАССИКОВ, или ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО БЫТА XIX ВЕКА

Несколько слов об этой книге

История этой книги не совсем обычна. Она началась еще в 1959 году с письма, которое 39-летний филолог и журналист Юрий Федосюк написал в редакцию журнала «Вопросы литературы». «Сотни выражений, встречающихся в сочинениях русских классиков и отражающих общественные отношения и бытовые особенности дореволюционной России, становятся для все более широкого круга современных читателей „камнем преткновения“ – либо непонятными вовсе, либо понимаемыми превратно „...“ – говорилось в этом письме. – Мне, знакомому лишь с метрической системой, неясно, богат или беден помещик, владеющий двумястами десятин земли, сильно ли пьян купец, выпивший „полштофа“ водки, щедр ли чиновник, дающий на чай „синенькую“, „красенькую“ или „семитку“. Кто из героев выше по положению, когда одного титулуют „ваше благородие“, второго – „ваше сиятельство“, а третьего – „ваше превосходительство“? Отдельные события того ли иного романа происходят в „Успенев день“ или „на Фоминой неделе“, но если тут не дается описания природы, мне непонятно ни время года, ни хронология событий». Завершая письмо, Ю. Федосюк призывал ученых – филологов и историков начать работу над специальным справочником по истории русского быта, который помогал бы широкому кругу читателей, и прежде всего учителям литературы, студентам и школьникам, «глубже постигать произведения классиков, оживив многие строки, потускневшие из-за того, что содержащиеся в них понятия сданы в архив нашей эпохой».

Письмо было сочувственно встречено специалистами: журнал «Вопросы литературы» опубликовал его в № 6 за 1959 год под заглавием «Такое пособие необходимо», однако

содержавшийся в нем призыв к ученым, похоже, не был ими услышан. Шли годы, а крайне необходимое, по мнению Ю. Федосюка, всем читателям русской классической литературы пособие все не появлялось на свет. И тогда, спустя четверть с лишним века после своей публикации в «Вопросах литературы», Юрий Александрович Федосюк, к тому времени уже хорошо известный среди филологов и историков своими книгами по этимологии русских фамилий (Что означает ваша фамилия? – М., 1969; Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. – М., 1972; переиздано в 1981 и 1996 гг.) и по истории Москвы (Бульварное кольцо. – М., 1972; Лучи от Кремля. – М., 1978; Москва в кольце Садовых. – М., 1982; переиздано в 1991 г. и др.), решает реализовать свою давнюю идею сам.

В 1989 году работа над новой книгой была завершена, но судьба ее, к сожалению, неожиданно оказалась очень нелегкой. Рукопись была передана одному авторитетному государственному издательству, которое вначале по причине финансовых трудностей, а затем, увы, из-за недобросовестности и некомпетентности сотрудника, ответственного за выпуск книги, так и не смогло издать ее. Между тем договор, заключенный с издательством, а также многочисленные уверения в том, что книга вот-вот будет выпущена, долгое время не давали возможности вначале самому автору (он умер в 1993 году, так и не дождавшись выхода книги), а затем и его наследникам попытаться издать ее в другом месте.

За минувшие со времени написания книги годы интерес к отечественной истории и культуре в России заметно вырос, а идеологические барьеры, которые некогда не давали авторам и издательствам возможности удовлетворять этот интерес читателей, исчезли. Были изданы такие книги, как «Беседы о русской культуре» Ю. М. Лотмана (СПб, 1994), «Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половине 20 вв.» Р. М. Кирсановой (М., 1995), «Словарь редких и забытых слов» В. П. Сомова (М., 1996), словарь-справочник «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» под редакцией Р. П. Рогожниковой (М., 1997) и др. Однако книга, которую вы сейчас держите в руках, не совпадает по форме и содержанию ни с одной из них. Перед вами одновременно и увлекательный рассказ о том, как жили в старину наши предки, который автор снабдил многочисленными примерами из хорошо известных произведений русской классической литературы, и крайне необходимый исторический комментарий к этим произведениям, благодаря которому читатель сможет гораздо глубже понять их содержание.

Завершая это небольшое вступительное слово, мне хотелось бы выразить свою благодарность Марине Ивановне Лабзиной и Татьяне Михайловне Тумуровой за их труд по редактированию книги во время первой, к сожалению, не увенчавшейся успехом попытки ее издания. Я глубоко признателен издательству «Флинта», которое, получив от меня рукопись, любезно согласилось оперативно выпустить в свет книгу моего отца, так долго ждавшую своего читателя. Кроме того, считаю своим приятным долгом искренне поблагодарить Сергея Ивановича Кормилова, Эрика Иосифовича Хан-Пиру, Игоря Георгиевича Добродомова, Льва Иосифовича Соболева и Геннадия Юрьевича Скворцова: внимательно познакомившись с первыми изданиями этой книги, они высказали свои замечания, которые дали возможность внести в текст целый ряд уточнений и исправлений.

М.Ю. Федосюк

Вместо предисловия

Погружаясь в богатый и многообразный мир русской классической литературы, молодой человек, часто незаметно для себя, сталкивается с трудностями. Ее страницы, как на машине времени, переносят нас в давние времена, когда и общественное устройство, и быт, и сами люди заметно отличались от нынешних. Поэтому произведения классиков воспринимаются нами не столь легко и просто, как современниками автора – теми читателями, для которых были написаны. Сложны для понимания как особенности описываемой эпохи, ее законы и приметы, так и отдельные слова и понятия, исчезнувшие из

обихода или изменившие свой смысл.

Русская литература и отечественная история – родные сестры. В нашем сознании они идут рука об руку. Не сможет читатель понять до конца «Мертвые души» Н.В. Гоголя или «Анну Каренину» Льва Толстого, не имея представления о времени их действия, ничего не зная о крепостном праве или о пореформенной эпохе. Поэтому без знания отечественной истории трудно понять русскую литературу, знание же литературы облегчает понимание истории, оживляя ее образами, диалогами и красками.

Постижение произведения невозможно без того, чтобы слова не превратились в нашем сознании в зрительный образ или отвлеченное понятие. Вот спешит Евгений Онегин к умирающему дяде, «летя в пыли на почтовых». А что означает строка: «...Стремглав по почте поскакал...»? (Можно ли в наши дни «скакать по почте»?) Что за управитель сообщил герою о том, что «дядя при смерти в постеле»? Что представляет собой усадьба дяди, штофные обои в его гостиной? Наконец – и это особенно важно, – что значат слова «...Ярем он барщины старинной / Оброком легким заменил...»? Короче: что ни строфа – то загадки, большие и малые, а между тем весьма существенные для уяснения смысла повествования, времени действия, психологии героев.

Из этих частностей и складывается та неповторимая картина, которая позволяет нам наслаждаться художественным произведением, отчетливо видеть и понимать действие.

Да, люди всегда были людьми, они дружили и враждовали, трудились и развлекались, уступали или боролись, защищая свои жизненные идеалы – без этих общих с нами черт незачем было бы читать и перечитывать произведения о далеком прошлом. Но вот исторические условия, вся обстановка их жизни в очень многом отличались от современных.

Теперь читателю ясно, для чего написана эта книга. Для того, чтобы облегчить восприятие русской классической литературы, убрав слегка застлавшую ее дымку времени, затрудняющую понимание. Для кого эта книга написана? Для вступающего в жизнь молодого человека, растущий интерес которого к родной литературе, как и к отечественной истории, естествен и закономерен, особенно в наше время.

Книга разделена на тематические главы, которые позволят получить сведения о тех или иных фактах прошлого не отрывочно, а в их исторической совокупности, взаимосвязанно. Тем самым она может служить не только учебным пособием по литературе, но и простейшим справочником по истории общественных отношений и быта России от конца XVIII века до начала века XX. При этом она почти полностью опирается на материал русской классической литературы.

Книгу не обязательно читать подряд, от первой до последней строчки. Достаточно ознакомиться с интересующими вас главами или абзацами из этих глав. В конце помещен алфавитный указатель толкуемых в книге слов. Встретив в тексте того или иного произведения непонятное слово, читатель легко найдет страницу, где оно разъясняется, причем разъясняется тоже на примере художественного текста.

Эта книга – один из первых опытов справочного пособия подобного рода. Поэтому едва ли она застрахована от неполноты или некоторых неясностей. Но хочется верить, что читателю будет интересно войти в увлекательный мир быта прошлых веков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько слов об этой книге
Вместо предисловия

Глава первая НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Церковный календарь
Старый и новый стиль

Праздники и посты

Глава вторая РОДСТВО, СВОЙСТВО, ОБРАЩЕНИЕ

Термины родства и свойства

Смешение терминов

«Духовное родство»

Условные обращения

Отмирающие слова

Обращение между близкими и друзьями

Официальные и полуофициальные обращения

«Слово-ер-с»

Иные формы обращения

Глава третья МЕРЫ И ВЕСА

Меры длины

Меры площади

Меры веса

Меры емкости для сыпучих товаров

Меры объема жидкости

Температурная шкала

Глава четвертая ДЕНЬГИ И ЦЕННЫЕ БУМАГИ

От полушки до катеринки

Два курса

Все цвета радуги

Ценные бумаги

Глава пятая ЗЕМЛИ И ВЛАСТИ

Столицы, губернии, области

Министерства и иные присутственные места

Губернские власти

Уездные власти

Городская полиция

Волость и село

Пореформенные учреждения

Пореформенный суд

Жандармерия

Некоторые забытые должности

Глава шестая ЧИНЫ И ЗВАНИЯ

Государственные служащие

Коллежский регистратор

Губернский секретарь

Коллежский секретарь

Титулярный советник

Коллежский асессор

Надворный советник

Коллежский советник
Статский советник
Действительный статский советник
Тайный советник
Действительный тайный советник и канцлер
Чиновники XV класса
Чеховская «табель о рангах»
Придворные чины и звания
Неправильное титулование
Степени и звания в науке

Глава седьмая АРМИЯ И ГВАРДИЯ

Рекрутская повинность
Гвардия
Военные чины
Офицерские чины
Разновидности войск
Формы и знаки различия
Реформа 1874 года
Кадеты, юнкера и кантонисты
Некоторые забытые слова

Глава восьмая ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Ордена и их знаки
Иерархия орденов

Глава девятая ДВОРЯНЕ И КРЕСТЬЯНЕ

Дворянское сословие
Титулованные дворяне
Не земля, а души
Помещичьи крестьяне
Штат дворовых
Управление имением
Охота
Однодворцы и вольные хлебопашцы
Опека и залог
Дворянское самоуправление
Крестьянская реформа

Глава десятая ДРУГИХ СОСЛОВИЙ ЛЮДИ

Мещанство и купечество
Духовенство

Глава одиннадцатая КАК ОДЕВАЛИСЬ

Костюм и время
Мужские костюмы
Женская городская одежда

Мужская крестьянская одежда
Женская крестьянская одежда
Некоторые детали туалета и прически
Бороды и усы
Ткани

Глава двенадцатая НА ЧЕМ ПЕРЕДВИГАЛИСЬ

Средства передвижения
Упряжки
Виды экипажей
Масти лошадей
Железные дороги
Другие средства передвижения

Глава тринадцатая БЫТ И ДОСУГ

Жилище
Внутри дома
Мебель
Освещение
Добывание огня
Мелкие вещи
Еда и напитки
Болезни и их лечение
Трактиры и иные заведения
Игры
Танцы и музыка
Театр

ГЛАВА ПЕРВАЯ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Церковный календарь

Время свыше суток и в пределах года мы отмеряем по месяцам и дням. У наших вовсе не дальних предков было другое счисление – по церковным праздникам и постам. Простой, неграмотный крестьянин, да и горожанин, плохо разбирались в числах и месяцах, для них события происходили «на Сретенье», «на Егория», «в Петровки», «на Казанскую» и т. п., то есть по памятным дням церковного календаря, который тесно переплетался с древними, дохристианскими поверьями и приметами, отчего мы вправе называть его и народным.

Народное наименование тех или иных дат нашло широкое отражение в классической художественной литературе, ставя современного читателя в сложное положение: мы плохо представляем себе, в какое время происходит названное событие. Вот показательный отрывок из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: простая крестьянка Матрена Тимофеевна рассказывает семи мужикам-странникам о своей многотрудной жизни, изредка озаренной и светлыми воспоминаниями о детстве, замужестве, материнстве. Муж ее работает в Питере печником.

*Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый*

*Да прокатил на саночках
В Екатеринин день.*

Зиму супруги провели в деревне, а затем

*Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.*

Кроме указаний на зиму, упомянутые праздники нам ничего не говорят. Слушателям-мужичкам, как и читателям – современникам Некрасова, все было предельно ясно. Поясним: день святой ЕКАТЕРИНЫ отмечался 24 ноября старого стиля (7 декабря нового), БЛАГОВЕЩЕНИЕ – 25 марта (7 апреля), осенний праздник иконы КАЗАНСКОЙ БОГОМАТЕРИ – 22 октября (4 ноября).

Не было дня в году, не отмеченного поминовением какою-либо одного, а чаще нескольких святых или иным событием христианской мифологии. Поэтому народ прекрасно обходился без привычных для нас дат: числа и месяца.

Провинциальное дворянство тоже плохо разбиралось в официальном календаре. Вот что пишет об окружении своего героя И.А. Гончаров в романе «Обломов»: «Они вели счет времени по праздникам, по временам года, по разным семейным и домашним случаям, не ссылаясь никогда ни на месяцы, ни на числа. Может быть, это происходило частью из-за того, что, кроме самого Обломова (имеется в виду отец маленького Ильи. – Ю.Ф.), прочие все путали и названия месяцев, и порядок чисел».

Старый и новый стиль

Вы уже заметили: современные даты упомянутых некрасовской Матреной Тимофеевной праздников приведены по старому и новому стилю, то есть календарю. В чем их различие?

В юлианском календаре, введенном римским императором Юлием Цезарем в 45 году нашей эры, год (то есть время полного оборота Земли вокруг Солнца) был подсчитан не вполне точно, с превышением на 11 минут 14 секунд. За полторы тысячи лет, несмотря на поправку в три дня, сделанную в XIII веке, эта разница составила десять суток. Поэтому в 1582 году римский папа Григорий XIII приказал выбросить из календаря эти десять суток; григорианский календарь («новый стиль») был введен в большинстве стран Западной Европы, а затем и Америки. Однако Россия не согласилась с поправкой, сделанной главой католической церкви, и продолжала придерживаться юлианского календаря. Новый стиль в России ввела советская власть в феврале 1918 года, когда разница в календарях достигла уже 13 суток. Тем самым летосчисление страны было приобщено к общеевропейскому и американскому. Русская православная церковь реформы не признала и до сих пор продолжает жить по юлианскому календарю.

Итак, разница между календарями в XX и XXI веках составляет 13 дней, в XIX веке она равнялась 12 дням, в XVIII – 11. С 1 марта 2100 года разница между старым и новым стилем достигнет уже 14 дней.

При чтении старой русской литературы разницу между официально принятым в России григорианским календарем и старым, юлианским, полезно учитывать. Иначе мы не вполне точно будем воспринимать время, когда происходят события, описанные у наших классиков. Вот примеры.

Сегодня нередко, услышав раскаты грома в первые дни мая, люди цитируют начало известного стихотворения Ф.И. Тютчева «Весенняя гроза»: «Люблю грозу в начале мая...» При этом мало кому приходит в голову, что стихотворение написано в XIX веке, когда май в

России начинался 13 мая по нынешнему календарю (разница в 12 суток) и гроза в средней полосе страны вовсе не редкость. Поэтому Тютчев, описывая первую грозу в начале (а по-нашему в середине) мая, ничуть ей не удивляется, а только радуется.

В рассказе И.С. Тургенева «Стучит!» читаем: «...дело было в десятых числах июля и жары стояли страшные...» Сейчас нам ясно, что по-нынешнему речь идет о двадцатых числах июля. В другом произведении Тургенева, романе «Отцы и дети», говорится: «Наступили лучшие дни в году – первые дни июня». Добавив 12 дней, читатель легко поймет, какое время года по современному календарю Тургенев считал лучшим.

В дальнейшем изложении даты старого и нового стиля мы будем давать через дробь.

Праздники и посты

Всего главных христианских праздников в году насчитывается двенадцать, по-церковнославянски – дванадесять или дванадесять. Отсюда каждый из них назывался ДВУНАДЕСЯТЫМ (дванадесатым).

К дванадесатым праздникам относятся: Вход Господень в Иерусалим, или Вербное воскресенье, Вознесение, Троица (переходящие); Крещение (Богоявление), Сретение, Благовещение, Преображение, Успение, Рождество Богородицы, Воздвижение, Введение и Рождество Христово (непереходящие). Главный православный праздник – Пасха Христова – стоит особняком, в число дванадесатых праздников не входит.

В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» помещик Оболт-Оболдуев с умилением вспоминает свою богатую и привольную жизнь при крепостном праве:

*Пред каждым почитаемым
Дванадесатым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.*

Действительно, устроить у себя в доме дорогостоящее многочасовое богослужение – ВСЕНОЩНУЮ, продолжавшуюся с вечера до полуночи, а то и позднее, мог себе позволить далеко не каждый помещик.

Разъясним (в календарном порядке) основные праздники и посты, широко отмечавшиеся и соблюдавшиеся в дореволюционной России и отраженные в русской классической литературе.

Главным зимним многодневным праздником были СВЯТКИ, продолжавшиеся от Рождества Христова (25 декабря / 7 января) до Крещения (6/19 января). Это время было короткой передышкой в сельских работах, кратковременным периодом относительного достатка в большинстве семей и сопровождалось массовыми народными увеселениями. «Настали святки! То-то радость!» – писал Пушкин в «Евгении Онегине».

У древних славян-язычников то была пора очищения от скверны, дни уборки и мытья, а затем праздничных пиршеств с жертвоприношениями богам.

Накануне РОЖДЕСТВА, то есть дня рождения Иисуса Христа, в СОЧЕЛЬНИК, молодежь ходила по улицам, распевала особые песни – КОЛЯДКИ, плясала перед хатами, выпрашивая у хозяев угощение и мелкие деньги. Этот обычай красочно описан в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством».

На святках молодые люди облачались в шкуры различных животных, надевали маски, изображая собой нелепых чудищ и уродов. Хождение по домам ряженных показано в комедии «Бедность не порок» А.Н. Островского. Святочное веселье с ряжеными в имении Ростовых, а затем Мелюковых колоритно нарисовано Л. Толстым в «Войне и мире» (Т. 2. Ч. 4-я. Гл. X).

Праздником КРЕЩЕНИЯ, или БОГОЯВЛЕНИЯ, поминается обряд крещения Иисуса Христа, то есть погружения его в священную реку Иордан; при этом, согласно Евангелию от

Матфея, Иисусу явился Дух Божий в виде голубя – отсюда Богоявление.

На Крещение девушки собирались отдельно от парней, чтобы гадать о будущем, прежде всего о суженом – безвестном еще женихе. Здесь существовал целый ритуал, во многом унаследованный с древнейших времен, различные магические действия с разгадками той или иной приметы: *«гадает ветреная младость»* (Пушкин). Например, у первого прохожего спрашивали имя – так именно и должен был зваться будущий жених. Эти наивные и трогательные крещенские гадания, которыми увлекалась и «русская душою» Татьяна, описаны в пятой главе «Евгения Онегина».

Еще полнее разновидности крещенских гаданий перечислены в романтической балладе В.А. Жуковского «Светлана», первая строфа которой широко известна: *«Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали...»*

Крещение обычно связано с сильными холодами, прозванными народом «крещенскими морозами». Встретив былую уездную барышню через несколько лет на столичном балу важной дамой, женой генерала, Онегин замечает: *«У! как теперь окружена / Крещенским холодом она!»*

В старину праздновали не день рождения человека, а день его ИМЕНИН, то есть день, посвященный святому, именем которого его окрестили. Так, кульминационная сцена романа «Евгений Онегин» происходит в день именин героини – ТАТЬЯНИН ДЕНЬ, 12 января по старому стилю, 25-го по новому. На следующее утро Онегин и Ленский встречаются на роковой дуэли.

Самым веселым праздником ранней весны была МАСЛЕНИЦА, продолжавшаяся целую неделю.

Истоки масленицы – в глубокой древности. У язычников это было время проводов зимы и встречи весны. Приурочить масленицу к определенному времени нельзя, каждый год оно меняется. Почему? Масленая неделя связана с главным православным праздником ПАСХИ, который не имеет постоянной даты. Это – передвижной праздник, он зависит не только от стояния Солнца, но и от местонахождения Луны. Пасха празднуется непременно в воскресенье, первое после весеннего равноденствия и полнолуния. Поэтому дата Пасхи ежегодно блуждает в пределах 35 дней – от 22 марта до 25 апреля по старому стилю (5 апреля – 8 мая по новому).

Масленица же начинается за восемь недель до Пасхи, то есть в феврале – марте нового стиля. В эту неделю запрещалось есть мясо, остальную же пищу разрешалось вкушать вволю, так как сразу же за масленичным весельем следовал продолжительный и строгий Великий пост, тянувшийся почти семь недель. «Не все коту масленица, придет и Великий пост» – предупреждает пословица, первую часть которой взял Островский для названия одной из своих комедий. ШИРОКОЙ, то есть самой разгульной, МАСЛЕНИЦЕЙ называются последние четыре дня масленичной недели, от четверга до воскресенья.

Последний день масленичной недели называется ПРОЩЕНЫМ ВОСКРЕСЕНЬЕМ или ПРОЩЕНЫМ ДНЕМ. В этот день – канун Великого поста – домочадцы кланялись друг другу, взаимно прося простить все обиды и огорчения, нанесенные вольно или неволью.

«У нас в доме, поздним вечером, все вдруг делались тогда кроткими, смиренно кланялись друг другу, прося друг у друга прощенья», – пишет И.А. Бунин в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева».

В прощенное воскресенье иногда совершался вполне языческий обряд – проводы масленицы и сожжение ее самой в виде соломенного чучела, одетого в женское платье, что сопровождалось песнями и плясками. Такой обряд показан в пьесе-сказке А. Островского «Снегурочка» и в одноименной опере Н.А. Римского-Корсакова.

На следующий день наступал ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК – начало Великого поста. У Бунина есть рассказ «Чистый понедельник», главное событие которого происходит именно в этот день.

Надо отметить, что в церковном календаре многие недели имеют свои наименования. Так, масленица называется МЯСОПУСТНОЙ НЕДЕЛЕЙ (пустая мясом), неделя до нее –

ПЕСТРОЙ (в ней чередуются постные и непостные дни), предшествующая – СПЛОШНОЙ (сплошь целостные дни) и т.д.

В комедии Островского «Грех да беда на кого не живет» Жмигулина, «девица пожилых лет», говорит молодому помещику Бабаеву: *«Я очень хорошо помню: с пестрой недели третий год пошел, как вы уехали»*. Пестрая неделя – ничем не выдающееся февральское или мартовское время, вовсе не праздник; памятьливость Жмигулиной выдает ее неугасающий интерес к молодому человеку.

Прежде чем перейти к Великому посту, следует рассказать о постах вообще.

Всякий пост налагает на верующего немало тяжелых требований: частые молитвы, воздержание от различных видов пищи, полный отказ от мирских увлечений и плотских удовольствий – словом, отрешение от всех жизненных радостей. Всего в году четыре многодневных поста и три однодневных – по второстепенным праздникам, не считая двух постных дней в неделю – среды и пятницы. Общее количество постных дней в году составляет 178-199.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ накануне Пасхи – самый главный и строгий из всех. Он отличался особо суровым говеньем, то есть воздержанием от СКОРОМНОЙ – мясной и молочной пищи. Принятие пищи иногда ограничивалось до предела. *«Дома, по случаю поста, ничего не варили и не ставили самовара»*, – говорится в рассказе Чехова «Убийство». Театральные и цирковые представления, всякого рода публичные увеселения запрещались полностью.

Как и в другие посты, не допускались бракосочетания. *«Теперь Великий пост и венчать не станут»*, – говорит Алеша в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Последняя неделя Великого поста, перед Пасхой, называется СТРАСТНОЙ, в память страстей, то есть страданий, распятого на кресте Иисуса Христа. Каждый день этой недели, наполненной частыми богослужениями и особо строгим говеньем, именовался СТРАСТНЫМ или ВЕЛИКИМ.

В лицейском стихотворении «Городок» Пушкин писал:

*Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у наля
В великий четверток
Измученный дьячок.*

Этот же четверток, то есть четверг, иногда назывался ЧИСТЫМ.

«Все это происходило в страстную пятницу», – писал Достоевский в «Униженных и оскорбленных». Речь идет о последней пятнице перед Пасхой.

Богобоязненная мать Адуева, провожая сына на службу в Петербург («Обыкновенная история» Гончарова), назидает юношу: *«Блюди посты, мой друг: это великое дело! В среду и пятницу – Бог простит, а в Великий пост – Боже оборони. Вот Михайло Михайлыч и умным человеком считается, а что в нем? Что мясоед, что страстная неделя – все одно жрет. Даже волос дыбом становится!»*

Пасхальная ночь с заутреней многократно отражена в художественной литературе. Наиболее сильное описание – в романе Л. Н. Толстого «Воскресение», когда это празднество окрашено вспыхнувшим сильным и глубоким чувством Нехлюдова к Катюше.

Главный в году православный праздник – ПАСХА, или СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. Он взят христианами у иудеев, которыми был установлен в память об избавлении еврейского народа от египетского рабства. У христиан праздник приобрел совершенно иное содержание. Им отмечается чудесное воскресение Иисуса Христа после его казни и снятия с креста.

Сам праздник Пасхи часто назывался в народе СВЯТОЙ НЕДЕЛЕЙ или просто СВЯТОЙ. Слово «неделя» здесь следует понимать в устаревшем значении – воскресный день; неделя – от не делать, не работать. Впоследствии это слово стало обозначать всю

семидневку, или по-церковнославянски седмицу, а нерабочий день называли воскресеньем – в честь Воскресения Христова.

В эпилоге романа Достоевского «Преступление и наказание» говорится, что Раскольников «*пролежал в больнице весь конец поста и святую*», то есть праздник Пасхи.

Придя домой из церкви, верующие разговляются, отмечают праздник и окончание Великого поста обильной и вкусной едой и питьем. Эти праздничные застолья ярко описаны в юмористических рассказах молодого Чехова.

Неделя после праздника Пасхи называется СВЕТЛОЙ.

За светлой неделей следует ФОМИН ПОНЕДЕЛЬНИК и ФОМИНА НЕДЕЛЯ, или, по-народному, КРАСНАЯ ГОРКА, – время долгожданных свадеб, запрещенных в Великий пост. Поэтому свадьбы на Фоминой неделе были особо многочисленны.

Горничная Таня в комедии Л. Толстого «Плоды просвещения» просит бар, чтобы отпустили ее в деревню, так как у нее с женихом Семеном «*дело теперь сладилось... А на Красную горку и свадьба*».

В рассказе А.И. Куприна «Бонза» читаем: «*...ее жених – морской офицер, гостил в Москве в ожидании Фоминой недели, на которой назначен был день свадьбы*».

В рассказе Л. Толстого «Дьявол»: «*На Красную горку Евгений обвенчался в городе и тотчас же с молодой женой уехал в деревню*».

В повести Чехова «Моя жизнь» Михаил и Маша повенчались «*вскоре после Фоминой недели*».

Как бы ни колебалось из-за лунного цикла время Пасхи и Красной горки, но это всегда весна. Не случайно в «Анне Карениной» говорится: «*...на второй день святой, понесло теплым ветром... и на самую Красную горку... открылась настоящая весна*».

24 июня (7 июля) празднуется день ИВАНА КУПАЛЫ. Хотя церковь поминает в этот день Иоанна Крестителя (Предтечу), на самом деле Иван Купала – дохристианский славянский праздник, посвященный борьбе со злыми духами с помощью огня и разного рода растений. В ночь на Ивана Купалу жгли костры, устраивали игры и пляски. Гоголь посвятил этому таинственному празднику свой чудесный рассказ-быль «Вечер накануне Ивана Купалы».

Праздник ТРОИЦЫ – передвижной, он отмечается на 50-й день после Пасхи. (В отсчет включается и самый праздник Пасхи.) Отсюда и другое его название – ПЯТИДЕСЯТНИЦА, так как он приходится на седьмое воскресенье после Пасхи. Седьмой от Пасхи четверг именуется СЕМИК.

Праздник Троицы издревле был связан с культом растительного мира, большое место в нем всегда уделялось поклонению деревьям и другим растениям, отсюда и обычай украшать дома березовыми ветвями. Один из обрядов описан во второй главе «Евгения Онегина» (строфа XXXV), где о Лариных говорится:

*...В день Троицын, когда народ
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три...*

ЗАРЯ, или ЗОРЯ (другое название – ЛЮБИСТОК), – пахучая травка, которую во время троичского богослужения следовало оросить слезами, дабы очиститься от грехов.

Гоголь, всегда интересовавшийся народными обычаями, записал в своей карманной книжке: «*Троицын день и семик – не работают три дня: заплетают венки, поют песни; хороводный праздник, оканчивающийся бросанием венков в реку*».

Праздничные гуляния происходили в семик как в селах, так и в городах. «*На Ярилином поле по семикам городское мещанство устраивало гулянье*», – пишет А. М. Горький в «Жизни Матвея Кожемякина». В Москве подобные гулянья происходили в Марьиной Роще.

Ближайшая после семика суббота считалась РОДИТЕЛЬСКОЙ – день поминовения

близких родственников.

Сразу после Троицы начинался ПЕТРОВ ПОСТ, длившийся до дня Петра и Павла (29 июня / 12 июля). Так как начало этого поста определялось лунным календарем – по Троице, а конец приходился всегда на один и тот же день, то продолжительность поста была различной – от 5 до 42 суток.

ПЕТРОВ ДЕНЬ – любимые народом ПЕТРОВКИ, середина лета, время сенокоса: *«Петровки. Время жаркое. В разгаре сенокос»* (Некрасов). Герасим в «Муму» Тургенева *«о Петров день так сокрушительно действовал косой, что хоть бы молодой березовый лесок смахивать с корней долой...»*

«Аверкий слег, разговевшись на Петров день», – так начинается рассказ Бунина «Худая трава»; именно с Петрова дня можно было есть скоромную пищу.

Константин Левин («Анна Каренина») приступает в своем имении к покосу, не дожидаясь Петрова дня, так как видит *«не движимое ветром огромное серо-зеленое море луга»*. Встреченный старик Фомич говорит ему: *«По-нашему, до Петрова дня подождать. А вы раньше всегда косите. Что ж, Бог даст травы добрые. Скотине простор будет»*.

Далее – знаменитое, классическое описание косьбы, принадлежащее к лучшим страницам русской литературы.

Следующий после Петрова большой пост – УСПЕНСКИЙ. Он длится с 1/14 по 15/28 августа и заканчивается в праздник УСПЕНИЯ (кончины) Богородицы. Успенский пост в народе назывался СПОЖИНКАМИ (или ГОСПОЖИНКАМИ), так как праздник Успения знаменовал собой завершение уборки урожая – спожинать означало дожинать. Слово «спожинки» превратилось в «госпожинки» по созвучию со словом «госпоженка», как иногда называли Богоматерь. Если Бог был господь, то есть господин, то Богоматерь – госпожа.

В «Преступлении и наказании» Достоевского мать Раскольникова пишет, что Лужин, жених дочери, *«хочет сыграть свадьбу в нынешний мясоед»* (то есть время между Петровым и Успенским постом. – Ю.Ф.), *а если не удастся, по крайности срока, то тотчас после госпожинок»*.

В «Былом и думах» А.И. Герцен передает такой разговор:

«– Да ты что это, Анна Якимовна, больна, что ли, ничего не кушаешь?»

...

– ...да так-с, по-старинному-с, ха, ха, ха, теперь спажинки».

Глава IV повести Л. Толстого «Семейное счастье» начинается с фразы: *«Был Успенский пост, и потому никого в доме не удивило мое намерение – говеть в это время»*. Дело в том, что Успенский пост, или спожинки, соблюдался немногими, и говение в него не считалось обязательным. Только сильные душевные переживания героини «Семейного счастья» побудили ее к говению.

Главный осенний праздник – ПОКРОВ (1/14 октября). История его восходит к 910 году, когда в одном из храмов Константинополя во время богослужения юродивый Андрей и его ученик Епифаний увидели парящую в воздухе Богородицу, которая распростерла над молящимися свое широкое белое покрывало – покров – и произнесла молитву о спасении мира от невзгод и страданий. В дохристианское время праздник знаменовал окончание всех работ по уборке урожая и наступление холодов.

Народ кратко сформулировал значение Покрова в пословице: *«До Покрова – осень, за Покровом зима идет»*. К Покрову крестьяне-отходники возвращались в родные деревни. В поэме Некрасова «Коробейники» праздник этот играет немалую роль для определения времени действия. *«Опорожнится коробушка, / На Покров домой пойду»*, – говорит парень-коробейник, то есть странствующий торговец галантерейным товаром. *«Да, трудненько Катеринушке / Парня ждать до Покрова... Чуя близость холодов, Катя нуще разгорается... Вот и праздничек Покров!»*

Покров был не только веселым днем окончания всех полевых работ, но и печальным днем рекрутчины. *«В приказе сказано, до Покрова нужно свезти рекрут в город»*, – говорит приказчик барыне в рассказе Л. Толстого «Поликушка».

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, или ФИЛИППОВ, ПОСТ начинался после дня святого Филиппа, то есть 15/28 ноября и заканчивался в рождественский сочельник 24 декабря / 6 января, продолжаясь, таким образом, сорок дней. Это был второй по значению (после Великого) пост.

В характеристике патриархальной четы Лариных («Евгений Онегин») есть строка, ироническое содержание которой ускользает от внимания не только читателей, но и комментаторов романа: «...*Два раза в год они говели...*» (глава вторая, строфа XXXV). А ГОВЕТЬ надо было не два, а четыре раза в год – по числу постов! Тем самым Пушкин показывает (и это было ясным его современникам), что храня «*в жизни мирной / Привычки милой старины*», супруги Ларины отнюдь не были ревностными постниками. Надо думать, что говели они только в главные посты – Великий и Рождественский.

Сокращенно в обиходе Филиппов пост назывался ФИЛИППОВКОЙ: «Ноябрь уж приходил к концу, началась Филипповка», – читаем в рассказе Лескова «Житие одной бабы». Но Филипповкой назывался не только самый пост, но и его канун – Филиппово заговенье. ЗАГОВЕНЬЕ, или ЗАГОВЕНЫ, – последний день перед постом, когда разрешалось есть скоромную пищу.

«*У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья*», – говорит хозяйственная Коробочка Чичикову. Домашнюю птицу забивали на зиму в большем, чем обычно, количестве.

Как и в остальные посты, свадьбы в Филиппов пост запрещались. Отсюда и фраза в «Пошехонской старине» М.Е. Салтыкова-Щедрина: «*И так как приближались Филипповки, то решено было играть свадьбу в рождественский мясоед*».

МЯСОЕД – время, в которое разрешалось есть мясо и отменялись все другие запреты, связанные с постами. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МЯСОЕД – период от Рождества Христова до Великого поста. Закоренелый холостяк Подколесин в «Женитьбе» Гоголя, придя к выводу, что «*наконец точно нужно жениться*», укоряет себя: «*Вот опять пропустил мясоед. А ведь, кажется, все готово, и сваха вот уж три месяца ходит*».

СОЧЕЛЬНИК (24 декабря / 6 января), или ГОЛОДНАЯ КУТЬЯ, был последним постным днем, отсюда и мысль гоголевского кузнеца Вакулы («Ночь перед Рождеством») при виде Пасюка, пожирающего вареники: «*Ведь сегодня голодная кутья, а он есть вареники, вареники скоромные!*»

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО было вторым после Пасхи важнейшим праздником христианского календаря. Его не надо путать с РОЖДЕСТВОМ БОГОРОДИЦЫ (днем рождения матери Христа), отмечаемым гораздо более скромно 8/21 сентября.

После Рождества Христова начинались СВЯТКИ, описанием которых мы и начали перечень основных праздников и постов.

Остальные даты и термины народного календаря, не упомянутые в основном тексте, но часто встречающиеся в русской классической литературе, приводятся в алфавитном порядке (для удобства пользования).

ВВЕДЕНЬЕ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ (по-народному – ВВЕДЕНЬЕ) – 21 ноября / 4 декабря. В трехлетнем возрасте родители торжественно ввели (отсюда и «введение») в иерусалимский храм Марию, будущую Богоматерь, оставив ее воспитываться при храме вплоть до совершеннолетия, то есть до 15-летнего возраста, после чего она была выдана замуж за пожилого вдовца плотника Иосифа. Введение знаменует наступление устойчивых зимних погод. «*Наложило Введение на воду толстое леденье*», – говорили в народе.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, или ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ, празднуется за неделю до Пасхи, до него – ВЕРБНАЯ СУББОТА, вся же предшествующая неделя именуется ВЕРБНОЙ. В древнем Иерусалиме Христа встречали пальмовыми ветвями. В России пальмовые ветви заменили вербой – растением, которому еще древние приписывали магические свойства. В вербное воскресенье, согласно евангельскому преданию, Иисус Христос торжественно въехал в Иерусалим на ослице (символ кротости и смирения в

отличие от боевого коня), где свершил свои последние подвижнические деяния, утвердившие его во мнении народном как сына Божьего и спасителя человечества.

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ празднуется на 40-й день после Пасхи, между 1/14 мая и 4/17 июня. В этот день Иисус, завершая свою земную жизнь, взошел на гору Елеонскую, благословил учеников-апостолов и вознесся на небо. На Вознесение происходит второй приезд Нехлюдова к тетушкам («Воскресение» Л. Толстого) и решительный поворот в его отношениях с Катюшей.

ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА ГОСПОДНЯ отмечается постоянно 14/27 сентября в память того, что на Голгофе – месте казни Христа – был воздвигнут найденный здесь крест, на котором он был распят. Воздвижение народ связал с крестьянскими приметам: «Хлеб с поля двинулся» (то есть убрана последняя копна) и «Птица в отлет двинулась» .

ВЕЧЕРНЯ – вечерняя церковная служба.

ДУХОВ ДЕНЬ – праздник в честь Святого Духа – одного из трех лиц Троицы, празднуется на другой день после Троицы.

ЕГОРИЙ ВЕШНИЙ. Георгий (в народе Егорий) Победоносец всегда был особо почитаемым святым. Он изображается в виде воина на коне, поражающего копьём дракона. Отмечается 23 апреля / 6 мая. Начало полевых работ.

ЕГОРИЙ ОСЕННИЙ, или ЮРЬЕВ ДЕНЬ (26 ноября / 9 декабря), также посвящен Георгию Победоносцу. «Один Егорий голодный, другой холодный» , – говорилось, в народе об обоих праздниках. До 1607 года в день Егория (Юрия) Осеннего крепостным крестьянам разрешался переход от одного помещика к другому. Отмена этого права и породила горестную поговорку: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» .

ЗАУТРЕНЯ – ранняя утренняя служба, «...звонят / К заутрени» , – говорит Пимен в «Борисе Годунове» Пушкина, заканчивая свою беседу с Григорием.

ИЛЬИН ДЕНЬ посвящен грозному пророку Илье – покровителю земледелия и водной стихии. В верованиях славян-земледельцев он как бы сменил языческого Перуна. Так же, как и Перун, он разъезжает по небу в колеснице и мечет на землю огненные стрелы (молнии) и град. Отмечается 20 июля / 2 августа, когда и в самом деле часто случаются грозы. Для крестьянина Ильин день знаменовал конец сенокоса, начало жатвы: «Пророк Илья лето кончает, жито зажинает» ; «Илья Пророк – косьбе срок» , то есть конец.

МЯСОПУСТ – день, в который церковь запрещает есть мясо, в частности воскресенье накануне масленицы.

НИКОЛА ВЕШНИЙ – 9/22 мая. День, посвященный самому популярному у православных святому Николае (Николаю) – покровителю моряков, рыбаков, торговли и земледелия. Время начала многих полевых и огородных работ. «Пришел бы Никола, а тепло будет» , – уповали в народе. В «Первой любви» Тургенева дата прямо указана: «Мы переехали из города (на дачу) 9 мая, в самый Николин день» .

НИКОЛА ЗИМНИЙ – 6/19 декабря, день рождения святого Николы. Рассказ Л. Толстого «Хозяин и работник» начинается с указания времени действия: «Это было в семидесятых годах, на другой день после зимнего Николы» . Кто сильно пьянствовал на Николу, про того говорили: «Прониколился до сумы» . В это время в России часто свирепствуют Никольские морозы.

ОБЕДНЯ (официально литургия). Утренняя и дневная церковная служба. В «Станционном смотрителе» Пушкина отправилась Дуня на воскресную обедню, да так и не вернулась: ее увез гусар.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ – 6/19 августа. Во время моления Иисуса на горе Фавор облик и одежда его чудесным образом преобразились, а глас Божий возвестил, что Иисус – сын Божий. Предание подтверждало сущность Христа как богочеловека, явившегося, дабы спасти человечество...

В стихотворении Б. Л. Пастернака «Август» читаем: «Вы шли толпою, врозь и парами, / Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня / Шестое августа по-старому, / Преображение Господне» .

В крестьянском календаре – начало озимого сева.

ПРЕПОЛОВЕНИЕ (буквально – половинка, середина). Праздник, приходящийся на половину срока между Пасхой и Троицей. В канун этого праздника отец Сергей, герой одноименного рассказа Л. Толстого, служит Всенощную в своей пещерной церкви.

ПРИХОДСКИЙ, или **ХРАМОВЫЙ**, **ПРАЗДНИК** – местное торжество в день, когда отмечается церковный праздник или святой, в честь которого названа церковь.

СПАС ПЕРВЫЙ (медовый) – 1/14 августа. Праздник установлен в честь поклонения кресту, на котором принял страдание Христос Спаситель (сокращенно Спас). У крестьян этот день совпадал с вырезкой сотов из ульев (отсюда медовый). В связи с началом сева была поговорка *«Первый Спас – первый сев»* .

СПАС ВТОРОЙ (яблочный) – 6/19 августа, то же, что Преображение (см. выше), посвящен Иисусу Христу (Спасу). Начало сбора яблок; до второго Спаса есть яблоки, даже вполне спелые, считалось грехом. Становится холодней: *«На второй Спас бери рукавицы про запас»* .

СПАС ТРЕТИЙ (на полотне) – 16/29 августа. Праздник учрежден в память перенесения иконы – полотна с изображением Христа из города Эдессы (Малая Азия) в Константинополь. В крестьянском быту связывался с окончанием жатвы и озимого сева: *«Третий Спас – хлеб припас»* .

СРЕТЕНИЕ – 2/15 февраля. На 40-й день после рождения, согласно Моисееву закону, мать принесла Иисуса в Иерусалимский храм, дабы представить его Богу. Младенца встретили (отсюда Сретение, то есть по-современному – встреча) благочестивый прихожанин старец Симеон и пророчица Анна. Симеон во всеуслышание объявил, что ребенок этот и есть «свет к просвещению язычников». Сретение – время сильных, так называемых сретенских, морозов, тем не менее чувствуется поворот к весне: *«На Сретенье – солнце на лето, а зима на мороз»* ; *«Зима весну встречает»* ; *«На Сретенье кафтан с шубой встретился», а также «цыган шубу продает»* .

ГЛАВА ВТОРАЯ РОДСТВО, СВОЙСТВО

Термины родства и свойства

«Мама, папа» – первые слова, сменяющие младенческий лепет, самые нужные и любимые. Затем в языке ребенка появляются баба (бабушка), деда (дедушка), а повзрослев, он усваивает такие понятия, как сын, дочь, брат, сестра, дядя, тетя и т.п. Они обозначают отношения людей по родству, называются по-научному **ТЕРМИНАМИ РОДСТВА** и известны каждому. Вместе с ними еще живы в языке **ТЕРМИНЫ СВОЙСТВА**, указывающие на отношения людей, возникшие в результате брачного союза – отношения одного из супругов с родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов. Сегодня многие из этих терминов, в старину широко известные и встречающиеся в литературе постоянно, понятны не каждому. Приведем объяснительную табличку терминов свойства; они важны для уяснения родственных связей персонажей русской литературы.

СВЕКОР – отец мужа.

СВЕКРОВЬ – мать мужа.

ТЕСТЬ – отец жены.

ТЕЩА – мать жены.

ЗЯТЬ: 1) муж дочери; 2) муж сестры.

СНОХА – жена сына по отношению к его отцу, реже – по отношению к его матери.

НЕВЕСТКА: 1) жена брата; 2) жена сына по отношению к его матери, реже – по отношению к его отцу; 3) жена одного брата по отношению к жене другого брата.

ШУРИН – брат жены.

ДЕВЕРЬ – брат мужа.

ЗОЛОВКА – сестра мужа.

СВОЯЧЕНИЦА – сестра жены.

СВОЯК – муж сестры жены.

СВАТ – отец жены сына или мужа дочери.

СВАТЬЯ – мать жены сына или мужа дочери.

Кажется, невелика мудрость запомнить, но вряд ли кто из современных молодых людей точно объяснит все эти четырнадцать терминов. Некоторые из них забываются, отмирают. Между тем для наших предков это были живые, общепонятные слова.

Причины забвения различны. Одна из них – ослабление связей внутри рода по сравнению с патриархальными родственными связями в старые времена. Другая причина – двойственное, расплывчатое значение некоторых терминов. Не случайно в современной юридической терминологии они не допускаются.

Возьмем слово «зять». В наше время оно применяется чаще всего в значении «муж дочери»; значение «муж сестры» отошло на задний план. Язык не любит двойственности, ведущей к путанице.

В трагедии Пушкина «Борис Годунов» Шуйский с ненавистью говорит о царе Борисе:

*Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач.*

Кем же приходится Борис Годунов Малюте? Мужем его дочери или сестры? Текст трагедии ничего нам не объясняет. Только обратившись к историческим источникам, мы узнаем, что жена Бориса Мария была дочерью Малюты.

А вот другой пример: гоголевского Ноздрева сопровождает чудаковатый зять Мижуев. Кто он: муж дочери Ноздрева или муж его сестры? Судя по возрасту Ноздрева (35 лет), вряд ли у него могла быть взрослая, замужняя дочь. Можно не сомневаться, что Мижуев – муж сестры Ноздрева. Это подтверждается и дальнейшим текстом, из которого узнаем, что покойная жена Ноздрева оставила ему двух ребятишек, за которыми присматривает нянька.

Кстати, зятем именовался и муж золовки, то есть сестры мужа. Вот и третье значение слова «зять»!

Неоднозначно и слово «сват»; так назывались и мужчины, посланные к родителям девушки с брачным предложением от молодого человека, посредники в устройстве брака. Как постоянным ремеслом таким посредничеством занимались женщины-свахи, с которыми мы хорошо знакомы по комедиям Островского. Очень яркий образ СВАХИ вывел Гоголь в комедии «Женитьба». Но сваху со сватьей не спутаешь, тут слова разные, а вот для свата-посредника и свата-родителя слово одно и то же. В «Русалке» Пушкина выведен Сват, устроивший брак Князя. В романе «Пошехонская старина» Салтыков-Щедрин пишет: «Были и сваты, хотя для мужчин это ремесло считалось несколько зазорным».

Пушкин оставил нам неразрешимую загадку в «Сказке о царе Салтане», назвав злую Бабариху сватьей бабой. Из дальнейшего повествования следует, что она приходится бабушкой царевичу Гвидону, то есть матерью царице. Но кому она сватья? Салтану она теща, а о родителях царя, кому она, бесспорно, приходилась бы сватьей, в сказке речи нет. Почему же так пристало к Бабарихе звание «сватья»? Слово это изредка употреблялось и в значении «сваха», но ни из чего не видно, чтобы Бабариха занималась сватовством.

У Л. Толстого в повести «Хаджи-Мурат» Николай I, самодовольно размышляя о своей роли в делах не только России, но и Европы, «вспомнил про шурина, прусского короля, и его слабость и глупость и покачал головой». Знание слова «шурин» пояснит нам многое: исторически верно, что Николай I был женат на сестре короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV, который, таким образом, был его шурином.

В «Анне Карениной» термины родства и свойства постоянно определяют семейные отношения персонажей: Стива Облонский – шурин Каренина и зять Щербацкого, Кити –

свояченица Стивы, Долли – невестка Анны и свояченица Левина, Стива и Левин – свояки, Каренин – зять Стивы, Анна – золовка Долли и т.д. Вот тут-то и полезно заглянуть в таблицу.

Смешение терминов

Путались и затруднялись с терминами свойства не только в наши дни, но и в старину, особенно аристократы, привыкшие к французскому языку. В комедии Л. Толстого «Плоды просвещения» Толстая барыня говорит: *«Брат моего мужа – как это называется?.. не beau-frere, а по-русски... не свекор, а еще как-то? Я никогда не могу запомнить этих русских названий...»* Барыня забыла (или не знала) слово «деверь». Через эту деталь Толстой показывает, что высшее общество забывало свой родной язык.

Но не будем слишком строги к Толстой барыне: на страницах русской классики термины свойства нередко смешиваются и, вероятно, не случайно – так было и в жизни. В списке действующих лиц «Горя от ума» Хлестова названа свояченицей Фамусова, обращается он к ней словом «невестушка» (т.е. невестка). Да ведь невестка – жена брата, тогда как свояченица – сестра жены! Не исключено, что здесь повлиял французский язык, где сестра жены и жена брата обозначаются одним словом – *belle-sœur*, так же, как одним словом *beau-frere* называются деверь и шури.

Нередко смешиваются термины «невестка» и «золовка». Арина в «Утре помещика» Л. Толстого называет золовками жен своих братьев, то есть невесток (глава XI), а уж ей ли, кажется, деревенской старухе, не знать всех этих обозначений! Тут уж французский язык ни при чем. То же – в комедии Островского «На бойком месте»: Аннушка обращается к Евгении Мироновне словом «золовушка», хотя та ей не сестра мужа (которого у Аннушки и нет), а жена брата, то есть невестка.

В романе «Новь» Тургенева губернатор называет Маркелова зятем Синягина, а он брат его жены, то есть шури. Замена термина «зять» на «шури» встречается и у Куприна в «Гранатном браслете». В его же романе «Юнкера» прямо говорится: *«Александров провел остаток лета вместе с мамой у своего шурина, мужа сестры Зины...»* Разумеется, не шурина, а зятя.

Очень показательна правка Пушкина, чрезвычайно ценившего точность слова, его «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях». В черновике старший богатырь просит царевну: *«Одному женою будь, / Прочим ласковой золовкой. / Что ж качаешь ты головкой?»* В чистовике это место исправлено так: *«...Одному женою будь, / Прочим ласковой сестрою. / Что ж качаешь головою?»* Пушкин вовремя заметил, что золовка – сестра мужа, а царевна стала бы женой одного из братьев, то есть невесткой другим. Слово «сестра» в образном смысле «названная сестра» (как выше в той же поэме употребляется *«братец наш названный»*) показалось предпочтительней.

Смешение терминов не имеет отношения к замене подлинного термина более близким, как это мы только что видели у Пушкина – сестра вместо невестка. Иначе говоря, чтобы подчеркнуть теплоту отношений, термин свойства заменяется соответствующим им термином родства. Подхалюзин в комедии Островского «Свои люди – сочтемся!» лицемерно называет тестя *«тятенька»*, а тещу *«маменька»*. Учитель Кулыгин в «Трех сестрах» А.П. Чехова обращается к сестре своей жены Ирине *«дорогая сестра»*. Дед мужа Матрены Тимофеевны («Кому на Руси жить хорошо» Некрасова) ласково называет неродную ему Матрену внученькой. Такое явление можно наблюдать и в наши дни.

Чем, однако, объяснить встречающуюся даже у классиков путаницу в употреблении терминов свойства? Трудно заподозрить таких знатоков русского быта, как Тургенев, Л. Толстой и Островский, в незнании народного языка. Тут, несомненно, отражение живой языковой практики: термины эти смешивались в различных диалектах, строгого разграничения, например, понятий «невестка» и «золовка» не было, и писатели в своих

произведениях передавали то, что сами слышали из уст «народа-языкотворца».

«Духовное родство»

Это отношения не по родству, а по косвенным семейным и обрядовым связям. «Духовное родство» строго учитывалось законом и было одним из важнейших юридических понятий дореволюционной России. Оно нашло отражение и в русской классической литературе. Овдовевшему супругу нельзя было жениться на сестре покойной жены, вдове – выйти замуж за брата умершего мужа. Нельзя было жениться на девушке, если она была сестрой жены родного брата – опять «духовное родство»! В повести «Юность» Л. Толстого герой рассуждает: что, ежели бы вдруг Дмитрий, брат девушки, в которую влюблен сам Николенька Иртеньев, захотел бы жениться на Любочке – его сестре? «Тогда кому-нибудь из нас ведь нельзя бы было жениться». И Николенька решает самоотверженно отказаться от женитьбы на его сестре Вареньке, чтобы не мешать счастью Дмитрия и сестры Любочки. Все эти отмершие законы совершенно неизвестны и непонятны современному читателю. Читая роман «Война и мир», узнаем: Николай Ростов не сможет жениться на Марье Болконской, если Андрей (брат Марьи) женится на Наташе (сестре Николая).

Драматический конфликт рассказа Тургенева «Мой сосед Радилов» никак не поясняется в тексте и остается за пределами понимания современного читателя. А вся суть в том, что полюбившие друг друга вдовец Радилов и незамужняя сестра его покойной жены Ольга сочетаться браком не имели права – никогда!

Немалую роль в старину играли отношения, связывавшие неродных людей через обряд КРЕЩЕНИЯ ребенка, то есть приобщения младенца к православной церкви. Участники крещения, мужчина и женщина, официально – ВОСПРИЕМНИКИ ребенка, назывались крестными родителями – КРЕСТНЫМ ОТЦОМ и КРЕСТНОЙ МАТЕРЬЮ, сам младенец на всю жизнь становился их КРЕСТНИКОМ – КРЕСТНЫМ СЫНОМ или КРЕСТНОЙ ДОЧЕРЬЮ. В быту настоящие родители называли крестных кумовьями – КУМОМ и КУМОЙ. Крестные родители навсегда оставались связаны между собой «духовным родством», своего рода близостью. Отсюда выражение «КУМОВСТВО» и поговорка «*мне с ним (с ней) детей не крестить*», то есть нас ничего не связывает.

Что касается обряда КРЕСТИН, то он на всю жизнь запрещал сочетаться браком крестным родителям, даже если никакого кровного родства между ними не было.

В наброске Чехова «Калек» Аня объясняет брату, почему его пригласили в крестные: в крестные матери уже пригласили девушку которая нравится брату, «*она девушка хорошая, а если бы вы покумились, то, говорят, не стали бы вас венчать*».

Запрещалось жениться даже на дочери крестного отца, то есть на «КРЕСТОВОЙ СЕСТРЕ». Горьковского Фому Гордеева хотят женить на Любви, дочери купца Маякина, его крестного отца. Богатый, оборотистый Маякин не считает брак невозможным: «*А насчет того, что сестра она тебе крестова – обладим мы*». Только деньги, связи помогали преодолеть все эти препоны.

Не было денег, связей – и любовь, вспыхнувшая между молодыми людьми, случайно оказавшимися в «духовном родстве», оборачивалась трагедией. Подобная коллизия описана в рассказе Бунина «Кума», герой которого влюбился в куму во время крестин: «*...не понимаю, какая нелегкая дернула их (родителей ребенка. – Ю.Ф.) позвать крестить именно нас с вами...*»

В случае обнаружения такого «противозаконного брака» супругов, даже многолетних и многодетных, в соответствии с законами Российской империи, насильственно разводили.

Кстати, о БРАЧНОМ ВОЗРАСТЕ. В произведениях русской классической литературы мы с удивлением читаем о крайне ранних браках. В главе «Едрово» «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева описано, как девушку Анюту сватали «*за парня десятилетнего*». Няню пушкинской Татьяны выдали замуж в 13 лет, притом что жених ее

Ваня был еще моложе. По закону XVIII века 13-летний возраст для невесты допускался, однако жених должен был быть не моложе 15 лет. Закон этот в помещичьих деревнях постоянно нарушался: многодетная крестьянская семья была рада поскорее «сбыть с рук» девочку, которая как работница нужна была в малодетной семье жениха. Такое нарушение, при отсутствии документов – кроме затерянной в церковной книге метрической записи о крещении младенца, – было делом обычным. Попа ничего не стоило уговорить или подкупить. *«Я по тринадцатому году замуж шла»*, – говорит ключница Фоминична в комедии Островского «Свои люди – сочтемся!».

Ранние браки совершались и в монарших семьях: будущего императора Александра I женили в 16-летнем возрасте на 14-летней. К тому же в конце XVIII века такой брак считался законным.

Старый граф Ростов в «Войне и мире» вопрошает: *«Как же наши матери выходили в 12-13 лет замуж?»*

В 1830 году вышел «высочайший указ», повышавший брачный возраст женщины до 16 лет, а мужчины – до 18. Пушкин считал, что для женщин возраст может быть уменьшен: *«15-летняя девка и в нашем климате уже на выдании, а крестьянские семейства нуждаются в работницах»*. Однако закон этот действовал до самой революции (сейчас в России брачный возраст для обоих полов – 18 лет).

Помимо крестных родителей, были и посаженные – отец и мать. Они исполняли в свадебных обрядах роль родителей жениха и невесты. Никаких юридических и моральных обязательств ПОСАЖЁННЫЕ РОДИТЕЛИ после венчания не несли. С Машей Троекуровой («Дубровский» Пушкина) на венчание едет посаженная мать. Тем более, что родной матери в это время уже у нее не было – умерла.

Обычно в посаженные родители приглашались ради престижа люди солидные, именитые или же давние друзья дома. Молодой чиновник Глумов («На всякого мудреца довольно простоты» Островского) приглашает на эту роль «очень важного господина» генерала Крутицкого. В другой комедии Островского «Богатые невесты» мелкий чиновник Пирамидалов уговаривает стать посаженным отцом генерала Гневышова: *«...и для меня эта честь выше всякой меры, да и по купечеству, вы знаете, ваше превосходительство, как важно»*.

Пугачев в «Капитанской дочке», обещав Гриневу обвенчать его с Марьей Ивановной, собирается оказать молодым особую честь: «Пожалуй, я буду посаженным отцом» (гл. VII).

В посаженные отцы приглашается и важный сановник Каренин («Анна Каренина» Л.Н. Толстого).

Условные обращения

Читая в произведениях старой литературы обращения «кум», «куманек» (уменьшительное от «кум»), «кума», «кумушка» (уменьшительное от «кума»), не следует полагать, что люди, называющие так друг друга, непременно крестные родители. Особо часто обращения такого рода мы встречаем в баснях И.А. Крылова, и не только в аллегорических разговорах животных («Стрекоза и муравей», «Волк и лисица» и т.п.), но и в беседах людей. Басня Крылова «Два мужика», например, начинается так: *«Здорово, кум Фаддей!» – «Здорово, кум Егор!» – «Ну, каково, приятель, поживаешь?»* Во многих случаях это обращения немолодых, давно знакомых людей. Слово «кума» не только в прямом общении, но и за глаза заменяло слово «приятельница» – как, например, в стихотворении Пушкина «Гусар».

Удивляться здесь не приходится. Даже термины прямого родства по сей день используются в живой речи при обращении к незнакомым людям: дедуля, бабуля и бабуся, папаша, мамаша, отец, дяденька, тетенька, сынок, дочка и т.д. В старину, кроме того, в таких случаях употреблялись также слова «братец», «сестрица». Ноздрев непринужденно

обращается к Чичикову со словом «брат», Хлестаков фамильярно называет трактирного слугу «братец». А в известной басне Крылова Лисица ободряет Ворону таким комплиментом: «*Что, ежели, сестрица, / При красоте такой и петъ ты мастерица...*»

Отмирающие слова

Эту главу мы начали со слов «мама, папа». Слова как бы парные, а биография их разная. Если «мама» в обращении к матери – слово старинное, исконно русское, то слово «папа» пришло в нашу речь значительно позднее. Как же называли отца наши далекие предки?

Издревле обращение было таким: ТЯТЯ, ТЯТЕНЬКА. Как не вспомнить тут пушкинские строки:

*Прибежали в избу дети,
Второпах зовут отца:
Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца!*

Попробуйте заменить здесь слово «тятя» словом «папа» – ничего не получится, прозвучит искусственно, фальшиво. Деревенские лети никакого «папы» не знали, только «тятю». «Папу» заимствовали из французского «рара» дворяне, потом купцы и мещане стали говорить «папенька», и только к началу нашего века слово это распространилось во всех слоях населения – и то не сразу. Мама тоже распространилась не без влияния французского «maman» и немецкого «Mama», но звучало и ранее, здесь произошло совпадение. Мать часть называли также МАТУШКОЙ, отца – БАТЕЙ, БАТЮШКОЙ. В уменьшительной форме сейчас говорят «папочка, мамочка», в прошлом веке бытовали слова «папенька, маменька, папаша, мамаша», ныне отмершие или отмирающие.

В рассказе Горького «Наваждение» старик-купец возмущается, слыша от дочерей «папаша, мамаша» (дело происходит в 1890-е годы): «*И слова эти какие-то уродливые, нерусские, в старину не слышно было этаких*». А Матвей Кожемякин в романе Горького «Жизнь Матвея Кожемякина» удивляется, что мальчик Боря говорит не «тятя», а «папа»: «*У нас папой ребятенки белый хлеб зовут*». И в самом деле: детское слово «папка» в значении «хлеб, хлебец» отмечено в словаре Даля.

На страницах русской классической литературы нам нередко встречаются слова КУЗЕН, КУЗИНА – двоюродные брат и сестра (иногда троюродные). Эти слова – пришельцы из французского языка, они употреблялись только в дворянско-интеллигентской среде и народу были чужды и непонятны. У русских классиков оба слова даже подчас писались по-французски, латиницей, или же на французский лад: в «Обрыве» Гончарова вместо кузен читаем «*кузень*». Мать Татьяны Лариной приезжает в Москву к своей кузине Полине (вероятно, переименованная Прасковья), тетке Татьяны. «*Какой эшарп cousin мне подарил!*» – говорит одна из княжон в «Горе от ума» (французское слово «эшарп» вскоре обрусело и превратилось в знакомое шарф). Княжна Зина в рассказе Л. Толстого «Ходынка» идет на народное гулянье вместе с кузеном Алексеем.

Слова «кузен», «кузина» не совсем забыты, но звучат сегодня вычурно, старомодно. Народ их никогда не принимал, а в наши дни они почти вышли из обихода.

Любопытное явление: отмерли полярные термины родства – как слишком просторечные, напоминающие об отжившем быте «тятя, тятенька», так и слишком чужеродные, аристократические – «кузен» и «кузина».

При чтении старой русской литературы нам надо иметь в виду также, что слово «МАМКА» означало не мама в пренебрежительной форме, а кормилица, затем воспитательница (мамка царевны Ксении в «Борисе Годунове» Пушкина), а БАТЮШКОЙ

называли не только родного отца, но и священника, МАТУШКОЙ – жену священника. Батюшкой и матушкой крестьяне нередко также именовали барина и барыню.

Обращение между близкими и друзьями

В целом формы обращения между людьми, даже близкими, в прошлом сильно отличались от современных. От младших по возрасту, чину, общественному положению речевой этикет требовал подчеркнуто уважительного отношения к старшим. Старшим же разрешалась несколько пренебрежительная манера обращения к младшим. Начиналось это уже с семьи.

В дворянских, чиновничьих и купеческих семьях дети обращались к родителям и ко всем старшим родственникам только на «вы». В сельских, крестьянских семьях введенное при Петре I обращение на «вы» к старшим и незнакомым прививалось плохо и так и не привилось. Зато у привилегированных сословий, особенно в городе, оно получило широкое распространение.

В аристократических семьях на «вы» обращались друг к другу даже муж с женой. Так разговаривают друг с другом Арбенин с Ниной в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова, супруги Вышневецкие в «Доходном месте» Островского. В романе Тургенева «Накануне» Николай Артемьевич *«всегда говорил жене «вы», дочери – в экстраординарных случаях»*.

Зато «вы» между супругами в среде провинциального дворянства было редкостью. О таком обращении супругов – старосветских помещиков не случайно с добродушной иронией пишет Гоголь.

Весьма примечательно обращение друг к другу сверстников-приятелей. Наряду с естественным и для наших дней «ты» называли они друг друга полным именем или даже фамилией. В диалогах Евгения Онегина и Владимира Ленского мы слышим только их фамилии, могли молодые дворяне называть один другого полным именем, но уменьшительные – вроде Женя и Володя – даже представить себе нельзя. В «Отцах и детях» Базаров и Кирсанов называют друг друга Евгений и Аркадий, тогда как родители Базарова говорят о сыне *«Енюша»*. Вообще уменьшительные формы имен в образованных семьях входили в быт не скоро и не сразу, особенно же для взрослых. Наташа и Петенька Ростовы были в семье, в обществе же такие имена избегались. Тургенев подчеркивает в «Нови», что Синягин называет жену Валею, она его Борей, но только наедине, общество таких интимностей не терпело.

Обращение по фамилии между равными было весьма распространено. Так обращаются игроки – персонажи «Пиковой дамы» Пушкина. По фамилии называет Софья Чацкого, Татьяна – Онегина.

У эмансипированной Кукшиной в «Отцах и детях» Тургенева *«привычка, свойственная многим провинциальным и московским дамам, с первого дня знакомства звать мужчин по фамилиям»*. Чеховская Попрыгунья *«всегда звала мужа, как всех знакомых мужчин, не по имени, а по фамилии»*.

Официальные и полуофициальные обращения

Обращения между малознакомыми и вовсе не знакомыми людьми отличались большим разнообразием. Наиболее уважительным и официальным служила формула «МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ, МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ». Эта формула имела очень строгий, холодный оттенок. Так начинали общаться и знакомые при внезапном охлаждении или обострении отношений. Таким обращением начинались и служебные документы.

В своем знаменитом словаре В.И. Даль указывает на варианты и градации: *«Отцы наши писали к высшему: милостивый государь, к равному – милостивый государь мой, к*

низшему – государь мой».

В просторечии формула обращения повсеместно упростилась в ГОСУДАРЬ, ГОСУДАРЫНЯ, а затем был отброшен первый слог: СУДАРЬ, СУДАРЫНЯ стало наиболее частым обращением к людям имущим и образованным, обычно незнакомым.

В служебной среде, как гражданской, так и военной, от младшего по чину и званию требовалось обращение к старшему по титулу: от «ВАШЕГО БЛАГОРОДИЯ» до «ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА» (см. таблицы гражданских и военных чинов на с. 93 и 121), а к особам царской фамилии «ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО» и «ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО». «ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ» официально титуловался император и его жена. «ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ» титуловались великие князья, то есть близкие родственники императора и его жены.

Прилагательное «императорское» при этом часто опускалось, но спутать «величество» с «высочеством» можно было только по недоразумению. Вот пример: в романе Л. Толстого «Война и мир» перед Аустерлицким сражением Николай Ростов, разыскивающий Александра I, на вопрос встретившегося ему Бориса Трубецкого *«ты куда?»* отвечает: *«К его величеству с поручением»*. *«Вот он! – сказал Борис, которому послышалось, что Ростову нужно было „его высочество“, вместо „его величества“. И он указал ему на великого князя...»* (Том 1, часть третья, глава XVII).

Князья, не принадлежавшие к царствующему дому, и графы (вместе с женами и незамужними дочерьми) титуловались «ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО», светлейшие князья – «ВАША СВЕТЛОСТЬ». Официально жену всегда титуловали так же, как мужа. Отец Веры Павловны в «Что делать?» Н. Г. Чернышевского говорил домохозяйке, вдове действительного статского советника, после каждого слова «ваше превосходительство». Прислуга титулет Анну Каренину «ваше превосходительство», как и мужа.

Вышестоящие по службе обращались к подчиненным со словом «ГОСПОДИН» с добавлением фамилии, либо чина или должности. Князей, графов и баронов равные им по положению в обществе называют просто этими титулами (особенно в неофициальной обстановке), без формулы титулования. Даже графиня Ростова в «Войне и мире» говорит мужу *«послушай, граф»*. *«Князь, князь! Назад!»* – кричит княгиня Тугоуховская мужу, когда он направился было к Чацкому.

Сильвио в «Выстреле» Пушкина обращается к графу и графине прямо по титулу, тогда как рассказчик – «неровня» – даже в домашней обстановке говорит им *«ваше сиятельство»* и только раз обращается к жене графа словом *«графиня»*.

Все эти нюансы теперь не бросаются в глаза, прежде же они играли немалую роль в оценке персонажей и их взаимоотношений.

В служебной обстановке царская бюрократия строго следила за неукоснительным соблюдением правил обращения, формально укреплявших понижавшую все общество иерархию.

Частое употребление формул титулования делало живую речь тяжеловесной и труднопонимаемой. Когда Гринев в «Капитанской дочке» спрашивает вахмистра о причинах своего ареста, тот отвечает: *«Не могу знать, ваше благородие... Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвезти в острог, а ее благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие»*. Тут явная пародия на «уставный язык» усердного служаки, по форме же – все правильно.

«Слово-ер-с»

Частое повторение в речи слова «сударь» свидетельствовало об уважении к называемому. Отсюда родилось знаменитое «слово-ер-с», которым преисполнена речь персонажей дореволюционной литературы, то есть прибавление к словам звука «с», сокращения от «сударь».

Почему же это «с» называлось «слово-ер-с»? В старославянской азбуке буквы имели словесные обозначения «а» – «аз», «б» – «буки», «в» – «веди»; отсюда и «азбука», по первым ее буквам. Словесным обозначением буквы «с» служило «слово»: «ъ», который ставился в конце слов после согласных, назывался «ер», а «с» в конце лишней раз напоминала об источнике «слово-ер-с» – сжавшемся до единственного звука обращения «сударь».

Когда-то «слово-ер-с» было распространено и в речи дворянства как выражение уважительности прежде всего к старшим. Одним из признаков гордого и независимого поведения молодого Евгения Онегина в среде соседей-помещиков был отказ от «слово-ер-са». За это он был решительно осужден местным дворянством как неуч и сумасброд: *«Все да да нет ; не скажет да-с / Иль нет-с »* . Зато у почтительного Молчалина «слово-ер-с» не сходит с языка: «да-с», «я-с», «к нам сюда-с» и т.д. Даже Фамусов, заискивая перед Скалозубом, употребляет «слово-ер-с».

«Слово-ер-с», или, как иногда его называли, «слово-ерик-с», в представлении старых дворян свидетельствовало о сохранности «добрых традиций» старины, патриархальности и почитании старших. *«Слово-ерик-с пропало, – говорит консерватор и крепостник Калломейцев в «Нови» Тургенева, – и вместе с ним всякое уважение и чиновничество!»*

Однако оно не пропало вовсе, а только исчезло из речи образованных дворян, перейдя к купечеству, мещанству, мелкому чиновничеству, прислуге.

Униженный и прибитый штабс-капитан Снегирев в «Братьях Карамазовых» Достоевского, представляясь, говорит: *«Скорее бы надо сказать: штабс-капитан Словоерсов, а не Снегирев, ибо лишь со второй половины жизни стал говорить словоерсами. Слово-ер-с приобретается в унижении»*.

Помните эпиграф к 6-й главе «Пиковой дамы» Пушкина:

«– Атанде!

– Как вы смели мне сказать атанде?

– Ваше превосходительство, я сказал атанде-с!»

Этот разговор за карточным столом говорил современнику многое: атанде – карточный термин, означающий «подождите, ход сначала сделаю я». Вероятно, без «слово-ер-са» он звучал несколько грубо, вроде простого «подождите», из-за чего скромному участнику игры приходится извиняться перед «превосходительством» – генералом.

Было бы неверным считать «слово-ер-с» исключительно выражением почтительности. К концу XIX века в среде интеллигентных мужчин «слово-ер-с», употребляемое умеренно, стало средством усиления эмоциональной выразительности речи, признаком некой, подчас иронической, официальности. Так, доктор Астров в «Дяде Ване» Чехова говорит Войницкому, с которым он на равных, со «слово-ер-сами»; «слово-ер-с» употребляют и Соленый в «Трех сестрах», и многие другие персонажи чеховских произведений без всякого раболепия.

Весьма любопытно, психологически тонко и убедительно построена беседа-допрос Раскольникова в «Преступлении и наказании» Достоевского. Следователь Порфирий Петрович, дабы придать разговору с подследственным доверительный, полуофициальный характер, часто употребляет «слово-ер-с», Раскольников, будучи в неравном положении, – ни разу. *«Вы и убили-с»* , – так спокойно-вкрадчиво Порфирий Петрович заканчивает разговор, как бы смягчая этим «слово-ер-сом» напряженность ситуации.

С Октябрьской революцией 1917 года, уничтожившей декретом чины, сословия и связанные с ними формулы титулования, стихийно, без всяких указов умерло и «слово-ер-с». Сохранилось оно на некоторое время в устах старой профессуры, ученых и врачей, в качестве добавления к некоторым служебным словам: *ну-с, да-с, вот-с, так-с* , как бы придавая речи отнюдь не подобострастность, а некую солидность и барственность.

Иные формы обращения

Нелегко было человеку неграмотному, неимущему разобраться и обилии формул титулования, часто сложных и труднопроизносимых. Не знающие чинов и знаков различия простолюдины предпочитали поэтому обращаться к барам запросто: БАРИН, БАРЫНЯ, БАТЮШКА, МАТУШКА, СУДАРЬ, СУДАРЫНЯ, к девицам – БАРЫШНЯ, к барчукам – СУДАРИК.

Наиболее почтительной формой обращения к барину было «ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ», независимо от его чина.

Если непременно требовалось титулование, то сложное слово часто искажалось, стягивалось: вместо высокородие, высокоблагородие произносилось «СКОРОДИЕ», а насмешливо, разумеется, за глаза «СКОВОРОДИЕ». В рассказе Л. Толстого «Утро помещика» крестьяне величают князя Нехлюдова вместо «ваше сиятельство» просто «ВАСЯСО»; иногда произносили и «ВАСЯСЬ». Бытовала и такая условно-универсальная форма обращения к барам, как «ВАШЕСТВО»: дескать, вежливость соблюдена, а что имеется в виду – понимай, как хочешь.

Сатин в «На дне» Горького говорит неудачно сплутовавшему в карты Барону «ваше вашество», но это уже насмешка, напоминание о былом величии аристократа, ставшего шулером.

В «Казаках» Л. Толстого и некоторых других произведениях писателя можно услышать из уст солдат стяженное обращение «ВАШЕ БРОДИЕ» и даже «ВАШ-БРОДЬ», заменяющее громоздкие «ваше благородие» и «ваше высокоблагородие».

Внимательный читатель вправе спросить: а к кому обращались с такими часто встречающимися в устах малообразованных людей словами, как «ВАША МИЛОСТЬ» и «ВАШЕ СТЕПЕНСТВО»?

Обе формулы – неофициальные, никакими законами не предписанные. Со словами «ваша милость» чаще обращались к дворянину-помещику или начальнику. «Бьем челом вашей милости», – так начинают свою жалобу на городничего купцы, пришедшие к Хлестакову в «Ревизоре» Гоголя. В «Воскресении» Л. Толстого старик-крестьянин обращается к помещику «ваша милость».

Словами «ваше степенство» обычно обращались к купцам. Так, например, титулуют дворник Грознов своего хозяина-купца в комедии Островского «Правда хорошо, а счастье лучше», трубач, пришедший «лечить» игрой на трубе горьковского Булычева, и т.д. Реже в таких случаях говорили «ваша честь».

Великий знаток русского быта Лесков в статье «Пресыщение знатностью» о надписях на конвертах отмечает: *«Пишут купцам: „его чести“, „его милости“, „его степенству“ и даже пишут „его высокостепенству“, а когда просят от них „корму“, тогда титулуют их „высокопревосходительством“.*

Зато обращение привилегированных сословий к низшим было самым пренебрежительным, в особенности к крепостным – только по имени, и то в пренебрежительной форме. Официантов подзывали словом «ЧЕЛОВЕК»; произнесенное сквозь зубы, это звучало «челаэк!».

В рассказе Тургенева «Два помещика» Мардарий Аполлонович зовет слуг: *«Мишка! Юшка!»* Оказывается, что Юшка – *«высокий и худощавый старик лет восьмидесяти».*

В.Г. Белинский в своем знаменитом письме по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. Гоголя с гневом и горечью писал о николаевской России как о стране, *«где люди торгуют людьми»*, стране, *«где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Степками, Васьками, Палашками...»* Эти формы имен носили тогда откровенно унижительный оттенок.

Такие «клички» оставались и много позднее отмены крепостного права. В «Тихом Доне» М.А. Шолохова в имении Листницкого работает конюх Сашка. *«До сплошных седин дожил старик, но Сашкой так и остался. Никто не баловал его отчеством, а фамилии, наверное, не знал и сам старый Листницкий, у которого жил Сашка больше двадцати лет».*

Читая классиков, мы едва ли не на каждой странице наталкиваемся на забытые и полузабытые слова, обозначающие термины родства, различные виды обращений. Будем внимательны и к этим деталям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ МЕРЫ И ВЕСА

Меры длины

До введения в 1925 году метрической системы мер и международной системы единиц в России действовали так называемые русские меры, которые постоянно встречаются в произведениях дореволюционной литературы. Нередко эти термины при чтении не вызывают у современного читателя никакого определенного представления.

Очень полезно разобраться и в них. Начнем с мер длины.

Слово «ВЕРШОК» знакомо каждому – нечто короткое, незначительное. О человеке незрелом, малыше до сих пор говорят: «От горшка два вершка». Слово происходит от «верх», то есть росток, всход – стебелек, пробившийся из земли. Мера вершка равна приблизительно 4,45 см.

Отправляясь к старухе-процентщице, *«чтобы подвесить топор к пальто изнутри, Раскольников из рубашки выдрал тесьму в вершок шириной и вершков в восемь длиной»*. Такая тесьма тяжелый топор удержала (роман Достоевского «Преступление и наказание»).

Гринев, пишет Савельич его родителям, *«ранен в грудь на полтора вершка»*, то есть более чем на шесть с половиной сантиметров.

О каторжниках в «Записках из мертвого дома» Достоевского: *«На спине у каждого вышит черный круг вершка два в диаметре»*, то есть 9 сантиметров.

В романе «Воскресение» Л. Толстого в дверях тюремных камер *«дырочки-глазки – в полвершка в диаметре»*.

Все это понятно. Но почему же тогда в «Муму» Тургенева о глухонемом богатыре дворнике Герасиме говорится, что он был *«мужчина двенадцати вершков роста»*? Стало быть, рост Герасима едва превышал полметра?

Но такая «несуразность» встретила не только у Тургенева! Вот и в «Идиоте» Достоевского читаем о том, что в компании Рогожина явился *«какой-то огромный, вершков двенадцати, господин»*.

Рослая сестра старухи-процентщицы Лизавета в «Преступлении и наказании» была *«по крайней мере, восьми вершков росту»*.

В этом же романе Раскольников насмешливо называет своего приятеля, долговязого Разумихина, влюбленного в Дуню, *«Ромео десяти вершков росту»*.

В «Сказке для детей» Лермонтова о величавом старике – хозяине большого дома говорится: *«Он ростом был двенадцати вершков»*.

Двенадцати- и пятнадцативершковые гиганты обнаруживаются в русской литературе в изобилии. В «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: *«Никитушка Ломов, бурлак, был гигант 15 вершков росту, весил 15 пудов»*. О Головане, герое рассказа Лескова «Несмертельный Голован», узнаем: *«В нем было, как в Петре Великом, пятнадцать вершков»*.

В чем тут секрет?

Дело в том, что в старину рост человека часто определялся в вершках свыше обязательных для нормального человека двух аршин (то есть 1 м 42 см). Таким образом, рост Герасима в «Муму» постигал 1 метра 95 см, рост Никитушки Ломова почти 2 м 09 см и т. д. Остальные примеры нетрудно перевести в сантиметры с помощью несложных арифметических действий по формуле: вершки в сантиметрах плюс 142 см.

В пьесе Горького «Мещане» машинист Нил притворяется, что не знает этого общеизвестного в те времена правила. Издеваясь над Еленой, которая хвалится тем, что муж

ее «*был двенадцати вершков роста*», Нил замечает: «*Он был так низок?*» Современному зрителю смысл этой насмешки уже неясен.

Это же правило касалось и роста лошадей. «*Лошади были крупные, четырехвершковые*», – пишет С. Т. Аксаков в «*Детских годах Багрова-внука*». Разумеется, это не значит, что рост их равнялся 18 сантиметрам.

ПЯДЬ равнялась расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев. Конечно, у разных людей это расстояние было разным, мера пяди не могла быть точной. Договорились, чтобы пядь принимать за 4 вершка или за четверть аршина, но в практике эта мера применялась редко. Поэтому слово «пядь» и его вариант «пядень» в литературе встречается не в прямом, а в переносном значении, например, в поговорках «*семи пядей во лбу*», то есть высоколобый, очень умный, «*ни пяди не уступлю*» – не уступлю даже в самом малом и т.п. В драме А. К. Толстого «*Царь Федор Иоаннович*» Борис Годунов говорит: «*Королю ни пяди / Не уступили русской мы земли*». Пугачев в «*Капитанской дочке*» Пушкина восклицает: «*Кто из моих людей смеет обижать сироту?.. Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет*».

Гораздо шире была распространена такая мера длины, как АРШИН, равный 16 вершкам (четырем пядям), или 71 сантиметру. Слово было заимствовано у татар, в чьем языке означает локоть как меру длины. Знание длины аршина в сантиметрах поможет представить нам многие описания у классиков.

«*Молодые отпрыски, еще не успевшие вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими, гладкими стебельками почерневшие, низкие пни*» (Тургенев. Касьян с Красивой Мечи).

У Некрасова: «*Наши реченьки водой / Налились на три аршина*» – половодье весьма значительное.

У Пушкина в «*Сказке о царе Салтане*» о царевиче Гвидоне сказано: «*Сына Бог им дал в аршин*». Тут, конечно, сказочное преувеличение: рост новорожденного ребенка редко превышает 55 см.

Мать Смердякова («*Братья Карамазовы*» Достоевского) «*была очень малого роста девка, „двух аршин с малым“*», как умиленно вспоминали о ней после ее смерти многие из богомольных старушек... города».

Сейчас ткань в магазинах отмеряют метровой линейкой, до революции меряли линейкой длиной в аршин с нанесенными на ней делениями – вершками. Такая линейка тоже называлась аршином. Отсюда выражение «*как аршин проглотил*» – о человеке, который держится неестественно прямо. «*На свой аршин мерить*» – оценивать что-либо по собственным критериям. О том, что аршины-линейки бывали разной длины, свидетельствует и рассказ Горького «*Нилушка*», где торговец Вологонов «*стучит в переборку обмызанным аршином, в котором не более пятнадцати вершков*». Теперь мы твердо знаем, что законная длина аршина – 16 вершков.

В «*Господах Головлевых*» Салтыкова-Щедрина говорится, что в имении Головлевых «*караси больше чем в пол-аршина есть*» – явное преувеличение. А пастух в рассказе Чехова «*Свирель*» хвалится: «*В нашей Песчанке, помню, щука в аршин ловилась...*»

Помните сцену скачек в «*Анне Карениной*»? Там препятствия на ипподроме – запруженная река в три аршина шириною, канавка с водою в два аршина... При скачке через канавку Вронский сделал неправильное движение, повлекшее его падение с лошади.

В романе Л. Толстого «*Воскресение*» описано свидание в тюрьме: заключенных от посетителей отделяют две сетки, расстояние между которыми три аршина (то есть более двух метров). Неудивительно, что при общем гуле слышать слова собеседников очень трудно.

САЖЕНЬ равна трем аршинам, или 2,13 метра.

Младший сын Тараса Бульбы – Андрий был ростом «*ровно в сажень*». Такой рост очень редок, туг, бесспорно, преувеличение, нередкое у Гоголя. Собакевич хвалится своим умершим плотником Степаном Пробкой, который якобы был трех аршин с вершком ростом.

Еще более сильное, образное преувеличение в характеристике, которую Хлестова в «Горе от ума» дает полковнику Скалозубу: «...*Трех сажень удалец...*» Три сажени – почти шесть с половиной метров.

Весьма важно представить себе при чтении «Войны и мира» «пустое пространство сажень в триста», отделявшее русский эскадрон от французских войск.

Помня, что такое сажень, мы легко представим себе меткость одного из персонажей романа «Евгений Онегин» Зарецкого, который в молодости «*в туз из пистолета / В пяти сажнях попадал*». Именно его Ленский пригласил быть своим секундантом на печально закончившейся дуэли.

Кто не знает с детства стихотворения Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы»? Там есть такие строки:

*С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам: уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.*

Положение и в самом деле катастрофическое: представьте себе островок площадью менее чем 0,71 X 2,13 метра! Дедушка Мазай пришел на помощь косым как нельзя вовремя.

Особый драматизм приобретает сажень как вертикаль – преодолеть ее нелегко, даже спрыгнуть с саженной, а тем более с двухсаженной высоты страшновато. В повести Лермонтова «Вадим» на пути к уединенной пещере находится обрыв высотой в две сажени: «*Должно надеяться на твердость ног своих, чтобы спрыгнуть туда; как ни говори, две сажени не шутка*».

По требованию своенравной Зинаиды юный герой повести Тургенева «Первая любовь» прыгает со стены около двух саженей вышины: «*Я пришелся о землю ногами, но толчок был так силен, что и не мог удержаться; я упал и на мгновение лишился сознания*».

Неудивительно: ведь это прыжок с высоты второго этажа!

В «Тамани» Лермонтова не умеющий плавать Печорин чуть было не был вытолкнут из лодки на расстоянии около 50 саженей (то есть более 100 метров) от берега.

До сих пор о широкоплечем говорят: «У него КОСАЯ САЖЕНЬ в плечах». Умерший сын Касьяновны в стихотворении Некрасова «В деревне» был «*Росту большого, рука что железная, / Плечи – косая сажень*». В отличие от обычной сажени, равной трем аршинам, косая сажень равнялась расстоянию от конца большого пальца правой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх левой руки. Таким образом, косая сажень была несколько более обычной, но выражение это не следует понимать буквально, столь широких плеч, конечно, ни у кого не бывало, тут гипербола.

ВЕРСТА – самая крупная русская мера длины, измерялись ею не предметы, а большие расстояния, дороги, реки и т.п. Поэтому называли ее путевой мерой.

Верста составляла 500 саженей, или 1,06 километра. Имение Простаковой в «Недоросле» Д.И. Фонвизина находилось в трех верстах от города. Учителя Митрофанушки приходили к нему на уроки пешком, то есть проделывали в день туда и обратно более шести километров.

Но это пустяки, если вспомнить сухопарого мужичка – посыльного Лаврецких («Дворянское гнездо» Тургенева), умевшего ходить в сутки по 60 верст, то есть почти по 70 километров.

Имение Манилова («Мертвые души») – в 15 верстах от городской заставы. От имения Одинцовой до имения Базаровых («Отцы и дети») – 25 верст. «До Мокрого было 20 верст с небольшим» («Братья Карамазовы»).

Вовсе не рекомендуется каждый раз братья за карандаш и подсчитывать точное расстояние в километрах. Абсолютная точность здесь не нужна. Достаточно запомнить, что верста лишь немногим более километра, поэтому проще уподобить старую меру новой, что

облегчит представление о названных расстояниях.

Слово «верста» имело и другое значение – ВЕРСТОВОЙ СТОЛБ. Для того, чтобы лучше их заметить, красились они обычно косыми полосами в две краски – белую и темную, чаще всего черную, а между ними проходила узкая оранжевая полоса. Именно о таких верстах писал Пушкин в стихотворении «Зимняя дорога»:

*Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне.*

Отсюда же выражение КОЛОМЕНСКАЯ ВЕРСТА – об очень рослом человеке. Происходит оно от высоких верстовых столбов, расставленных по указу царя Алексея Михайловича между Москвой и селом Коломенским, где находился его дворец.

В заключение – небольшая таблица перевода русских линейных мер в метрические (без пяди).

1 вершок = 4,45 сантиметра.

1 аршин = 16 вершкам = 71 сантиметру.

1 сажень = 3 аршинам = 2,13 метра.

1 верста = 500 саженям = 1,06 километра.

Меры площади

Русские квадратные меры по названиям аналогичны линейным мерам: квадратный аршин, квадратная сажень и т.п., но определение «квадратный», как правило, отсутствовало, оно само собой подразумевалось.

Тесноту в камере, куда заключили Катюшу Маслову в «Воскресении» Л. Толстого, можно представить себе, переведя старые меры в метрические: *«Камера Масловой была длинная комната в 9 аршин длины и 7 ширины»*. Подсчитаем: это 30 с небольшим квадратных метров. Сидело же в камере 15 человек: два квадратных метра на человека.

В том же романе хатка старухи Матрены, которую посещает помещик Нехлюдов, *«была шести аршин»*, то есть около трех квадратных метров.

Точно такой же площади «черная, смрадная» избенка многодетного крестьянина Чуриса в рассказе Л. Толстого «Утро помещика», которого помещик хочет переселить в десятиаршинную избу. Шестиаршинную избенку Давыдки Белого в том же рассказе *«всю занимали печь с разломанной трубой, ткацкий стан, который, несмотря на летнее время, не был вынесен, и почерневший стол с выгнутой, треснувшей доскою»*.

Особняком стоит такая мера площади, как ДЕСЯТИНА, постоянно встречающаяся в старой русской литературе при определении величины землевладения. Десятина равнялась 2400 квадратным саженям, или 1,092 гектара. Одним словом – и это полезно запомнить, – десятина почти то же самое, что гектар.

Теперь нам станет ясна гигантская разница между количеством земли у крепостного крестьянина и помещика. Земельный надел крестьянина состоял обычно из двух-трех десятин, совсем нищенским считался надел в десятину. Вспомним строки А.В. Кольцова из «Песни пахаря»: *«Ну, тащися, сивка, / Пашней, десятиной»*. Эта площадь была совершенно недостаточной для того, чтобы прокормить в год многодетную, как правило, крестьянскую семью, тем более что помещик наделял крестьянина худшей землей, дававшей низкую урожайность. Зато количество земли у помещика исчислялось сотнями и тысячами десятин.

У Константина Левина («Анна Каренина») – 3000 десятин в Калязинском уезде.

Мать Нехлюдова («Воскресение» Л. Толстого) «получила в приданое около 10 тысяч десятин».

У князя Лиговского тяжба с казной о 20 тысячах десятин лесу («Княгиня Лиговская»

Лермонтова).

Таких данных в русской литературе множество.

После крестьянской реформы 1861 года помещичьи земли стали переходить в руки предприимчивых и оборотистых кулаков. В повести Горького «Фома Гордеев» миллионер Щуров говорит: «...был я в молодости мужик, а земли имел две с четью (четвертью. – Ю.Ф.) десятины, а под старость накопил одиннадцать тысяч десятин и все под лесом».

Полезно представить себе и величину усадебных садов, в которых происходит действие русских классических произведений. Сад, окружающий дом Федора Карамазова, «был величиной с десятину или немногим более». Зато у Шелестовых («Моя жизнь» Чехова) «сад был большой, на четырех десятинах».

Впрочем, десятина не всегда равнялась 2400 квадратным сажням. В старину была и ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕСЯТИНА, поболее, – в 3200 или 3600 квадратных сажень. О такой-то и мечтает Иудушка в «Господах Головлевых» Салтыкова-Щедрина: «Тогда десятина-то хозяйственная была, против нынешней в полтора раза побольше».

Если речь шла не о сельскохозяйственных угодьях, то площадь обычно исчислялась не в десятинах, а в квадратных верстах. В «Молохе» Куприна читаем: «...открылась огромная панорама завода, раскинувшегося на пятьдесят квадратных верст».

Меры веса

Сначала приведем таблицу:

Золотник = 4,26 грамма.

Лот = 3 золотника = 12,79 грамма.

Фунт = 32 лота = 410 граммов.

Пуд = 40 фунтов = 16,38 килограмма.

Берковец = 10 пудов = 163,8 килограмма.

ЗОЛОТНИК стал мерой веса на основе одноименной золотой монеты, которая использовалась как гирька. Отсюда – «*мал золотник, да дорог*». Так говорят о чем-то на вид незначительном, а по существу ценном. На золотники продавались товары, употреблявшиеся в домашнем хозяйстве в небольших количествах, – чай, сахар. Чепурин в пьесе Островского «Трудовой хлеб» получает два куска сахара – «*два золотника – рафинад нынче в цене*». Анна Павловна в «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина «*проводит пальцем черту на комке масла и долго спорит из-за лишнего золотника, который выпрашивает повар*». В рассказе Горького «В степи» упоминается «*кусочек хлеба золотников в пять весом*», то есть очень небольшой, чуть тяжелее 20 граммов.

ЛОТ. Забытыми ныне лотами измерялись цветочные семена, почтовые отправления, ценные и полудрагоценные камни и т.п. В «Преступлении и наказании» Достоевского читаем: «*Письмо от матери Раскольникова было большое, плотное, в два лота: два большие почтовые листа были мелко-мелко исписаны*». Итак, вес письма составлял почти 26 граммов. «*Вот, смотри, Верочка, это твое, а то Марфинькино – ни одной нитки жемчуга, ни одного лишнего лота ни та, ни другая не получит*», – говорит бабушка в «Обрыве» Гончарова, деля свои драгоценности.

ФУНТ. Фунтами измерялись хлеб, конфеты, масло, почти все продовольственные товары, и даже керосин – полторы копейки стоил фунт керосина. Схимник Ферапонт в «Братьях Карамазовых» «*ел всего лишь по два фунта хлеба в три дня, не более*». В тяжелое военное время в Павлоградском полку – узнаем из «Войны и мира» – «*растягивали последние сухари: выдавали только полфунта на человека*», то есть двести граммов в сутки, очень немного.

В «Господах Головлевых» говорится о дынях «*по 20 фунтов весу – вот какие дыни!*». Дыни действительно изрядные – по 8 с лишком килограммов каждая.

Восьмая часть фунта, то есть 50 граммов, в обиходе называлась ОСЬМУШКОЙ. Эта

мера упоминается в автобиографической трилогии Горького: *«Мы покупали три золотника чая, осьмушку сахара...»*

Очень часто в старой литературе встречаем выражения «шестериковая сальная свеча», «пятериковая свеча» и т.п. В рассказе Глеба Успенского «Примерная семья» герои жалуются на оплывающие свечи и обмениваются такими репликами: *«Вы ЧЕТВЕРИК палите?» – «Четверик»*. Догадаться, как выглядела такая свеча, без исторических источников невозможно. А связаны эти бытовые названия с тем же фунтом: шестериковых свечей продавалось по шесть за фунт, пятериковых – по пять на фунт и т.п. Чем легче были свечи, тем меньше они оплывали.

ПУД. Слово знакомое, только недавно вышедшее из официального употребления, примерно – 16 килограммов. В классической литературе оно нередко употреблялось гиперболически. Гоголевский Тарас Бульба *«вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст»*. Бессмысленно, однако, переводить вес Бульбы в килограммы – храбрый казак не мог весить 327 килограммов. Это обычная для Гоголя гипербола.

То же – в «Горе от ума», где Фамусов говорит: *«...При государыне служил Екатерине. / А в те поры все важны, в сорок пуд...»* Здесь сорок пуд, конечно, не мера веса, а, если можно так выразиться, мера важности.

Были и редкие местные меры веса, например БАТМАН на Волге – 10 фунтов. В повести Горького «В людях» работник Мишка на спор съедает за два часа батман окорока, то есть 4 килограмма.

Вспоминая, как объедались блинами на масленицу в старой Москве, Куприн с усмешкой пишет: *«...цифры тут астрономические. Счет приходилось бы начинать пудами, переходить на берковцы, потом на тонны и вслед за тем уже на грузовые шестимачтовые корабли»*.

Меры емкости для сыпучих товаров

Это – меры объема, в старину ими отмеряли зерно, реже – муку и крупу. Из-за различия в кондиции и степени влажности они не могли быть абсолютно единичными и точными, по этой причине такие меры постепенно были вытеснены мерами веса. Однако в классической литературе меры емкости встречаются постоянно, ставя современного читателя в нелегкое положение: представить себе объем товара мы не в состоянии.

В самом деле – много это или мало, если из летописи дьячка в «Истории села Горюхина» Пушкина мы узнаем, что Белкин приобрел это село за четверть овса. Щедринский Иудушка Головлеву одалживает нищему мужику «четверть ржицы и осьминку». *«У нас старик тоже три осьминки посеял»*, – читаем в «Анне Карениной». В водевиле Чехова «Медведь» помещица велит отсыпать для коня Смирнова *«осьмушку овса»* и т.д.

Наиболее крупной мерой сыпучих тел была четверть, или куль – рогожный мешок, вмещающий это количество зерна. В старых справочниках узнаем: *«В торговле принято, что в четверти заключается 9,5 пуда пшеницы, 6,25 пуда ржи, 7,25 пуда ячменя, 6 пудов овса»*. Далее следовали:

ОСЬМИНКА, или ОСЬМИННИК, – полчетверти, или 105 литров;

ЧЕТВЕРИК, или МЕРА, – одна восьмая четверти, или 26,24 литра; по весу примерно пуд зерна;

ГАРНЕЦ, или ОСЬМУШКА, – одна восьмая четверика, или 3,3 литра.

В рассказе П.И. Мельникова-Печерского «Балахоновы» сказано: *«И ходила молва про Балахоновых, что в кладовых своих они деньги четвериками пересыпают, а жемчуг гарнцами меряют»*.

«Богачи-то, богачи, а овса всего три меры дали... Что же три меры? Только закусить», – жалуется кучер Филипп после пребывания Долли в гостях у Вронского и Анны

Карениной.

Важно также не смешивать четверть с четвериком, а осьмину с осьмушкой – слова сходные, а меры совершенно разные.

Все эти старинные меры, содержание которых, как указывают исследователи, в разных местах варьировались, постепенно отмирали, заменяясь мерами веса, а с введением метрической системы сыпучие товары стали измеряться килограммами, центнерами и тоннами.

Меры объема жидкости

Начнем с таблицы:

Шкалик, или косушка = 0,06 литра.

Чарка = два шкалика = 0,12 литра.

Четушка, или четверть штофа, или сороковка = 0,31 литра.

Полуштоф, или мерная бутылка = 0,6 литра.

Штоф (на Украине кварта) = 1,23 литра.

Осьмуха = 1/8 ведра = 1,55 литра.

Четверть, или четвертная, или сороковушка = 1/4 ведра = 3,1литра.

Ведро = 10 штофов = 12,3 литра. Бочка = 40 ведер = 492 литра.

ШТОФОМ назывались не только 1,2 литра жидкости, но и бутылка, эту меру содержащая, обычно четырехгранная.

Нередко в старой литературе можно встретить странное на нынешний взгляд выражение: «*Он попросил выпить на крючок*».

КРЮЧКОМ иногда при продаже вина в розлив назывался черпак емкостью в чарку, укрепленный на длинной рукоятке с крючком, с помощью которого он подвешивался на край бочки или ведра. Чарка иногда называлась ЧЕПОРУХОЙ, полштофа – СКЛЯНКОЙ.

Большинство этих мер относится к спиртным напиткам и в этой роли встречается в русской литературе. Слово КРУЖКА, под которым сегодня подразумевается емкость в пол-литра, в старину обозначало меру жидкости (пива, молока), гораздо большую, равную штофу, то есть 1,23 литра. К XX веку объем кружки уменьшился и стал равняться полуштофу, то есть 0,6 литра.

На вечере у Фамусова в «Горе от ума» распространяется слух, будто бы Чацкий – пьяница, что он «*пил не по летам*» (словно можно пить в соответствии с возрастом!). «*Шампанское стаканами тянул*», – заявляет Хлестова, Наталья Дмитриевна поправляет: «*Бутылками-с, и пребольшими*». А Загорецкий с жаром утверждает: «*Нет-с, бочками сороковыми*». Сплетня доходит до абсурда.

Температурная шкала

Сейчас для измерения температуры воздуха, воды, тела и т.п. мы пользуемся шкалой ЦЕЛЬСИЯ, в которой один градус равняется 1/100 разности температур кипения воды и таяния льда. Существует еще и шкала РЕОМЮРА, в которой градус равен 1/80 той же разности. В XIX и в начале XX века в России действовали обе шкалы, условно обозначаемые С или R. В литературе того времени шкалы часто не указываются, мы склонны воспринимать градусы по Цельсию, но это неверно: следует учитывать, что в дореволюционной России преобладала шкала Реомюра. Разница несущественна, но все же рекомендуем читателю для точности понимания каждый раз делить указанное число градуса на 0,8 – температура покажется нам холоднее (если ниже нуля), или теплее (если выше). Так, 24 градуса холода по Реомюру окажутся 30 градусами по Цельсию, и мы искренне посочувствуем героям. Ноль градусов в обеих шкалах совпадает.

В стихотворении Некрасова «О погоде» есть строки:
*Двадцать градусов, ветер притом,
Бескаретные ходят пешком.*
По шкале Цельсия это 25 градусов – погода не для прогулок.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ДЕНЬГИ И ЦЕННЫЕ БУМАГИ

От полушки до катеринки

Вряд ли в классической русской литературе найдется сколько-нибудь крупное произведение, в котором не упоминались бы денежные единицы, их заменители и кредитно-финансовые взаимоотношения персонажей. Этот слой лексики особенно труден для современного читателя – так многое в денежной и кредитной системе изменилось. Иные диалоги и фразы из классических произведений стали настолько непонятны, будто бы и не по-русски изложены. Вот, например, разговор о взятках в «Мертвых душах» Гоголя:

«Почему ж не дать? я готов четвертак, другой». – «Нет, не четвертак, а по беленькой... писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет к начальству»... «Прежде было знаешь по крайней мере, что делать: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе, а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься...»

Или слова защитника в «Братьях Карамазовых» Достоевского:

«...воротившийся после убийства в лавку приказчик сообщил полиции не только об украденной сумме, но и из каких именно денег она состояла, то есть сколько было кредиток радужных, сколько синих, сколько красных, сколько золотых монет и каких именно».

Фразы эти звучат для нас почти как алгебраические уравнения.

Начнем с элементарного – разъяснения официальных и неофициальных названий денежных единиц, от мелких к крупным.

ПОЛУШКА – самая мелкая монета, 1/4 копейки. Существовала до 1917 года, в 1925-1928 годах снова была в обращении, но означала уже полкопейки. Слово обычно употреблялось в переносном значении – ничтожно малая величина, почти ничто. В «Домике в Коломне» Пушкина мнимая Маврушка, застигнутая за бритьем, «ушла, не взяв в уплату ни полушки». Вспомним и пословицу: «*За морем телушка полушка, да рубль перевоз*».

ДЕНЬГА, ДЕНЕЖКА. Медная монета достоинством в полкопейки. В комедии Фонвизина «Бригадир» прижимистая Бригадирша поучает сына Ивана правильно вести расходы, не округляя выплачиваемых сумм: «*Ты тамо не дашь уже пяти копеек, где надобно дать четыре копейки с денежкой*».

ГРОШ. Медная монета, до 1838 года – две копейки, потом – полкопейки. Чаще всего – синоним ничтожно малой суммы. Гоголевский Акакий Акакиевич «*имел обыкновение со всякого истраченного рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек*». «*Ни в грош не ставить*» – не уважать, не считаться с кем-либо. «*Гроша медного не стоит*» и т.п.

КОПЕЙКА. Всегда равнялась одной сотой рубля.

СЕМИТКА, СЕМИШНИК, СЕМАК. Не семь, как можно подумать, а две копейки. Почему же в корне слова «семь»? До реформы 1838 года, сократившей курс в 3,5 раза, монета действительно равнялась семи копейкам. Курс изменился, а название осталось. Один из персонажей Глеба Успенского укоряет другого: «*А ты, ученый, даже не знаешь, что такое семитка. Знай, это две копейки*».

АЛТЫН. Три копейки. Купец Брусков в комедии Островского «В чужом пиру похмелье» острит: «*По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек*». Другая комедия Островского, повествующая о неожиданном богатстве: «*Не было ни гроша, да вдруг алтын*». У Маши в «Капитанской дочке» Пушкина, по образному определению ее матери, приданого – «*частый гребень, да веник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить*».

Трехкопеечная монета называлась также ТРЫНКОЙ и ТРЕШНИКОВ. В «Декабристах» Л. Толстого говорится: «Во всех городах задавали с речами обеда севастопольским героям, и им же, с оторванными руками и ногами, подавали трынки». А «трешник» встречается у Некрасова: *«По времени приладились /И к новому писцу. Тот ни строки без трешников, / Ни слова без семишников»*.

ПЯТАК, ПЯТАЧОК. 5 копеек. Были и серебряные монеты такого достоинства. Дуня дала мальчику, который вызвался показать ей могилу отца, *«пятак серебром»* (Пушкин. Станционный смотритель).

ГРИВЕННИК, в старом просторечии – гривна и грива – 10 копеек. В «Медном всаднике» Пушкина Евгений отправляется на другой берег Невы – *«И перевозчик беззаботный / Его за гривенник охотно / Через волны страшные везет»*. Повествователь в «Истории села Горюхина» Пушкина пишет, что крупно выиграл в карты *«в то время, как у меня в кармане оставался рубль 6 гривен»*. Скупая бригадирша в «Бригадире» Фонвизина уверяет, что *«гривною в день можно быть сыту»*.

ПЯТИАЛТЫННЫЙ. $5 \times 3 = 15$ копеек. Актер в пьесе Горького «На дне», решивший бросить пить, радостно оповещает: *«Вот они – два пятиалтынных, а я – трезв»*.

ДВУГРИВЕННЫЙ. $10 \times 2 = 20$ копеек. Художник Чартков покупает у купца роковой портрет старика *«за последний свой двугривенный»* («Портрет» Гоголя).

ЧЕТВЕРТАК. Четверть рубля, то есть 25 копеек. До 1917 года – ходячая серебряная монета. У Чехова в рассказе «В овраге» *«бабы и девки возят на станцию кирпич и нагружают вагоны и получают за это по четвертаку в день»*.

ПОЛТИННИК, ПОЛТИНА. Слова эти, обозначающие 50-копеечную монету, можно было услышать сравнительно недавно, в старину же слово «полтина» было официальным термином и чеканилось на лицевой стороне монеты.

ВОСЬМИГРИВЕННЫЙ. $8 \times 10 = 80$ копеек. Русской монеты в 80 копеек никогда не было: так называлась персидская серебряная монета в 4 абазы, ходившая у нас на Кавказе. Максим Максимович у Лермонтова обещает лакею Печорина «восьмигривенный» не случайно – дело происходит на Кавказе.

Несколько полуофициальных и неофициальных названий было у основной денежной единицы России – рубля. Чаще всего в литературе встречается ЦЕЛКОВЫЙ и ЦЕЛКОВИК, но это не любой рубль, а рубль одной монетой, «целый». Городничий в «Ревизоре» Гоголя дает слуге Хлестакова Осипу *«пару целковиков на чай»* – подачка щедрая! Серебряный рубль иногда кратко именовался МОНЕТОЙ и даже МОНЕТ – в мужском роде. *«Вот тебе десять монетов, поди к маркитанту»*, – говорит юнкер Гуськов солдату в рассказе Л. Толстого «Разжалованный»; это означает десять рублей. Бумажный рубль именовался БИЛЕТИК. Старуха-процентщица в «Преступлении и наказании» Достоевского укоряет Раскольникова: *«За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно»*; таким образом, ростовщица считает, что переплатила.

Старый петровский рубль именовался КРЕСТОВИК за то, что на нем были отчеканены расположенные крестом четыре буквы П («Петр»).

Слова ТРЕХРУБЛЕВИК, ТРЕШНИЦА, ПЯТИТКА, ПЯТЕШНИЦА, ПЯТИРУБЛЕВКА ясны без объяснений. Трехрублевая золотая монета называлась ЧЕРВОНЦЕМ (вспомним выражение «червонное золото», то есть металл высокого качества). Пушкин писал Баратынскому: *«Стих каждый в повести твой / Звучит и блещет, как червонец»*.

Понятия ЗОЛОТОЙ и ПОЛУИМПЕРИАЛ требуют расшифровки. *«Все-таки полумпериалов с сотню наберу у себя»*, – говорит Кучумов в «Бешеных деньгах» Островского. Много это или мало?

Оба названия применялись к пятирублевой монете, к концу XIX века ЗОЛОТЫМ стали называть десятирублевую.

Вообще же монета достоинством 10 рублей имела несколько устойчивых обозначений. Золотая десятирублевая монета именовалась ИМПЕРИАЛОМ (после 1897 г. империал стал

стоить 15 рублей), АРАБЧИКОМ, ЛОБАНЧИКОМ. Откуда арабчик (или арапчик) – неясно, империял означает «императорский», а лобанчиком народ прозвал монету по равноценному ей французскому золотому, на котором была отчеканена голова одного из королей династии Бурбонов.

В комедии Островского «Свои люди – сочтемся!» купчиха обещает свахе за то, что та нашла жениха «благородного происхождения», *«парочку арабчиков»*. В рассказе Лескова «Интересные мужчины» офицеры-картежники, в ожидании нового игрока, говорят: *«Что же нам все свои лобанчики из кошелька в кошелек перелобанивать»*. Как видим, игра шла по крупной.

ЧЕТВЕРТНОЙ называли 25 рублей (четверть от сотни). В чеховской «Свадьбе» за присутствие на свадьбе «настоящего генерала» была заплачена четвертная. Однако генерал оказался мнимым, а деньги присвоил посредник. В рассказе Чехова «Хороший конец» сваха жалуется: *«Какие наши заработки? Ежели в скоромный месяц заработаешь две четвертных, и слава Богу»*. Обер-кондуктор, ищущий невесту, удивляется: *«Пятьдесят рублей! Не всякий мужчина столько получит!»* Дело кончается тем, что обер-кондуктор женится на самой свахе.

Реже о такой сумме говорили УГОЛ. Торгуясь с Чичиковым за мертвые души, Собакевич предлагает «угол». *«То есть двадцать пять рублей? Ни, ни, ни, даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю»*, – отвечает Чичиков.

Сторублевая ассигнация называлась ГОСУДАРСТВЕННОЙ – на ней было напечатано: «Государственный казначейский билет», – или в обиходе КАТЕРИНКОЙ за то, что на ней был изображен портрет Екатерины II. Правда, «государственной» именовали и 500-рублевую ассигнацию за аналогичную надпись. Именно такую сумму денег имеет в виду Чичиков, рассуждая об умершем плотнике Степане Пробке, который *«притаскивал всякий раз домой целковиков по сту, а может, и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в сапог»*. Тут по контексту «государственная» – не те же «сто целковиков», а нечто гораздо большее.

Два курса

При чтении русской классической литературы немалые затруднения может вызвать долгое время существовавший в стране двойной счет денег – на ассигнации и на серебро. Впервые АССИГНАЦИИ, то есть бумажные деньги, появились в России в 1769 году. В обращении они все более теснили серебряные и медные монеты. Ассигнации назывались также БАНКОВСКИМИ БИЛЕТАМИ – в «Пиковой даме» Пушкина игра идет именно на банковские билеты. Вскоре ассигнационный рубль стал общепринятой счетной единицей.

Первое время ассигнационный рубль был равен серебряному. Однако из-за чрезмерного выпуска ассигнаций, не обеспеченных серебром, началось падение курса: медные и бумажные деньги ходили в одной цене, а серебряные ценились выше. Соотношение постоянно колебалось: в расчетах и сделках приходилось приравнивать один серебряный рубль к четырем ассигнационным. *«Тогда еще были трехрублевые, – читаем в «Что делать?» Чернышевского, – то есть, если помните, монета в 75 копеек»*.

Итак, одновременно существовали два исчисления: за одну и ту же вещь можно было заплатить либо рубль серебром, либо четыре бумажных (ассигнационных) рубля. Отсюда – совершенно загадочная для нас сцена в «Мертвых душах»: шинкарка требует с Ноздрева за водку двугривенник (20 копеек), а тот говорит зятю: *«Дай ей полтину, предовольно с нее»*. *«Маловато барин, – сказала старуха, однако ж взяла деньги с благодарностью и еще побежала впопыхах отворять им дверь. Она была не в убытке, потому что запросила четверо против того, что стоила водка»*.

Почему 50 копеек для старухи «маловато» в сравнении с запрошенными 20 копейками и тем не менее полученная сумма так обрадовала ее?

Все дело в том, что шинкарка запросила двугривенник в счете на серебро, то есть хотела получить 80 копеек в пересчете на ассигнации (тогда как товар стоил 20 копеек ассигнациями), а получила 50 копеек ассигнациями, то есть хоть не вчетверо, но в два с половиной раза больше цены.

Все официальные сделки велись на ассигнации. Чичиков скупает мертвые души в счете на ассигнации – только так казенная палата (финансовый орган губернии) утверждает его покупку.

Надо сказать, что курс ассигнаций постоянно менялся в зависимости не только от времени, но и от места расчета, а также от вида обмениваемой монеты (медь или серебро). Если судить по примерам из русской классической литературы, курс этот колебался от 2 р. 90 к. до 4 р. 30 к. по отношению к серебряному рублю. Создавалась путаница; в убытке оставались люди несведущие и неопытные.

В комедии Островского «Горячее сердце» купец-самодур Хлынов обещает заплатить за учиненный дебош сто рублей серебром, а вносит штраф тремя сторублевыми ассигнациями, исходя из курса один к трем.

В пьесе А.В. Сухова-Кобылина «Дело» попавший в руки вымогателей-чиновников помещик Муромский приходит в ужас от суммы требуемой взятки: он привык все переводить в ассигнации и его устрашает сумма – 30 тысяч серебром. *«Силы небесные – да ведь это сто тысяч!»*

Только в 1839 году был установлен твердый курс серебряного рубля по отношению к бумажному: 1 к 3,5. К 1843 году вместо ассигнаций ввели государственные КРЕДИТНЫЕ БИЛЕТЫ, которые принимались в банках к обмену на звонкую монету. В быту они назывались кредитками, хотя по старой памяти многие продолжали именовать их ассигнациями, которые уже были изъяты из обращения. Персонажи Островского нередко говорят о кредитных билетах «ассигнации».

Все цвета радуги

В обиходе бумажные деньги часто именовались по расцветке. Вот тут-то требуется «расшифровка».

ЖЕЛТЕНЬКАЯ – рубль. *«Анненька вынула из портмоне три желтенькие бумажки, раздала старым слугам»* («Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина). Иногда «желтенькая» игриво именуется «КАНАРЕЙКОЙ» – по желтому цвету этой птицы.

ЗЕЛЕНЕНЬКАЯ – три рубля. Муров («Без вины виноватые» Островского) дал зелененькую на воспитание сына – теперь мы осознаем всю скупость этого богача. В «Преступлении и наказании» Достоевского *«чиновник дал Катерине Ивановне трехрублевую зелененькую кредитку»*.

СИНЕНЬКАЯ – пять рублей. Чичиков сулит Коробочке 15 рублей ассигнациями – *«и не серебром, а все синими ассигнациями»*. Герой рассказа Л. Толстого «Поликушка» рассказывает историю, *«как дохтору синенькую мужик дал и тем уволился»*, то есть избавился от рекрутчины. Иногда синенькая в просторечии называлась СИНИЦЕЙ, а то и СИНЮХОЙ. *«Вот тебе и синица в задаток»*, – говорит цыган парубку Грицько в «Сорочинской ярмарке» Гоголя.

КРАСНЕНЬКАЯ – десять рублей. В «Воскресении» Л. Толстого Катюша Маслова показывает суду: *«При них взяла четыре красненьких»*. Прокурор переводит выражение на официальный язык – «40 рублей». Иногда говорили «краснуха» и даже «рак», по цвету вареного рака. *«За сто раков не соглашусь»*, – заявляет один из персонажей «Записок из мертвого дома» Достоевского.

БЕЛЕНЬКАЯ – 25 рублей, *«...за ландшаптик возьму беленькую»*, – говорит торговец картинами в повести «Портрет» Гоголя.

РАДУЖНАЯ – 100 рублей. Федор Павлович Карамазов обронил *«на собственном*

дворе, в грязи, три радужных бумажки ». Смердяков поднял, принес, за что получил в награду десять рублей.

СЕРЕНЬКАЯ – 200 рублей. У Герцена в «Былом и думах» секретарь, получивший взятку 200 рублей ассигнациями, нагло заявляет: *«Ну, серенькая, тем лучше, пусть другие просители видят, это их поощрит, когда они узнают, что двести рублей я взял, да зато дело обделал»*.

Теперь нам ясно, что имеет в виду, разбирая деньги, герой рассказа Лескова «Очарованный странник», образно говоря: *«Синие синицы и серые утицы и красные косачи – только одних белых лебедей нет»*. Поясним только, что косачом назывался полевой тетерев-самец. Ничего не скажешь, уподобление бумажных денег птицам звучит почти поэтически!

Для удобства пользования приведем таблицу:

Желтенькая – 1 рубль.

Зелененькая – 3 рубля.

Синенькая – 5 рублей.

Красненькая – 10 рублей.

Беленькая – 25 рублей.

Радужная – 100 рублей.

Серенькая – 200 рублей.

Ценные бумаги

С развитием капиталистических отношений в XIX веке, наряду с металлическими и бумажными деньгами, в обращение все чаще стали входить ценные бумаги: депозитки, серии, билеты (то есть облигации частных банков), ломбардные билеты, акции, векселя. Пересчет их на «чистые деньги» составлял немалые трудности для людей малограмотных. В комедии Островского «Без вины виноватые» необразованная Шелавина говорит: *«Достались мне акции да билеты; вот я поверчу, поверчу их перед глазами, да опять положу; а сколько тут денег, ни в жизнь мне не счесть»*.

Для пополнения казны металлическим запасом государство ввело ДЕПОЗИТНЫЕ БИЛЕТЫ: за сданные в банк золото и серебро вкладчикам выдавались депозиты, то есть сохранные расписки, ходившие наравне с деньгами. Так же ходили и беспрепятственно обменивались на серебро и СЕРИИ с отрезными купонами, приносящие к тому же владельцу небольшой процент.

После того как Стива Облонский («Анна Каренина» Л. Толстого) продал лес, мы видим его с *«оттопыренным карманом серий»*. В рассказе Чехова «Без места» кандидат прав Перепелкин, чтобы устроиться на должность, сует чиновнику депозитку, что оказало свое действие.

С оскудением дворянства все шире стали развиваться ссудно-залоговые операции. В ссудных кассах (они назывались ЛОМБАРДАМИ) можно было получить под залог крепостных крестьян, земли или другой недвижимости сумму денег с обязательной ежегодной уплатой процентов за нее. В случае неуплаты заложенные ценности отходили в погашение ссуды выдавшему ее учреждению. Помните, у Пушкина: отец Онегина *«понять его не мог / И земли отдавал в залог»*? Документ о сдаче ценностей в залог назывался ЗАКЛАДНОЙ. *«Скоро проценты по закладной платить»*, – такую тревожную фразу нередко произносят дворяне – персонажи русской литературы. И так уже вся ссуда истрачена, а тут еще ищи деньги, чтобы ее не потребовали назад!

С залогом крепостных душ связана афера Чичикова в «Мертвых душах», о которой будет подробно рассказано в другой главе.

Ломбарды не только принимали в залог имущество, но брали на хранение и деньги, которые пускались ими в оборот. Часть дохода с оборота (обычно 5% в год) выплачивалась

вкладчику. Были и беспроцентные, но зато выигрышные билеты. ЛОМБАРДНЫЕ БИЛЕТЫ обращались наряду с обычными деньгами. Арина Петровна в романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» подсчитывает пятипроцентные билеты, а сын ее, Иудушка, мечтает: *«Накуплю я себе билетов, положу в верное место и стану пользоваться процентами: ни заботушки мне, ни горюшка, отрезал купончик – пожалуйста, денежки!»*

Тут надо пояснить, что на процентных ломбардных билетах печатались бланки КУПОНОВ (отрезных талонов), по предъявлении которых держатель получал деньги по проценту. Эти купоны, хотя и неохотно, но принимались наряду с деньгами как средство оплаты. В рассказе Л. Толстого «Фальшивый купон» описывается, как гимназист Митя приписывает к обозначенной на купоне цифре 2 р. 50 коп. спереди единицу и сбывает этот купон как 12,5 рубля. Купон пошел по рукам, но вскоре опознается как поддельный и становится первопричиной многих несчастий и преступлений.

Чаще, чем купон или билет, в литературе встречается слово ВЕКСЕЛЬ. Что это такое? Вексель – официально заверенное, оформленное на специальной гербовой бумаге долговое обязательство, гарантирующее уплату долга, как правило, с процентами, в установленный срок, под залог имущества. Если должник оказывался неплатежеспособным, то с согласия заимодавца (или нескольких заимодавцев) выплата долга могла быть отсрочена, либо заимодавцы довольствовались уплатой не всей одолженной суммы, а части ее, определенного процента. Если ни на то, ни на другое кредиторы не соглашались, дело передавалось в суд, который описывал и продавал имущество несостоятельного должника, чем и компенсировал недоплаченные векселя.

Векселя принимались к оплате, как и обычные деньги. В повести Пушкина «Пиковая дама» говорится о Чекалинском, который нажил миллионы, «выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги». Речь идет о карточной игре. Векселя, разумеется, ценились ниже чистых денег, так как не было гарантий, что они будут оплачены полной суммой. Этим и пользовались люди ловкие и хитрые, вроде Чекалинского: вексель, допустим, в сто рублей он принимал как десятирублевый, а получал по нему если не сто, то хотя бы 50 рублей. Тем же занималась в компании с Федором Павловичем Карамазовым Грушенька у Достоевского: *«скупкою векселей за бесценнок, по гривеннику за рубль, а потом приобрела на иных из этих векселей по рублю на гривенник»*.

Юный Саша в рассказе Чехова «Задача» получил в банке бланк векселя, на котором подделал подпись богатого дяди-полковника, и получил сумму в 1500 рублей. Вскоре подлог обнаружили в банке (наставал срок платежа), юнцу грозил суд, спасти от которого может только срочное внесение в банк взятой суммы. Чтобы избавиться от позора, семья идет на это, после чего наглец выпрашивает у дяди сто рублей, угрожая в случае отказа пойти в суд и опозорить семейство.

Иногда люди бесчестные, пользуясь наивностью или невежеством нуждающихся, заставляли их ставить свою подпись под вексельным бланком, в котором сумма ссуды не была указана. Тем самым в подписанный вексель можно было вписать любую сумму, превышающую размер одолженной. С такими ситуациями мы встречаемся в пьесах Островского «Тяжелые дни» и «Волки и овцы».

Требуют пояснения некоторые выражения, связанные со словом «вексель», так как они часто встречаются в русской художественной литературе. УЧЕСТЬ ВЕКСЕЛЬ – сдать его в банк и получить за него деньги до наступления срока платежа, с вычетом в пользу банка учетного процента. ПРОСРОЧИТЬ ВЕКСЕЛЬ – не уплатить по нему в срок. ОПРОТЕСТОВАТЬ ВЕКСЕЛЬ – официально установить неуплату в срок по векселю, что давало некоторые льготы держателю при взыскании долга. ПРЕДЪЯВИТЬ ВЕКСЕЛЬ КО ВЗЫСКАНИЮ – потребовать по нему деньги. ДИСКОНТИРОВАТЬ – то же, что учесть вексель.

Смысл интриги комедии Островского «Свои люди – сочтемся!» (первоначальное название «Банкрот») сводится к следующему: желая нажиться на заниженной выплате денег по имеющимся векселям, купец Большов ложно объявляет себя банкротом. Дабы суд не мог

взыскать с него в счет неоплаченных векселей имущество, Большов заранее переписывает его на имя приказчика – зятя Подхалюзина. На время разбирательства дела купца сажают в долговую тюрьму – «ЯМУ». Однако заимодавцы не согласны брать десять копеек за одолженный Большову рубль, а зять, «по-родственному», якобы фиктивно завладевший его капиталами, домами и лавками, отказывается заплатить заимодавцам по 25 копеек за рубль, как они требуют, что сразу же освободило бы купца из «ямы». Обманутому и разоренному Большову грозит ссылка в Сибирь. Так сочлись «свои люди» – молодой хищник провел старого.

Афера с подделкой на векселе чужой подписи во многом определяет интригу другой комедии Островского – «Волки и овцы».

С развитием в России капитализма все большее значение приобретали деньги и заменяющие их документы. Стремление во что бы то ни стало разбогатеть любой ценой, идя, если нужно, на риск, отражено во многих произведениях русской литературы. В «Маскараде» Лермонтова Неизвестный очень четко формулирует эту страсть:

*Я увидал, что деньги – царь земли,
И поклонился им.*

Денежные отношения персонажей занимают немалое место в произведениях русских классиков. Смысл их, однако, часто скрыт от нас плотной завесой времени, коренным образом изменившего законы и условия жизни. Весьма важно раскрыть эту завесу, чтобы полнее уяснить психологию героев, причины их поступков и суть отображенных конфликтов.

ГЛАВА ПЯТАЯ ЗЕМЛИ И ВЛАСТИ

Столицы, губернии, области

В комедии «Горе от ума» рассерженный Фамусов заявляет:

*Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.*

Каким господам – ясно: таким, как Чацкий. А к каким столицам? Подразумеваются Петербург и Москва – оба этих города считались российскими столицами. Если Петербург был главной столицей империи, то Москва именовалась столицей «первопрестольной», так как в ней изначально находился «престол», то есть царский трон, происходили венчания на царство и другие официальные церемонии, размещались некоторые правительственные учреждения. Поэтому встречаемые в русской литературе выражения «столичный фронт», «столичные газеты» и т.п. относятся не только к Петербургу, но в равной степени и к Москве.

В комедии Сухово-Кобылина «Дело» Тарелкин возглашает: «*В отечестве нашем считается, милостивая государыня, две столицы и 49 губерний*». Это – в середине XIX века. ГУБЕРНИИ стали главной административно-территориальной единицей России еще при Петре Первом. К 1917 году Российская империя насчитывала уже 78 губерний. Кроме них имелась 21 ОБЛАСТЬ – так назывались территории, которые располагались на окраинах страны (например, Закавказская, Забайкальская) или на землях казачьих войск (например, область Войска Донского).

Почти полномочным начальником губернии был ГУБЕРНАТОР. Главой некоторых особо важных губерний назначался ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР – уполномоченный самого

императора, стоявший и над губернатором. Во 2-м, незаконченном томе «Мертвых душ» в губернский город, где пребывал Чичиков, приезжает вновь назначенный генерал-губернатор, намеревающийся навести порядок в губернии. Гоголь описывает смятение, охватившее всех чиновников во главе с губернатором, их страх перед заслуженным наказанием. В этой сцене отражены иллюзии Гоголя о том, что беззаконие, царившее в империи, способны побороть честные и благонамеренные сановники, назначенные царем.

В конце XVIII – начале XIX века генерал-губернаторы Петербурга и Москвы именовались **ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМИ**. В таком звании Л. Толстой вывел в романе «Война и мир» реальное историческое лицо – Федора Ростопчина, который в 1812-1814 годах был главнокомандующим Москвы.

Иногда несколько губерний объединялись в **ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА** во главе с генерал-губернатором, которому подчинялись начальники этих губерний – губернаторы.

В 1775-1796 годах ту же функцию, что и генерал-губернаторства, исполняли **НАМЕСТНИЧЕСТВА** во главе с **НАМЕСТНИКАМИ**. Правдин в «Недоросле» Фонвизина, приехавший ревизовать имение Простаковой, представляется: *«Я определен членом в здешнем наместничестве»*. То есть это чиновник, облеченный большими полномочиями. Он повелевает отстранить Простакову от управления имением, которое берется под правительственную опеку.

Некоторыми губерниями, обычно столичными и пограничными, правили **ВОЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ**, которые одновременно командовали войсками, находившимися на их территориях. Остальных губернаторов называли **ГРАЖДАНСКИМИ ГУБЕРНАТОРАМИ**.

Центральные органы власти находились в главной столице – Санкт-Петербурге. Единственным главой государства был монарх – **ИМПЕРАТОР**, он же **ЦАРЬ**, которого подданные обязаны были почтительно именовать государь (официальный титул – **ГОСУДАРЬ-ИМПЕРАТОР**). Царь – титул неофициальный. Императору до 1905 года непосредственно подчинялись министры – главы министерств, образованных в 1802 году. Только в 1905 году, под влиянием революционных событий, была учреждена должность председателя Совета Министров. Первым был граф Витте, выведенный М. Горьким в романе «Жизнь Клима Самгина».

Высшим государственным органом империи, ведавшим надзором над деятельностью правительственных учреждений, был **ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СЕНАТ**. Он же был высшей судебной инстанцией. Отсюда и возглас грибоедовского Фамусова: *«В Сенат подам, министрам, государю!»* А до того, восхваляя мудрость московских дам, тот же Фамусов заявляет: *«Присутствовать пошлите их в Сенат!»* – дескать, и там справятся.

Бесплодное хождение Нехлюдова в сенат как в высшую судебную инстанцию описано в «Воскресении» Л. Толстого.

Министерства и иные присутственные места

Каждое министерство разделялось на департаменты, отделения, столы.

ДЕПАРТАМЕНТЫ ведали важнейшими направлениями деятельности министерств. Должность **ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА**, как и министра, была слишком высока, чтобы прямо «присваивать» ее героям художественных произведений. Только по косвенным данным можно заключить, что Каренин, муж Анны, занимавший *«одно из важнейших мест в министерстве»*, возглавлял департамент.

Не случайно повесть «Шинель» Гоголь начинает таким ироническим вступлением: *«В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уж всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество»*. Так нам и остается неизвестным, в каком именно департаменте служил горемычный Акакий Акакиевич; впрочем, значения это для повествования не имеет.

Расхваставшийся Хлестаков, чтобы придать себе весу в уездном городке, заявляет: *«Один раз я даже управлял департаментом»*. Ни более, ни менее!

ОТДЕЛЕНИЕ – часть департамента с более узкими функциями. Восхваляя некоего Фому Фомича, грибоедовский Молчалин отмечает, что он – не то, что Чацкий, а «при трех министрах был начальник отделения». Мелкого чиновника Поприщина в «Записках сумасшедшего» Гоголя *«разбесил начальник отделения»*, сказавший ему: *«Ведь ты нуль, более ничего»*. Поприщин, не смея ответить начальнику-хаму, изливает свое негодование в дневнике.

Герцен в «Былом и думах» пишет: *«Начальники отделений озабоченно бегали с портфелями, были недовольны столоначальниками, столоначальники писали, писали, действительно были завалены работой и имели перспективу умереть за теми же столами – по крайней мере, просидеть без особенно счастливых обстоятельств лет двадцать»*.

СТОЛ во главе со СТОЛОНАЧАЛЬНИКОМ был низшим подразделением министерств и многих других правительственных ведомств. Главная исполнительская работа велась в столах. Первоначально штат «стола» действительно сидел за одним длинным столом, в торце которого восседал начальник стола, затем название «стол» оторвалось от предмета мебели и стало обозначать служебное подразделение. То же, кстати, случилось со словом «бюро» и «контора», поначалу означавшими всего лишь предмет канцелярской мебели. Нам странно читать в «Обрыве» Гончарова о том, как Райский *«подал к переводу в статскую службу и был посажен к Аянову в стол»*. Однако и до сих пор существуют «стол заказов», «стол находок», «стол справок».

Должность столоначальника – первый руководящий пост на пути административной карьеры – была предметом вожделений всякого рядового чиновника. Молодой беспринципный карьерист Белогубов в «Доходном месте» Островского мечтает любыми средствами стать столоначальником. На вопрос его невесты Юлиньки, что такое столоначальник, он неопределенно отвечает: *«Это... первый сорт-с»*. Помимо жалованья и служебных перспектив должность эта была заманчива и тем, что занимавший ее нередко распоряжался взятками. Чиновник Кисельников в «Пучине» Островского говорит: *«По субботам столоначальник делит доходы с просителей, да я посмирнее, так обделяет»*.

Столоначальников иногда иронически называли неофициально по-старинному – ПОВЫТЧИКАМИ. Чичиков в молодости *«попал под начальство уже престарелому повытчику, который был образ какой-то каменной бесчувственности»*. У Чернышевского («Повесть в повести») читаем: *«Я тогда был повытчиком, по тогдашнему неблагородному прозвищу, а собственно столоначальником»*.

Была и менее значительная должность – ПОМОЩНИК СТОЛОНАЧАЛЬНИКА. В романе Чернышевского «Что делать?» отец Веры Павловны, жалкий и пришибленный человек, *«служил помощником столоначальника»*. Иной тип выведен в «Шинели» Гоголя: *«...один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя»*, приглашает Акакия Акакиевича к себе на именины, где тот имеет возможность блеснуть своей новой шинелью. Этот визит, как известно, имел печальный исход: на обратном пути шинель была похищена.

Правительственные учреждения, где трудились чиновники, назывались ПРИСУТСТВИЯМИ или ПРИСУТСТВЕННЫМИ МЕСТАМИ. В каждом губернском и уездном городе здание присутственных мест стояло на виду – многие из этих домов сохранились до наших дней. В губернском городе, где происходит действие «Мертвых душ», это был *«большой трехэтажный каменный дом, весь белый, как мел, вероятно для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей»*. В данном случае «должности» – должностные лица.

«Уехал в присутствие», *«сидел в присутствии»* – такие выражения постоянно встречаются на страницах русской классики. Сходное значение иногда приобретало слов должность. Забитый Макар Девушкин в «Бедных людях» Достоевского признается: *«В*

должность-то вхожу когда, так бочком-бочком ». «*Отец ее уехал к должности* », – говорится в повести Лермонтова «Княгиня Лиговская».

«К должности», как и «в присутствие», означало «на службу», «в свое учреждение».

Часто термин «присутствие» у писателей не конкретизируется, означая правительственное учреждение вообще. Так, в «Анне Карениной» мы узнаем, что Стива Облонский служит «*в небольшом чине, начальник одного из московских присутствий*»; в другом месте он назван «*председателем присутствия*».

Губернские власти

ГУБЕРНАТОР – глава, или, как прямо формулировалось в законе, «хозяин губернии», непосредственно подчинялся самому влиятельному из министерств – министерству внутренних дел. При губернаторе имелось ГУБЕРНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ. Живую и яркую картину губернской администрации дал Гоголь в «Мертвых душах». Там же выведен сочный образ тупого и самодовольного губернатора. Деспотический образ губернатора Колязина Тургенев нарисовал в романе «Отцы и дети».

Помощником губернатора был ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР, которого за глаза называли сокращенно «виц». Злоязычный Собакевич говорит Чичикову по поводу восхваляемого им губернатора: «Он да еще вице-губернатор – Гога и Магога», имея в виду персонажей библейской притчи о двух царях, отличавшихся диким и свирепым нравом. В романе Л. Толстого «Воскресение» адвокат Фанарин говорит Нехлюдову: «Теперь нет губернатора, правит должностью виц. Но это такой дремучий дурак, что вы с этим едва ли что сделаете».

В губернское правление входили:

КАЗЕННАЯ ПАЛАТА, ведавшая сбором налогов и другими финансовыми делами губернии. Непосредственное заведование финансами делало должность председателя казенной палаты весьма престижной и привлекательной. В романе Гончарова «Обрыв» о председателе казенной палаты Тычкове говорят, что «*в кармане у себя он тоже казенную палату завел, да будто родную племянницу обобрал и в сумасшедший дом запер* ». Опустившийся, обнищавший Барон в пьесе Горького «На дне» вспоминает: «*Служил в казенной палате... мундир, фуражка с кокардой... растратил казенные деньги, – недели на меня арестанский халат... потом одел вот это...* »

ГРАЖДАНСКАЯ ПАЛАТА, или ПАЛАТА ГРАЖДАНСКОГО СУДА, ведавшая всякого рода гражданскими судебными делами и торговыми сделками. Именно сюда для оформления покупки мертвых душ под видом живых отправился Чичиков в 7-й главе гоголевской поэмы. С председателем этой палаты Иваном Григорьевичем Чичиков уже успел коротко познакомиться, что сильно ускорило дело и избавило его от многих неизбежных в таких случаях взяток.

УГОЛОВНАЯ ПАЛАТА, или палата уголовного суда, разбиравшая уголовные дела.

Непосредственно губернатору подчинялся ПРИКАЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ, ведавший местными училищами, всякого рода медицинскими и благотворительными учреждениями. Этот приказ имел право заниматься финансовыми операциями с целью приращения своего скудного бюджета. Отсюда становится понятным ответ Добчинского на просьбу Хлестакова одолжить ему «*рублей тысячу*»: «*...Деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения* ». Это означает, если, конечно, Добчинский не врал, что свои свободные капиталы он вложил, с целью получить проценты, в приказ общественного призрения.

ГУБЕРНСКИЙ ПРОКУРОР формально не подчинялся губернатору, он обязан был следить за исполнением законности и пресекать все злоупотребления в губернии – отвечал он за это перед министром юстиции. В «Мертвых душах» прокурор с густыми бровями, поверивший аферисту Чичикову, не выполнил своей прямой обязанности; отсюда его наиболее острая реакция на разоблачение Чичикова – паралич и смерть.

В 1889 году при губернских правлениях были учреждены ПРИСУТСТВИЯ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ, осуществлявшие надзор за крестьянскими сословными органами. НЕПРЕМЕННОМ ЧЛЕНОМ (то есть не выборным, а назначенным) такого присутствия был герой чеховской драмы «Иванов». Правда, о его служебной деятельности в драме не упоминается, но социальное место определено – помещик, вынужденный подрабатывать на чиновничьей должности. Таков и герой рассказа Чехова «Кошмар» Кунин, у которого имение заложено, и живет он только на жалованье непрямого члена.

В круг обязанностей этого присутствия входило и наблюдение за сбором налогов. Герой рассказа Чехова «Злоумышленник», не понимая, за что его хотят посадить в тюрьму, говорит судьбе: *«А ежели вы насчет недоимок сомневаетесь, ваше благородие, то не верьте старосте... Вы господина непрямого члена спросите»*.

Уездные власти

Губерния делилась на УЕЗДЫ, административными центрами которых были уездные города. Уездным или другим негубернским городом (так называемым ЗАШТАТНЫМ) управлял ГОРОДНИЧИЙ – полицейский чиновник, распоряжавшийся всеми делами города.

Городничий лучше всего нам знаком по «Ревизору» Гоголя. Это полномочный хозяин города: в его подчинении – все чиновники уездного правления, он отвечает за такие, казалось бы, далекие от полиции учреждения, как народные училища или БОГОУГОДНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ, то есть больницы, приюты, богадельни.

Между тем еще с 1785 года в губернских и уездных городах существовал и выборный орган – ШЕСТИГЛАСНАЯ ДУМА (из шести «гласных», то есть депутатов от разных сословий), руководимая ГОРОДСКИМ ГОЛОВОЙ. Такой городской голова, хотя и не выведен в «Ревизоре», но упоминается: для встречи мнимого ревизора судья Ляпкин-Тяпкин предлагает *«вперед пустить голову, духовенство, купечество»*, на что городничий возражает: *«Нет, нет: позвольте уж мне самому»*. Чичиков «побывал и на закуске после обеда, данной городским головой, которая тоже стоила обеда». Но власть городской думы и городского головы до реформы 1870 года была совершенно прозрачной и неощутимой. Реальной властью обладали не выбранные лица, а назначенные правительственными органами чиновники. В уездном городе это был городничий, мало считавшийся с законами.

Другой яркий образ городничего в русской литературе – Градобоев в комедии Островского «Горячее сердце». Это грубый, невежественный и вместе с тем ловкий и изворотливый служака. *«У тебя закон, а у меня костыль»*, – говорит он купцу Хлынову.

В рассказе «Однодум» Лесков писал: *«В ту отдаленную пору... самое главное лицо в каждом русском городишке был городничий. Не раз было сказано и никем не оспорено, что, по понятию многих русских людей, каждый городничий был «третье лицо в государстве»*. Государственная власть в народном представлении от первоисточника своего – монарха разветвлялась так: первое лицо в государстве – государь, правящий всем государством; за ним второе – губернатор, который правит губернией, и потом прямо за губернатором непосредственно следует третье – городничий, *«сидящий на городе»*.

В уездном городе заседал УЕЗДНЫЙ СУД, служивший до 1863 года первой судебной инстанцией для дворян. Он решал мелкие уголовные и гражданские дела, чаще всего – споры о землевладениях. Как действовал уездный суд, подкупленный богатым помещиком, ярко показал Пушкин во второй главе «Дубровского». Никакого следствия, прений сторон, защиты; вызванный в уездный суд Андрей Гаврилович Дубровский вынужден выслушать уже готовое судебное определение, лишаящее его законно принадлежащего ему имения. Потерпевшему предоставлено только право апелляции, то есть обжалования приговора в вышестоящей инстанции.

Юмористическое изображение заседания ПОВЕТОВОГО (то есть того же уездного) СУДА, пытавшегося помирить Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, дал Гоголь в его

известной повести, вошедшей в книгу «Миргород».

УЕЗДНЫЙ СУДЬЯ был после городничего вторым лицом в уездном городе. Эту должность в «Ревизоре» представляет Ляпкин-Тяпкин, который более увлекается охотой, нежели делом, и не скрывает, что взятки берет борзыми щенками. Узнав о грозящей ревизии, он спокойно говорит: *«В самом деле, кто зайдет в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад... Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда»*. При суде Ляпкине-Тяпкине состоял ЗАСЕДАТЕЛЬ, от которого, по словам городничего, *«такой запах, как будто он сейчас вышел из винокуренного завода»*.

В «Ревизоре» мы знакомимся и с другими представителями уездных властей. Таков Земляника – *«проньера и плут»*, ведающий богоугодными заведениями, учрежденными, по объяснению Даля, *«для призрения нуждающихся в том: дряхлых и калек, хворых и нищих»*. Хлопов – СМОТРИТЕЛЬ УЧИЛИЩ, запуганный и жалкий человек, изрекающий: *«Не приведи Бог служить по ученой части, всего боишься»*. Фраза, характерная для николаевской эпохи, когда учебные заведения находились под строжайшим надзором властей, опасавшихся развития «вольномудства».

Власть городничего, как показывает и само название должности, ограничивалось территорией города. Кто же правил в остальном уезде?

Главой административно-полицейской власти уезда (без городов) до 1862 года был КАПИТАН-ИСПРАВНИК. В жизни и литературе он часто именовался просто ИСПРАВНИКОМ. При нем было два-три помощника – ЗЕМСКИЕ ЗАСЕДАТЕЛИ. Исправники и заседатели избирались местным дворянством из своей среды, должности были платными.

Неожиданно нагрянувшего Чичикова пугливая Коробочка принимает за местного заседателя.

Исправник – *«высокий и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах»* – вместе с заседателем Шабашкиным, стряпчим и писарем приезжает в Кистеневку, чтобы оформить передачу имения Дубровского Троекурову.

Избиение Чичикова слугами Ноздрева прерывает приезд капитана-исправника, который объявляет Ноздреву, что тот находится под судом за учиненное им до того избиение помещика Максимова.

Слово «исправник» (от выражения «исправлять должность», то есть исполнять обязанности, служить) обыгрывается в эпиграмме о местном исправнике, которая содержится в рассказе «Затишье» Тургенева:

*...недаром славно
Дворянским выбором почтен:
Он пьет и кушает исправно,
Так как же не исправник он?*

С 1837 года помощниками уездного исправника вместо земских заседателей стали СТАНОВЫЕ ПРИСТАВА, каждый из которых ведал СТАНОМ – полицейским округом. Уезд разделялся на два-три округа.

«Были дворянские заседатели – их куроцапами звали, вместо них станových приставов завели – тоже куроцапами зовут, ничего не поделаешь», – говорится в романе А.Ф. Писемского «Тысяча душ».

До 1863 года исправник стоял во главе НИЗШЕГО ЗЕМСКОГО СУДА – уездного административно-полицейского органа, ведавшего всеми сословиями, кроме дворян. Его не надо смешивать с уездным судом, о котором речь шла выше. Низший земский суд творил в уезде, что хотел. В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» читаем:

*«Где же наши куры?» –
Девчонки орут.*

– Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу,
Да сулил постой...
Славно жить народу
На Руси святой!

В 1863 году низший земский суд был упразднен, так же как и должность городничего. Власть УЕЗДНОГО, или ЗЕМСКОГО, ИСПРАВНИКА с той поры распространилась и на уездный город. Исправники, назначаемые правительством – НАЧАЛЬНИКИ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ, – просуществовали вплоть до 1917 года.

В 1878 году становые пристава получили в свое распоряжение УРЯДНИКОВ – сельских полицейских. Их не надо путать с урядниками – унтер-офицерами казачьих войск, к которым они не имели никакого отношения.

В период реакции, в 1889 году, с ростом недовольства на селе и в условиях назревания революционной ситуации правительство ввело в уездах должность ЗЕМСКОГО НАЧАЛЬНИКА, назначаемого из дворян. Он объединял в своих руках как административную, так и судебную власть над крестьянством всего уезда, утверждал в должности избранных крестьянами старост, был скор на суд и расправу. Во всех произведениях русской литературы земский начальник изображается фигурой зловещей и всевластной на селе. Он мог посадить в тюрьму любого пришедшегося ему не по нраву крестьянина.

О самодурстве и наглости земских начальников можно многое прочесть у Горького – в рассказе «Кирилка», романе «Жизнь Клима Самгина». В повести «Мать» выведен земский начальник, который *«заставлял мужиков кланяться лошади его, когда ее по деревне вели, а кто не кланялся, того под арест сажал»*.

Городская полиция

Полиция в городах отличалась от полицейских органов в сельской местности.

До 1917 года более или менее крупный город разделялся на ЧАСТИ, то есть своего рода районы. Во главе полиции каждой части стоял ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВ. Здесь частный – не в современном смысле «принадлежащий частному лицу», а относящийся к части, полицейской территориальной единице.

Небольшие уездные города на части не разделялись. Тем не менее и в них был частный пристав, ближайший помощник городничего. Таким в «Ревизоре» выведен Уховертов, срочно вызванный городничим для наведения порядка в городе.

Частный пристав со своей канцелярией помещались в ЧАСТНОМ ДОМЕ. При каждом частном доме было арестантское отделение – СЪЕЗЖАЯ, которую в народе иногда называли ХОЛОДНОЙ или СИБИРКОЙ из-за стоявшего в ней холода.

Уховертов докладывает городничему, что полицейский Прохоров *«в частном доме, да только к делу не может быть употреблен»* (мертвецки пьян). Юмор этой реплики не доходит до современного читателя и зрителя; можно не сомневаться, что в прошлом веке она вызывала взрыв смеха: подумать только, самого блюстителя порядка в пьяном виде привезли в полицию! А мы, по неведению своему, гадаем: в чем частном доме оказался пьяный Прохоров?

Тем более, что выражение «частный дом» в смысле «дом, принадлежащий частному лицу» бытовало и прежде. Так, в рассказе Тургенева «Клара Милич» описывается *«большая зала в частном доме на Остоженке»*, где происходит концерт; конечно же, это не полицейская контора.

Не случайно Хлестаков, приглашенный городничим переселиться из трактира в его

дом, отвечает: *«Мне гораздо приятнее в частном доме, чем в этом кабаке»*. Сказать в данном случае «в частном доме» значило бы допустить опасную двусмыслицу.

В «Былом и думах» Герцен пишет о том, что его дядя (сенатор) и отец в отношении к крепостным *«прибегали к гнусному средству «частного дома»*, то есть посылали их туда за провинности на сечение. Так, невинное на первый взгляд выражение «частный дом» в старые времена могло иметь весьма зловещее значение.

Полицейские части разделялись на КВАРТАЛЫ во главе с КВАРТАЛЬНЫМИ НАДЗИРАТЕЛЯМИ, помощники которых назывались КВАРТАЛЬНЫМИ ПОРУЧИКАМИ. В народе квартальных надзирателей называли просто квартальными или, уничижительно, КВАРТАШКАМИ. На одну полицейскую часть приходилось 4-5 кварталов. В «Ревизоре» фигурируют трое квартальных: Свистунов, Пуговицын, Держиморда. Фамилия последнего стала синонимом тупого и злобного полицейского служаки.

В комедии Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» выведен квартальный, выразительно названный так: Тигрий Львович Лютов. Он – «ундер», то есть унтер-офицер.

Самой мелкой полицейской территорией был ОКОЛОТОК, или ОКОЛОДОК, во главе с ОКОЛОТОЧНЫМ НАДЗИРАТЕЛЕМ, но они были не везде, а только в крупных городах. Такой чин сатирически выведен в рассказе Чехова «Хамелеон».

Рядовые постовые полицейские в городах до 1862 года именовались БУДОЧНИКАМИ или БУТОЧНИКАМИ – от слова «будка». Этой мрачной и вместе с тем комической фигуре уделено немало места в произведениях русской литературы. Вооруженный АЛЕРБАДОЙ, то есть длинным копьем с топориком, будочник пребывал на посту в БУДКЕ, окрашенной полосами. Но чаще будка имела вид жилого дома, окруженного огородом, зимой деревянная или каменная будка отапливалась. Будочник не просто стоял на посту, но и жил в будке вместе с семьей. «Будочник» было словом неофициальным, иногда его называли БУТАРЕМ; на то и другое обращение постовой мог обидеться.

Приниженность сочеталась в будочниках с грубостью, взяточничеством, пьянством и рукоприкладством. Типы будочников ярко выведены Гоголем в повестях «Нос» и «Шинель», в повести Пушкина «Гробовщик».

Подчеркивая полицейскую суть самодержавного государства при умственной ограниченности его властителей, Герцен называл Николая I *«будочником будочников»*.

Низшим полицейским чином был и ХОЖАЛЫЙ – рассыльный при полиции, исполнявший разные поручения. В «Муму» Тургенева, когда Герасим начинает странно себя вести, дворецкий посылает *«на всякий случай»* за хожалым.

В помощь полиции в дореформенное время выделялись ДЕСЯТСКИЕ из мещан – от каждого десятого двора. В «Ревизоре» Гоголя городничий приказывает квартальному взять десятских, чтобы они вывели улицу, ведущую к трактиру.

ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕР, или в разговорном языке ПОЛИЦМЕЙСТЕР, – так назывался начальник полиции губернского города. В Петербурге и в Москве их было несколько, и подчинялись они главному – ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРУ, а с 1905 года – ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ. Полицеймейстер в «Мертвых душах» подчинялся только губернатору, а власть имел самую широкую. У Гоголя описано, как он *«солону пришелся обывателям города»* и жил безбедно, обирая купцов постоянными поборами. *«Полицеймейстер был некоторым образом отец и благотворитель в городе, – саркастически пишет Гоголь. – Он был среди граждан совершенно как в родной семье, а в лавки и в гостиный двор наведывался как в собственную кладовую»*.

Совсем иной, драматический образ полицеймейстера рисует Горький в пьесе с характерным названием «Последние». Обедневший дворянин Иван Коломийцев пошел служить в полицию, дослужился до высокой должности полицеймейстера и *«быстро развратился, прогнул»*; в него стреляют революционеры, от него отступаются родные дочери, стыдящиеся отца. Дело происходит вскоре после революции 1905-1907 годов.

Теперь, когда мы познакомились с полицейской иерархией, нам станут яснее мытарства гоголевского Акакия Акакиевича, который, лишившись шинели, не знает, к кому обратиться:

квартильному он не доверяет, частный не стал его слушать, а «значительное лицо» в генеральском чине, под которым можно предполагать одного из петербургских полицеймейстеров, а может быть, и обер-полицеймейстера, распекло его так, что «он не слышал ни рук, ни ног» и вскоре, простудившись, умер.

Полицией в столицах, вплоть до 1884 года, ведала УПРАВА БЛАГОЧИНИЯ. В эту управу и решает на первых порах обратиться гоголевский майор Ковалев с жалобой на сбежавший от него нос.

Чтобы понять некоторые содержащиеся в классических произведениях намеки, совершенно ясные современникам, полезно знать приметы тогдашней полицейской формы. Во всех постановках и на книжных иллюстрациях городничий и другие полицейские чины того времени изображаются в зеленых мундирах со стоячим красным воротником. Цирюльнику Ивану Яковлевичу, внезапно обнаружившему у себя дома отрезанный нос майора Ковалева, «мерещился алый воротник, красиво вышитый серебром, шпага» – это означает, что он ожидает прихода полиции. Набедокуривший купец Брусков в пьесе Островского «Тяжелые дни» приказывает жене: «Настасья! Коли ежели кто с красным воротником, то сейчас ему говорите, что уехал из Москвы».

В стихотворении «Примите дивное посланье...» Лермонтов пишет о Петербурге:

*Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой...*

...В 1862 году будочники были упразднены. Уступив свое место ГОРОДОВЫМ. Однако слово «будочник» по привычке еще долго было в ходу: так продолжали по преимущественности именовать городских. Поэтому нас не должно удивлять, что в пьесе Горького «На дне», действие которой происходит на рубеже веков, Бубнов и Квашня называют «бутошником» городского Медведева.

В 1881 году полицейские кварталы были переименованы в УЧАСТКИ во главе с УЧАСТКОВЫМИ ПРИСТАВАМИ. По этому поводу известный московский журналист В. А. Гиляровский писал:

*Квартальный был – стал участковый,
А в общем та же благодать:
Несли квартальному целковый,
А участковому дай – пять.*

Изменилась и форма – полицейские стали носить черные шинели и мундиры темно-синего сукна.

В конце XIX – начале XX века некоторые крупные города выделялись из губерний, образуя самостоятельное ГРАДОНАЧАЛЬСТВО. По правам внутри города градоначальники приравнивались к губернаторам, подчинялись же они генерал-губернатору, а где его не было – министру внутренних дел. Нас не должно вводить в заблуждение, что термин «градоначальник» встречается в литературе задолго до этого. Городничий в «Ревизоре» гордо именуется градоначальником; это следует понимать фигурально, как «начальник, хозяин города», а не как название должности, которой в ту пору еще и не было. В этом же смысле следует понимать градоначальников в «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина.

Волость и село

Самой мелкой административно-территориальной единицей царской России была ВОЛОСТЬ, объединяющая несколько сел и деревень. Во главе ее стоял ВОЛОСТНОЙ

СТАРШИНА, избираемый на три года СЕЛЬСКИМ СХОДОМ. Волостной старшина вместе со своим помощником ВОЛОСТНЫМ (или ЗЕМСКИМ) ПИСАРЕМ возглавлял волостное правление, состоявшее из сельских старост и других выборных должностных лиц. Старшиной был, как правило, состоятельный, знавший грамоту крестьянин. Грамотность, конечно, была относительной: в рассказе Чехова «В овраге» волостной старшина *«был малограмотен и каждое слово писал с большой буквы»*.

После реформы 1861 года волостной старшина получил большую власть над крестьянами. В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» говорится о временах после отмены крепостного права, что *«теперь их (крестьян. – Ю.Ф.) вместо барина / Драть будет волостной»*.

После реформы кандидатура волостного старшины утверждалась мировым посредником, а с 1889 года – земским начальником.

В отдельных селах (одном или нескольких) судебной-полицейской властью обладал сельский сход во главе с выбранным старостой. Еще при крепостном праве сельский сход избирал из своей среды для выполнения различных общественных и административных обязанностей ДЕСЯТСКИХ и СОТСКИХ. Названия обеих должностей – от числа выделявших их дворов.

Десятские определяли пришлых людей на ночлег, исполняли обязанности курьеров и т.п. В «Тамани» Лермонтова десятский подыскивает Печорину ночлег. Иногда десятский управлял далеко отстоящим от села хутором – так в рассказе Тургенева «Смерть».

После крестьянской реформы сотские (*«звание крайне униженное»*, отмечает в своем словаре Даль), как и десятские, превратились в низших полицейских служителей на селе.

В рассказе Матрены Тимофеевны («Кому на Руси жить хорошо» Некрасова) показано, как десятник и сотский исполняют в деревне по указанию властей чисто полицейские функции.

У Чехова в рассказе «Мечты» выразительно нарисованы образы двух сотских, конвоирующих в уездный город беспаспортного бродягу. Сочувствуя полуживому, больному человеку, оба мужика, однако, не скрывают, что считают его мечты о привольной жизни в Сибири несбыточными, так как дни его сочтены.

Сходная ситуация в рассказе Горького «Товарищ». Староста приказывает сотскому отвести к становому приставу беспаспортного бродягу. Неожиданно в пути выясняется, что арестант – давний дружок конвоира.

Сильнейший образ сотского выведен Чеховым в рассказе «По делам службы». Илья Лошадин, называющий себя «цоцкай», рассказывает приезжим чиновникам о своей многотрудной жизни, поражая непоколебимой покорностью судьбе.

Сотские и десятские формы не носили – об их должности свидетельствовала особая медная бляха, повешенная на груди.

Яркие фигуры пореформенных сельских должностных лиц предстают перед нами в рассказах Чехова «Староста», «Скорая помощь», «Унтер Пришибеев» и многих других.

Все это бремя власти вынужден был выносить освобожденный от крепостной зависимости, но оставшийся бесправным простой крестьянин. Символический «мальчик без штанов» в очерках Салтыкова-Щедрина «За рубежом» как бы от лица миллионов крестьян говорит: *«А нас, брат, так и сейчас походя ругают. Кому не лень, только тот не ругает, и все самыми скверными словами. Даже нам надоело слушать. Исправник ругается, становой ругается, посредник ругается, старшина ругается, староста ругается, а нынче еще урядников ругаться наняли»*.

Судебной инстанцией в волости после 1864 года был ежегодно избираемый волостным сходом ВОЛОСТНОЙ СУД. Он разбирал мелкие гражданские и уголовные дела, имея право приговорить крестьянина к штрафу, кратковременному заключению, телесному наказанию.

Одна из арестанток, сидящая в камере с Катюшей Масловой («Воскресение» Л. Толстого), рассказывает: *«Я одна видела, как в волостном мужика драли»*. Ее прервали, но все же она *«досказала свою историю, как она испугалась в волостном, когда там в*

сарая мужика секли, как у ней вся внутренность отскочила».

В «Анне Карениной» седоусый помещик, закоренелый крепостник, выражает недовольство новыми, пореформенными порядками, якобы потворствующими мужику. *«Только и держится все волостным судом да старшиной. Этот отпорет его по-старинному».*

В 1903 году, в связи с ростом стихийных выступлений крестьян, был учрежден новый низший полицейский чин – СТРАЖНИКИ, подчиненные урядникам. Вызвано это было тем, что десятские и сотские утратили доверие начальства, так как часто присоединялись к восставшим крестьянам. Однако и стражники не стали надежной опорой властей. В рассказе Бунина «Ночной разговор», касающемся событий 1905 года, один из персонажей повествует: *«Затеялись там мужики барина разбивать... а навстречу им – стражники. Мужики с кольями, с косами – на них. Стражники сделали залп да, понятно, драло...».*

Волостные старшины, писаря, сельские старосты, сотские, десятские... Все они навеки ушли в историю, почти не запечатлевшись на ее страницах. Как же мы должны быть благодарны писателям за то, что образы этих людей, со всеми их характерными особенностями и свойствами, оживают для нас в художественных произведениях!

Пореформенные учреждения

Вскоре после отмены крепостного права, в 1864 году, в губерниях и городах были созданы новые выборные органы местного управления – ЗЕМСТВА. Уездные и губернские земские собрания избирали исполнительные органы – ЗЕМСКИЕ УПРАВЫ во главе с ПРЕДСЕДАТЕЛЯМИ. Эти органы были всесловными, но участие в них сильно ограничивалось имущественным цензом. Таким образом, в земских управах заседали преимущественно крупные землевладельцы, то есть те же дворяне-помещики.

Полномочия земских органов ограничивались местными хозяйственными делами. Они прокладывали дороги и строили мосты, открывали школы и больницы, вели борьбу с голодом, эпидемиями и эпизоотиями¹, занимались страхованием имущества. На все это нужны были средства. Земствам разрешалось облагать население сборами и налагать на него повинности. Деятельность земств строго контролировалась местными губернаторами.

При всей своей ограниченности деятельность земств была, бесспорно, прогрессивной. В произведениях классиков мы встречаем образы земских деятелей и служащих, искренно заинтересованных в помощи трудовому населению.

Работа земства вызвала недовольство и сопротивление реакционных дворян, вчерашних крепостников. Помещик Бодаев в пьесе Островского «Лес» заявляет, что не заплатит на земство *«ни одной копейки, пока жив; пускай описывают имение... Никакой пользы, один грабеж».*

Заматерелый крепостник помещик Калломейцев («Новь» Тургенева) ругает земство, которое, по его мнению, *«только ослабляет администрацию и возбуждает лишние мысли и несбыточные надежды».*

Однако и у прогрессивных дворян деятельность земств часто вызывала разочарование. Так, Константин Левин в «Анне Карениной» – образ, в который Л. Толстой вложил много своего, личного, – вскоре отказывается от участия в работе земства: *«...я убедился, что никакой земской деятельности нет и быть не может... – говорит Левин Стиве Облонскому. – С одной стороны, игрушка, играют в парламент... а с другой (он заикнулся) стороны, это – средство для уездной coterie² наживать деньжонки... в виде незаслуженного жалованья».*

И в самом деле: многие разоряющиеся дворяне искали в земской деятельности не участия в облегчении народных нужд, а укрепления своих позиций и новых источников дохода. На это рассчитывает женившийся на помещице Гурмыжской недоучившийся дворянчик Буланов («Лес» Островского). Старый помещик Милонов его ободряет: *«Для*

новых учреждений нужны новые люди, а их нет. Вот они! » Правда, по возрасту юный Буланов еще не подходит, но Милонов его и тут утешает: *«Ну, что ж, мы подождем годика два; а там и в управу или другую почетную должность найдем»*. Буланов же заверяет соседних помещиков: *«...вы найдете во мне самого горячего защитника наших интересов и привилегий»*.

Запашин в комедии Островского «Светит, да не греет» говорит: *«Хозяйничаем немножко: иногда проедешь на земство, позеваешь, подремлешь там среди наших доморощенных ораторов»*.

Лида в рассказе Чехова «Дом с мезонином» жалуется: *«Весь наш уезд находится в руках Балагана. Сам он председатель управы, и все должности в уезде роздал своим племянникам и зятьям и делает, что хочет. Надо бороться»*.

К руководству земствами подчас пробирались люди вовсе недостойные. Председатель земской управы Лебедев в «Иванове» Чехова – безвольный и опустившийся *«толстоносый пьяница»*.

В скромной должности секретаря земской уездной управы состоит обедневший дворянин, вялый и бесхарактерный Андрей Прозоров («Три сестры» Чехова). Он когда-то мечтал стать знаменитым ученым, а вынужден подчиняться председателю этой управы, всеми презираемому Протопопову, который становится любовником его жены.

На известной картине художника Г. Г. Мясоедова «Земство обедает» (1872) сочувственно изображены крестьяне-ходоки, пришедшие издалека в земство и терпеливо ожидающие конца его обеда.

В сказке Салтыкова-Щедрина «Земский деятель» автор с иронией описал, как губернатор придавил все земские учреждения своей губернии.

Между тем в земских учреждениях работало немало истинных подвижников, прежде всего врачей и учителей, принесших много пользы простому народу.

Разнообразные типы земских врачей нарисованы Чеховым в рассказах «Неприятность», «Темнота», «Беглец», пьесах «Иванов» и «Дядя Ваня». Героя рассказа «Ионыч», земского доктора Старцева, лишённого гражданских идеалов, засосала провинциальная тина.

Аналогичной земской реформе была городская: в 1870 году все граждане, платящие городские повинности с земли, торговли или промысла, получали право избирать ГЛАСНЫХ (депутатов) в ГОРОДСКУЮ ДУМУ. Исполнительным органом думы была ГОРОДСКАЯ УПРАВА во главе с ГОРОДСКИМ ГОЛОВОЙ. Действовавшая со времен Екатерины II почти бесправная ШЕСТИГЛАСНАЯ ДУМА с ее городским головой была упразднена, так же как и МАГИСТРАТЫ – сословная судебная инстанция для купцов и мещан.

Городская дума с городской управой ведали всем городским хозяйством. Их деятельность строго контролировалась губернатором. Избранный думой городской голова также утверждался губернатором, а в Москве и Петербурге – царем. Нежелательные кандидатуры отменялись. Тем не менее авторитет городской думы был весьма значителен. Руководящую роль в этих думах получило крупное дворянство и купечество. Председателем думы, как правило, избирался либо состоятельный дворянин, либо крупный фабрикант.

Заседание городской думы очень комично изображено в рассказе Чехова «Господа обыватели».

Престижная должность городского головы представлялась весьма заманчивой для многих купцов и богатых мещан; при выборах между ними развертывалась острая борьба.

«– ...Не быть мне головой! – сокрушается Бессеменов в пьесе Горького «Мещане». – Федька Досекин, слесарного цеха старшина, в головы метит... Мальчишка! Щенок!»

В «Варварах» Горького один из персонажей – городской голова Редозубов, человек тщеславный и властный. *«Это не голова, а пасть... глупая и жадная пасть»*, – так говорят о нем.

Купец Прохор Храпов в «Вассе Железновой» сокрушается, что после осуждения его зятя (мужа сестры) ему уже не быть городской головой – репутация семьи запятнана.

В рассказе Чехова «Мороз» выведен городской голова купец Кремеев – миллионер, в молодости служивший сидельцем в рыбной лавке. В другом рассказе Чехова «Лев и солнце» показан объятый тщеславием городской голова купец Куцын, который нагло требует для себя у приезжего персидского сановника иностранный орден.

О ликвидации в 1917 году должности городских голов вместе со всем прежним строем напоминает реплика Губина Нестрашному в пьесе Горького «Достигаев и другие»: *«Что, брат? Вышиб меня из градских голов, а теперь и тебя вышибли? Да и кто вышиб, а?»*

Пореформенный суд

В 1864 году была проведена реформа суда. Прежний суд был сословным, для каждого сословия или нескольких сословий – свой. Не было ни предварительного следствия, ни прений сторон, ни защиты. Суды целиком зависели от администрации.

Новый суд был объявлен независимым. В нем участвовали адвокаты, состоящие на государственной службе. Они назывались ПРИСЯЖНЫМИ ПОВЕРЕННЫМИ. Были еще и ЧАСТНЫЕ ПОВЕРЕННЫЕ – адвокаты, имевшие право выступать не во всяких судах, а только в тех, которые им выдавали разрешение на эту деятельность. Заседания суда сделались открытыми, публичными. В решении наиболее важных дел принимали участие ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ (12 человек), привлекаемые по жребию преимущественно из высших слоев местного населения. Они выносили свое мнение о виновности или невинности обвиняемого, меру же наказания определял суд.

Сцены такого рода судебных разбирательств показаны в «Братьях Карамазовых» Достоевского, «Воскресении» и «Живом трупе» Л. Толстого.

Мелкие дела единолично разбирали МИРОВЫЕ СУДЬИ, избираемые на три года уездными земскими собраниями и городскими думами. Фигура мирового судьи, с которым наиболее часто приходилось сталкиваться населению, постоянно встречается на страницах русской литературы. В просторечии его называли «мировой», пренебрежительно – МИРОШКА. Однако в деревне мировым судьей с 1889 по 1912 год сменил всемогущий ЗЕМСКИЙ НАЧАЛЬНИК.

Решение мирового судьи можно было обжаловать съезду мировых судей – МИРОВОМУ СЪЕЗДУ, кулуарная обстановка которого с юмором описана в известном рассказе Чехова «Сирена».

Чеховского унтера Пришибеева судит мировой судья, который приговаривает его к месячному аресту. Рассказ написан в 1885 году, а после 1889 года такой суд на селе был бы невозможен: дело разбирал бы земский начальник.

Мировому судье беспрестанно жаловался на крестьян кляузный и мелочный Иудушка Головлев в романе Салтыкова-Щедрина.

В мировые судьи хочет баллотироваться незадачливый жених Ларисы Огудаловой – мелкий чиновник Карандышев («Бесприданница» Островского). Он надеется получить эту должность в захудалом уезде. Лариса объясняет: там кандидатов меньше, наверное, выберут.

Была и должность ПОЧЕТНОГО МИРОВОГО СУДЬИ – более представительская, чем реальная. Для почетного мирового судьи эта должность не являлась постоянной, штатной работой. Он замещал мирового судью в его отсутствие, то есть на короткое время. Такая честь была оказана Вронскому в «Анне Карениной», и он этим гордился: *«Я считаю, что для меня обязанность отправляться на съезд, обсуждать дело мужика о лошади так же важна, как и все, что я могу сделать»*.

Почетным мировым судьей выступает и богатый помещик Лыняев в комедии Островского «Волки и овцы».

Должность мирового судьи в 1889 году отменили не только в деревнях, но и в большинстве городов, где мировой суд заменили назначенными правительственными органами ГОРОДСКИМ СУДОМ. Только в 1912 году, под воздействием революционного

движения, мировые суды были восстановлены, хотя и не повсюду.

Жандармерия

Вскоре после восстания декабристов Николай I учредил в 1827 году ЖАНДАРМСКИЙ КОРПУС, во главе которого поставил своего любимца Бенкендорфа. ЖАНДАРМЕРИЯ (франц. жандарм – вооруженный человек) служила карательным органом для борьбы самодержавия с революционным и освободительным движением. Если полиция подчинялась министерству внутренних дел, то жандармерией ведал сам император; до 1880 года – через пресловутое «Третье отделение собственной Его императорского Величества канцелярии».

Один лишь вид ЖАНДАРМА внушал людям неодолимый страх. У жандармерии была голубая форма. Отсюда остроловы стали и называть голубой цвет жандармским. В стихотворении, сочиненном при отъезде на Кавказ, Лермонтов писал:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

Описывая свой арест, Герцен в «Былом и думах» вспоминал: «*Писаря, адъютанты, офицеры – все было голубое*». Далее появляется «*голубой полковник*». Дореволюционному читателю эти приметы ясно указывали, что речь шла о жандармах.

Кто появляется в финале «Ревизора», вызывая ошеломление чиновников – «немую сцену»? Жандарм. Обратим внимание на его фразу: «*Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе*». ИМЕННОЕ ПОВЕЛЕНИЕ – приказ, лично отданный самим императором. Подлинного ревизора сопровождает жандармский офицер. Было от чего ошеломиться чиновникам.

В каждом губернском городе было жандармское отделение во главе с жандармским офицером, обычно полковником. В городе, в котором находился Чичиков, местный жандармский полковник оказался в числе тех, кто «были довольны приездом нового лица», то есть Чичикова. Жандармский полковник, человек явно не очень образованный, говорил о Чичикове, что тот ученый человек.

Именно жандарм, не местный, а несомненно приехавший с высоким начальством, вызывает Чичикова к генерал-губернатору. Вот как описывает Гоголь этого жандарма: «*Перед ним (Чичиковым. – Ю.Ф.) торчало страшилище с усами, лошадиный хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, огромный палаши привешен к боку. Ему показалось, что при другом боку висело и ружье, и черт знает что: целое войско в одном только!*»

Жандармы охраняли особо важные государственные объекты, следили за порядком на железных дорогах. Жалобная книга в широко известной юмореске Чехова лежит «*в специально построенной для нее конторке на станции железной дороги*», ключ от которой «*хранится у станционного жандарма*». В одной из записей книги содержится и жалоба на станционного жандарма.

В рассказе Бунина «Путаница» на платформе железнодорожной станции показан «*жандармский полковник с великолепными подусниками и с безмятежными голубыми глазами в тон околышу фуражки*».

В начале XX века значение жандармерии как политической полиции усилилось. Жандармерия производит обыски и аресты – это мы знаем из произведений Горького «Мать» и «Жизнь Клима Самгина».

В пьесе Горького «Враги» на фабрике убили директора, вспыхнула забастовка. Для расправы приезжает с отрядом жандармский ротмистр Бобоедов, который выражает свое

недовольство местной полицией и становым.

Некоторые забытые должности

В заключение разъясним в словарном порядке некоторые названия давным-давно упраздненных, но встречающихся в литературных произведениях должностей.

АКЦИЗНЫЙ ЧИНОВНИК. АКЦИЗОМ назывался косвенный налог на некоторые товары широкого потребления, например, табак, вино, сахар. Акцизные чиновники контролировали поступление такого рода налогов в казну. Должность считалась не престижной, в литературе о ней говорится с иронией, да и представители акцизного дела выведены людьми мелкими, незначительными. Таков, например, вздорный и мелочный Косых в драме Чехова «Иванов», жалкий Монахов в «Варварах» Горького. Именно фамилию акцизного чиновника Овсова, умевшего заговаривать зубную боль, забыл приказчик генерала Булдеева в известном рассказе Чехова «Лошадиная фамилия».

ЖУРНАЛИСТ. В старину слово имело и второе, ныне утраченное течение – канцелярист, ведущий журнал входящих и исходящих документов. Именно такой «журнальной работой» собирается заняться Погуляев в пьесе Островского «Пучина». В рассказе Бунина «Миллионер» «*собрались гости у холостого журналиста почтовой конторы Ракитина*».

НЕПРЕМЕННОЙ ЧЛЕН, ЗАСЕДАТЕЛЬ и т.п. Означало постоянный, а не переизбираемый на очередных выборах, назначенный свыше.

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ. Служащий, занимающийся ведением корреспонденции, делопроизводством. Были и частные письмоводители – домашние секретари: Тетин в пьесе Горького «Егор Булычев и другие», Глеб в «Дачниках».

ПОДАТНОЙ ИНСПЕКТОР. Податная инспекция ведала сбором ПОДАТЕЙ, то есть налогов, которые взимались с имущества представителей «податных сословий» – крестьян и мещан.

ПОПЕЧИТЕЛЬ. Так назывались начальники некоторых ведомств; Земляника в «Ревизоре» – попечитель, то есть управитель, богоугодных заведений. Были и попечители учебных округов.

ПОЧТМЕЙСТЕР. Начальник почтовой конторы. Как мы помним, любознательный почтмейстер Шпекин играет важную роль в действии «Ревизора».

СТРЯПЧИЙ. Должность юридическая. Стряпчими именовались некоторые судебные чиновники, например, помощники губернского прокурора; в уезде им подчинялся уездный стряпчий. Кроме того – ходатай по частным делам (Рисположенский в комедии Островского «Свои люди – сочтемся!»). В 1863 году должность упразднена.

ТОВАРИЩ МИНИСТРА, ПРОКУРОРА, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ и т.д. – помощник, заместитель.

ЧИНОВНИК ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ. Обычно молодой, многообещающий чиновник при губернаторе или другом крупном начальнике, посылаемый с особыми полномочиями в служебные поездки для изучения и расследования разного рода важных дел. Должность считалась перспективной, карьерной. В ней служили Паншин в «Дворянском гнезде» Тургенева, Викентьев в «Обрыве» Гончарова, Петр Адуев в «Обыкновенной истории». Гоголь писал об этой должности в «Невском проспекте» так: «...те, которых завидная судьба наделила благословенным званием чиновников по особым поручениям».

ЭКЗЕКУТОР. Известно слово экзекуция – телесное наказание; действительно, когда-то экзекуторы, как, например, Жеребятников в «Записках из Мертвого дома» Достоевского, занимались таким позорным делом. Но остальные экзекуторы, встречающиеся в русской литературе, – сугубо мирные люди: Яичница в «Женитьбе» Гоголя, Червяков в рассказе Чехова «Смерть чиновника». Экзекутором назначался чиновник, ведавший хозяйством и наблюдавший за порядком в учреждениях.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ЧИНЫ И ЗВАНИЯ

Государственные служащие

Что такое ЧИНОВНИК? До революции так назывался государственный служащий, обладающий чином, то есть определенным, строго установленным званием. Начало этой иерархии положил Петр I, утвердивший в 1722 году «ТАБЕЛЬ О РАНГАХ» по трем видам – военные, штатские и придворные. Петровская табель рангах, претерпевшая с течением времени некоторые изменения в целом оставалась неизменной до самого свержения самодержавия. Окончательно табель о рангах была ликвидирована декретом ВЦИК и Совнаркома 11 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Вскоре были ликвидированы военные чины.

Чиновная карьера привлекала определенной степенью независимости и обеспечения личного достоинства (чин, даже малый, в частности, избавлял от телесного наказания), возможностью для малоимущих дослужиться «до степеней известных», материальными благами, перспективой служебной карьеры и приобщения (для разночинцев) к привилегированному сословию дворян.

Звание чиновника, как и офицера, было престижным, определяло прочное социальное положение человека. Известен забавный каламбур Чехова: *«Настоящий мужчина состоит из мужа и чина»*.

Будучи прочной опорой самодержавия, стоящая над народом каста чиновников не пользовалась симпатиями. Люди, зависимые от чиновников, награждали, прежде всего мелких из них, многими обидными прозвищами, вроде «приказная крыса», «крапивное семя», «чернильная душа», «канцелярский крючок» или «крюкотвор», «строкулист» (от слова «строка» и «лист»). В ходу были и старые допетровские названия канцелярских служащих, получившие пренебрежительный оттенок: приказный, подьячий, повытчик.

«Людишки, пишущая тварь», – так оскорбительно аттестует грибоедовский Репетилов мелких чиновников, сделавших себе быструю карьеру. Сравнительно безобидно звучало общее насмешливое определение чиновников «люди 20-го числа» – в этот день ежемесячно они получали жалованье.

Нельзя, однако, не указать на то, что среди тысяч взяточников и бюрократов, карьеристов и казнокрадов встречалось немало чиновников, старавшихся честно и благородно служить народу – таких больше всего было в сфере образования, здравоохранения, в среде инженерно-технических работников. В числе видных и уважаемых деятелей нашего Отечества мы найдем немало людей, носящих чины; без этого нельзя было занимать сколько-нибудь значительный пост на государственной службе.

Однако основная масса чиновников была чужда и враждебна народу. Не случайно в русской классической литературе положительные образы чиновников, в особенности крупных, крайне редки. Молодые люди прогрессивных убеждений чурались чиновничьей карьеры. Окончивший филологический факультет Андрей Андреич в рассказе Чехова «Невеста» говорит: *«Отчего мне так противна даже мысль о том, что я когда-нибудь нацеплю на лоб кокарду и пойду служить?»*

Культурный уровень низшего чиновничества в XIX веке был крайне невысок. Взятюга на службу молодого человека, еще не имеющего чина, сажали на должность писца: хороший почерк был непременным условием успешной чиновничьей карьеры. Пишущие машинки стали входить в канцелярский обиход России только с 1890-х годов. Можно себе представить, сколько людей и сил требовала обширнейшая канцелярская переписка в департаментах и иных «присутствиях»! При этом требовалась безукоризненная чистота и разборчивость документа, что при писании гусиными перьями (стальными стали широко

пользоваться только с середины XIX века) было делом мудреным. Поэтому начинающему канцеляристу поручали поначалу ЧИНКУ ПЕРЬЕВ, что было тоже своего рода искусством, которое давалось не каждому.

Приехавшему в Петербург обедневшему князю Мышкину («Идиот» Достоевского) генерал Еланчин прежде всего учиняет экзамен на почерк; Мышкин пишет чудесно; Ганя Иволгин смеется. «Смейся, смейся, – говорит генерал, – а ведь тут карьера». И обещает Мышкину устроить его писцом с хорошим окладом. Такому же «экзамену на почерк» подвергается молодой провинциал Александр Адуев («Обыкновенная история» Гончарова), приехавший в Петербург, чтобы делать чиновничью карьеру. Точно так же у высланного в Вятку Герцена, где его обязали служить чиновником, прежде всего проверяют почерк («Былое и думы», часть 1, глава 14).

Требовалась, конечно, и хорошая грамотность, иначе при переписке ошибки были неизбежны. Однако это качество не всегда определяло карьеру. В пьесе Островского «Доходное место» беспринципный карьерист Белогубов, у которого *«почерк хороши, но с правописанием плохо»*, предпочтен высокограмотному, но идейному Жадову.

Следующий после переписки черновика набело этап – составление документов. Иные так и не могли этому научиться.

47-летний Макар Девушкин («Бедные люди» Достоевского), дослужившийся до титулярного советника, до седых волос переписывает для «его превосходительства» важные деловые бумаги: «Слогу нет, сам не составляет, поэтому-то службой не взял». То же гоголевский Акакий Акакиевич («Шинель»), который не сумел «переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье... С тех пор его оставили только переписывать».

Пожилой чиновник Юсов в «Доходном месте» Островского вспоминает о том, как он *«вышел в люди»*. Его *«привели в присутствие в затрапезном халатишке, только что грамоте знал – читать да писать»*. Был на побегушках, сидел *«не на стуле, а у окошка на связке бумаг, писал не из чернильницы, а из старой помадной банки»*. А на старости лет, благодаря взяткам, заимел три домика и четверню лошадок.

А теперь обратимся конкретно к гражданским чинам. Как правило, названия чинов табели о рангах были заимствованы у западноевропейских стран, прежде всего у германских княжеств. Громоздкие и труднопроизносимые, они к тому же мало отражали уровень компетенции и круг обязанностей носившего их чиновника: «регистратор» мог ничего не регистрировать, а «советник» – никому и ничего не советовать. В записных книжках Чехова есть запись: *«Вот ты титулярный «советник», а кому ты советуешь? Не дай Бог никому твоих советов слушать»*.

Табель о рангах разделялась на 14 классов, самым низшим был четырнадцатый, высшим – первый.

Сразу оговоримся: женщины чиновниками, как и военными, состоять не могли. Таким образом, женские варианты чинов вроде «советница» или «ассессорша» – всего лишь указание на чин мужа, так же как слово «ЧИНОВНИЦА» означало «жена чиновника».

Приведем перечень гражданских чинов в соответствии с табелью о рангах. Каждому чину определялась «формула ТИТУЛОВАНИЯ» – официальная форма обращения, устная или письменная; они приводятся в правой части таблицы. Эта формула применялась только во втором (при прямом обращении) или третьем лице (заглазно или косвенно), в первом же лице никогда не употреблялась.

Гражданские чины

Класс Чин Формула титулования

I Канцлер **Высокопревосходительство**

II Действительный тайный советник **Высокопревосходительство**

III Тайный советник **Превосходительство**

IV Действительный статский советник **Превосходительство**

V Статский советник **Высокородие**
VI Коллежский советник **Высокоблагородие**
VII Надворный советник **Высокоблагородие**
VIII Коллежский асессор **Высокоблагородие**
IX Титулярный советник **Благородие**
X Коллежский секретарь **Благородие**
XI–XII Губернский секретарь **Благородие**
XIII–XIV Коллежский регистратор **Благородие**

Эту таблицу всегда полезно иметь под рукой при чтении русской классической литературы. Она поможет вам разобраться в социальном положении персонажей-чиновников и во взаимоотношениях между ними.

А теперь конкретно о каждом чине, снизу доверху.

Коллежский регистратор

Чин XIV класса, равный до 1884 года армейскому чину прапорщика. Он присваивался людям, вступившим на путь государственной службы из «низов». Это не значит, что чиновник непрерывно продвигался по «лестнице чинов», он мог всю жизнь оставаться в соответствующем должностном чине. Таким был пушкинский станционный смотритель Самсон Вырин – «коллежский регистратор, почтовой станции диктатор», как сказано в эпиграфе к повести. Долгое время станционные смотрители, хотя и были государственными служащими, вообще не имели чина; он был введен для того, чтобы избавить их от постоянных унижений со стороны власти имущих. «*Чин не бей меня в рыло*», – так называют коллежских регистраторов один из персонажей Лескова. Правда, и чин не всегда спасал станционных смотрителей от рукоприкладства.

Коллежскими регистраторами были писцы в канцеляриях – самые бесправные и забытые работники. Сложное название этого чина народ по созвучию переименовал в презрительное ЕЛИСТРАТИШКА (Елистрат – просторечная форма имени Евстрат). Зубоскалы острили: «*Коллежский регистратор – чуть-чуть не император*». Конечно, с этого чина часто начинали свою карьеру и сыновья состоятельных родителей, но то был кратковременный период в их жизни. Давая Хлестакову чин коллежского регистратора, Гоголь желал подчеркнуть молодость и несолидность своего героя и тем самым крайнюю тупость поверивших ему уездных заправил. Слуга Осип презрительно отзывается о своем хозяине: «*Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой!*»

Коллежским регистратором был и купеческий сынок Бальзаминов у А. Островского, мечтающий не о карьере чиновника, а о богатой невесте.

Вступление на государственную службу с присвоением чина требовало известного образовательного уровня, а в случае отсутствия свидетельства об окончании учебного заведения – экзамена в объеме программы уездного училища.

В рассказе Чехова «Экзамен на чин» старика Фендрикова, прослужившего 21 год на почте, заставляют сдать экзамен на первый классный чин – коллежского регистратора. Несмотря на слабые ответы, чин ему дан, но Фендриков терзается тем, что зря выучил стереометрию, которой в программе вовсе и не оказалось.

Губернский секретарь

Предусмотренные «Табелью о рангах» гражданские чины XIII класса еще к концу XVIII века практически вышли из употребления и, следовательно, после коллежского регистратора был чин XII класса – губернский секретарь, соответствующий армейскому

чину поручика, то есть нынешнему старшему лейтенанту.

Помещица Уланбекова в пьесе Островского «Воспитанница», мечтающая, чтобы сын ее стал военным, сокрушается, что, окончив университет, он получит мелкий гражданский чин: *«Когда он окончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже? В военной службе, особенно в кавалерии, все чины благородны; даже юнкер – уж сейчас видно, что из дворян. А что такое губернский секретарь или титулярный советник? Всякий может быть титулярным советником, и купец, и семинарист, и мещанин, пожалуй. Только стоит поучиться да послужить»*.

Герой повести В.А. Соллогуба «Тарангас» чиновник XII класса в отставке жалуется на Москву: *«...Здесь только что спрашивают, какой у тебя чин. Скажешь: губернский секретарь – никто на тебя и смотреть не хочет»*.

Герой рассказа Чехова «Либерал» губернский секретарь Понимаев пытается внушить себе и другим пренебрежение к своему начальнику, на самом же деле смертельно боится попасть в его немилость.

Отставными губернскими секретарями были Бельтов в повести Герцена «Кто виноват?» и Громов, бывший судебный пристав в рассказе Чехова «Палата № 6».

«Чинишко паршивый», – так отзывается о губернском секретаре священник в одном из рассказов Лескова.

Коллежский секретарь

Чин XI класса (КОРАБЕЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ) быстро вышел из практики, и следующим после губернского секретаря стал чин X класса – коллежского секретаря. В армии ему соответствовал штабс-капитан.

До этого чина дослужился гончаровский Обломов, после чего ушел в отставку. Герой другого романа Гончарова «Обрыв» Райский, не сделавший ни военной, ни гражданской карьеры, остался прописан *«отставным коллежским секретарем»*. Закончить службу в этом чине означало прервать служебную карьеру на полдороге.

Коробочка в «Мертвых душах» именуется коллежской секретаршей – она была вдовой коллежского секретаря.

Аферист Кречинский в «Свадьбе Кречинского» Сухово-Кобылина представляется коллежским секретарем.

Чин этот давался по окончании высших учебных заведений. Напомним, что его присвоили Пушкину, как и большинству других его товарищей, по окончании Лицея. С этого чина он начал служить у Инзова, Раевского, а потом у Воронцова, пока в 1824 году, отправленный в ссылку, не был *«отставлен от службы»*.

Пушкин писал о Воронцове: *«Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думал о себе что-то другое»*.

Герой рассказа Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» вышел из Училища правоведения десятым классом, то есть в чине коллежского секретаря, усердно служил, а умер тайным советником (в очень высоком ранге).

Зато герой рассказа «Помещик» из «Мелочей жизни» Салтыкова-Щедрина *«как вышел из заведения коллежским секретарем, так и теперь коллежский секретарь»*.

Коллежские секретари в рассказах Чехова – люди обычно неудачливые, примитивные. Герой рассказа «Разговор человека с собакой» коллежский секретарь Романсов, пьяный, жалуется собаке на жизнь. Кроме как с собакой, ему и поговорить не с кем.

В рассказе молодого Чехова «Восклицательный знак» коллежский секретарь Перекладин изрекает: *«Да у нас никакого образования не требуется, пиши правильно, вот и все...»*

В более позднем рассказе – «Новая дача» говорится, что дача теперь принадлежит какому-то чиновнику. *«У него на фуражке кокарда, говорит и кашляет он, как очень»*

важный чиновник, хотя состоит только в чине коллежского секретаря, и когда мужики ему кланяются, то он не отвечает ». Такова выразительная характеристика ограниченного и самодовольного служаки.

Титулярный советник

Этот чин IX класса нам более других известен по литературе и искусству. Благодаря популярному роману Даргомыжского на слова Вейнберга, начинающемуся словами: *«Он был титулярный советник, она – генеральская дочь* », чин этот многим кажется совершенно ничтожным, поскольку женитьба на дочери генерала остается несбыточной мечтой героя. Между тем чин титулярного советника вовсе не мал, он равен армейскому капитану. Почему бы генеральской дочери не выйти замуж за молодого, преуспевающего капитана? Суть в том, что не одни лишь чины определяли положение в обществе; герой стихотворения-романса явно был человеком незнатным и неимущим, выслужившимся из разночинцев. Никакой генерал не выдал бы дочь за недворянина или даже за личного, то есть непотомственного дворянина; в этом случае внуки его не наследовали бы дворянство.

Право на потомственное дворянство давал только следующий чин, VIII класса, поэтому-то на пути к нему лежала незримая преграда, преодолеть которую разночинцу-чиновнику было чрезвычайно трудно; дворянство остерегалось чрезмерно пополняться за счет незнатных. Большинство титулярных советников навеки оставались в этом чине, не рассчитывая на большее; их называли «вечными титулярными советниками», а насмешливо – шулярами или титуляшками.

Характерные фигуры «безродных» титулярных советников в русской литературе – гоголевский Башмачкин («Шинель»), Макар Деушкин в «Бедных людях» Достоевского, отставной титулярный советник Мармеладов в «Преступлении и наказании». Все они люди бедные и забытые, к тому же им уже за сорок лет.

Сосланный в Вятку, молодой Герцен стал чиновником; университетский диплом обеспечил ему чин титулярного советника. В «Былом и думах» он описывает, как *«подслеповатый старик* », отставной чиновник, узнав об этом, был глубоко уязвлен – он в том же чине, хотя начал служить еще до рождения Герцена: *«И служи после этого до седых волос* ».

Другое дело – Федор Павлович – отец трех братьев Карамазовых, доживающий свой век отставным титулярным советником. Он – потомственный дворянин, живет в достатке, и чиновная карьера ему ни к чему.

Менее всего озабочен карьерой самый, пожалуй, обаятельный титулярный советник в русской литературе – муж чеховской Попрыгуньи доктор Дымов, служивший сразу в двух больницах, неутомимый и самоотверженный труженик, высокий образец русского интеллигента.

Коллежский ассессор

Этот чин VIII класса ценился очень высоко, и достичь его было нелегко даже дворянину – как правило, требовался университетский или лицейский диплом, либо сдача соответствующего экзамена. *«Между титулярным советником и коллежским ассессором* , – размышляет гончаровский Обломов, – *разверзалась бездна, мостом через которую служил какой-то диплом* ».

Этот чин, вероятно, ценой больших усилий, выхлопотал Фамусов Молчалину, оказав ему тем самым немалое доверие:

Безродного пригрел и ввел в свое семейство,

Дал чин асессора и взял в секретари.

Расхваставшийся коллежский регистратор Хлестаков, принятый за ревизора, говорит почтительно слушающим его уездным чиновникам: «*Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем*». В этой фразе Хлестаков выдает свою желанную мечту: для него коллежский асессор чуть ли не идеал. При этом Хлестаков забывает, что среди знакомых ему чиновников города N лишь смотритель училищ Хлопов рангом ниже этого чина: он титулярный советник.

Особо желанным чин этот был для недворян: до 1845 года он давал право на получение звания потомственного дворянина.

Герой стихотворения Некрасова «Чиновник», выходец из духовного звания,

*Питал в душе далекую надежду
В коллежские асессоры попасть, –
Затем, что был он крови не боярской
И не хотел, чтоб в жизни кто-нибудь
Детей его породой семинарской
Осмелился надменно попрекнуть.*

То есть хотел через чин заслужить потомственное дворянство.

В «Автобиографической заметке» Н.С. Лесков писал: «*По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии, но дворянство наше молодое и незначительное: приобретено моим отцом по чину коллежского асессора*».

Один из женихов в «Женитьбе» Гоголя степенный и расчетливый Яичница – коллежский асессор.

Пушкин в лицейском стихотворении «Товарищам» писал:

*Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора.*

Подмечено точно: если для того, чтобы получить армейский чин капитана, приходилось подчас подставлять под пули грудь, то в асессора многие, действительно, ползли, униженно выслуживаясь.

В эпиграмме Пушкина «На Александра I» говорится:

*Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фронт герою надоел –
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!*

До чего ядовито! Император, первое лицо в государстве, во время войны проявил себя всего лишь капитаном, к тому же трусливым; зато был любитель и знаток «фрунта», то есть строевой подготовки, смотров и парадов, а увлекшись международными делами, показал себя не более чем коллежским асессором!

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин пишет: «*Молодые титулярные советники приезжают сюда (в Грузию – Ю.Ф.) за чином асессорским, толико возжеланным*». Дело в том, что с присоединением к Российской империи Закавказья царское правительство

спешило создать здесь надежный административный аппарат. Надо было привлечь сюда молодых чиновников; с этой целью им гарантировали быстрое продвижение в коллежские ассессоры.

Одним из таких карьеристов был герой гоголевского «Носа» Ковалев, «кавказский коллежский ассессор», как их неофициально называли. Чтобы еще более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя просто коллежским ассессором, но всегда майором. Оба чина были VIII класса, но в царской России, с ее откровенным культом военщины, военный чин всегда имел преимущество перед гражданским.

Надворный советник

Чин VII класса, равный подполковнику. Герой «Женитьбы» Гоголя надворный советник Подколесин провозглашает: *«Да, батюшка, уж как ты там себе не переворачивай, а надворный советник тот же полковник, только разве что мундир без эполет»*. Зазнавшийся чиновник преувеличивает: не полковник, а только подполковник. Неграмотная сваха называет его «придворным советником», так звучит более приятно и солидно.

Начальник отделения в «Записках сумасшедшего» Гоголя – в чине надворного советника, по поводу чего Поприщин кичливо пишет: *«Велика важность надворный советник... Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или из унтер-офицерских детей? Я дворянин. Погоди, приятель! будем и мы полковником... Достатков нет – вот беда»*.

Уездный почтмейстер Шпекин в «Ревизоре» – тоже надворный советник. В этом же чине Лужин – жених Дуни Раскольниковой, холодный и расчетливый делец, который *«служит в двух местах и имеет капитал»* («Преступление и наказание» Достоевского). Антипод и соперник Обломова Штольц *«в службе за надворного советника перевалился»*, тогда как сам Обломов уходит в отставку всего лишь коллежским секретарем.

В «Трех сестрах» Чехова муж Маши Кулыгин представляется подполковнику Вершинину: *«Кулыгин, учитель здешней гимназии. Надворный советник»*. Любопытно, что по рангу Кулыгин равен Вершинину, быть может, он и хочет с самого начала это подчеркнуть, предчувствуя, что Вершинин способен увлечь его жену. Нами же такая деталь, как служебное «равенство» мужа и возлюбленного Маши, вовсе не замечается.

В одном из самых коротких и самых грустно-смешных рассказов Чехова «Обреченности» чиновник Подтыкин, готовясь вкусить порцию аппетитных блинов с соблазнительной закуской, внезапно умирает от апоплексического удара. Подтыкин – надворный советник, он вправе, казалось бы, насладиться жизнью, и вдруг...

Коллежский советник

Чин VI класса, уже весьма значительный, равный армейскому полковнику. Его носил Чичиков, что сыграло немалую роль в теплом приеме и доверии, которое оказало ему губернское общество. Дворянин по рождению, коллежский советник по выслуге, Чичиков имел право приобретать крестьян, хотя помещиком не был.

Не было поместья и у беспринципного карьериста и взяточника Тарелкина («Дело» Сухова-Кобылина), тем не менее, приспособившись к окружению, он достиг чина коллежского советника.

В пьесе Тургенева «Нахлебник» выведен 32-летний коллежский советник Елецкий, петербургский чиновник – *«человек дюжий, не злой, но без сердца»*. Эта бессердечность становится причиной несчастья и унижений его жены и ее отца.

Преуспевающим чиновником, коллежским советником с *«выпуклым брюшком и орденом на шее»* становится некогда прекраснодушный провинциал и наивный идеалист

Александр Адуев в повести Гончарова с характерным названием «Обыкновенная история».

38-летний жених героини романа Тургенева «Накануне» Курнатовский – коллежский советник, имеет орден, тем не менее Елена Стахова отказывается от союза с ним, предпочтя трудную и опасную жизнь во имя высоких идеалов вместе с Инсаровым.

Статский советник

Это уже почти генеральский чин. В военной иерархии ему соответствовал чин бригадира – нечто среднее между полковником и генерал-майором, отмененный в 1797 году. В комедии Фонвизина «Бригадир» Советник говорит Бригадиру: «Мы равны почти во всем. Ты, любезный друг и сват, точно то в военной службе, что я в статской».

Во второй части «Мертвых душ» коллежский советник Чичиков задумывается о женитьбе и о прибавлении к чину: «*Статский советник, например, чин почтенный и уважительный*».

С 1845 по 1856 год чиновник, получивший этот чин, мог претендовать на потомственное дворянство.

Отделившийся от лица Ковалева и заживший самостоятельной жизнью нос в повести Гоголя намного превзошел в чине своего недавнего обладателя: «*Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника*». Ковалев же – на три ранга ниже.

Один из персонажей романа Гончарова «Обрыв» Аянов имеет «*довольно крупный чин и оклад – и никакого дела*», тем не менее он ждет повышения «*из статских в действительные статские*».

В списке действующих лиц комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты» значится Мамаев – «важный барин», о себе же он говорит – «*я статский советник*».

Целая галерея статских советников предстает перед читателем классической русской литературы. Но характерно: этот высокий чин не дает людям счастья, не делает их значительными. Среди них – разбогатевший чиновник Потрохов в пьесе Островского «Трудовой хлеб», выходец из поповичей Гедеоновский в «Дворянском гнезде» Тургенева, судейский чиновник Сорин в «Чайке» Чехова, инженер Бахромин в рассказе Чехова «Открытие». И совсем уж жалким выглядит замученный «дачный муж» Толкачев в чеховской шутке «Трагик поневоле».

Действительный статский советник

Чиновники высших четырех классов, начиная с действительного статского советника – чина IV класса, равного генерал-майору в армии, часто назывались ШТАТСКИМИ или СТАТСКИМИ ГЕНЕРАЛАМИ. Они стояли на особом, привилегированном положении, занимая важные посты в государстве. Иногда их называли САНОВНИКАМИ, хотя официально такого звания не было.

«*Ивины тоже были богаты, и отец их был какой-то штатский генерал*», – читаем в «Детстве» Льва Толстого. Важный человек, которому незадачливый Червяков, чихнув, обрызгал лысину в театре, именуется «*статским генералом*» («Смерть чиновника» Чехова).

Уже первый чин статского генерала с 1856 года давал право на потомственное дворянство. Генералы и приравненные к ним сановники в царской России не могли быть недворянами.

Гневышова – отставного действительного статского советника в комедии Островского «Богатые невесты» – действующие лица за глаза величают генералом.

Циничный и расчетливый Петр Адуев в «Обыкновенной истории» Гончарова к концу романа становится действительным статским советником; его племянник Александр вынужден почтительно называть его «ваше превосходительство».

В этом же чине – Виктор Каренин в драме Л. Толстого «Живой труп».

Талантливый инженер-мостостроитель Крикунов в рассказе Чехова «Пассажир первого класса» справедливо сокрушается, что, несмотря на все заслуги и чин действительного статского советника, никто его не знает и даже не слышал его фамилии, зато на открытии построенного им моста общее внимание обращено на популярную певицу.

Тайный советник

В юмореске Чехова, подписывавшегося еще Антошей Чехонте, некто Правдолюбов выговаривает карикатуристу Упрямову, нарисовавшему проворовавшегося тайного советника: *«Да знаете ли вы, милостисдарь, что тайный советник соответствует в армии генерал-лейтенанту?»* Да, это чины III класса.

Важный сановник, реакционер Сипягин в романе Тургенева «Новь» носит чин тайного советника.

Прожив пустую, никому не нужную жизнь, герой рассказа Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» умирает в высоком чине тайного советника.

Но тайными советниками становились люди и весьма достойные, если состояли на государственной службе. Видный ученый-медик, профессор университета, герой изумительной «Скучной истории» Чехова – тайный советник.

Есть у Чехова рассказ под названием «Тайный советник». В его основе – несоответствие ожидаемого реальному. Дядюшка, важный сановник, которого так жадно и нетерпеливо ждут дети, оказывается жалким, невзрачным старичком.

Известный рассказ Чехова «Толстый и тонкий» повествует о случайной встрече на вокзале двух друзей детства. Тонкий, достигший чина коллежского асессора, узнает, что Толстый уже до тайного дослужился», то есть обогнал его на пять классов. Тут Тонкий мгновенно меняет тон и начинает лебезить и пресмыкаться перед бывшим школьным товарищем. Так табель о рангах уродовала нормальные человеческие отношения.

Действительный тайный советник и канцлер

Это – высшие чины табели о рангах, II и I класса. Действительных советников в России было немного, все наперечет, канцлеров же за всю историю – одиннадцать, причем в каждый исторический период – всего один. Поэтому в художественных произведениях ни те, ни другие не отражены, дабы читатели не искали прототипов. Исключения составляют исторические романы, где высшие сановники выводятся прямо, как реальные личности, под собственными именами.

Действительный тайный советник приравнивался армейскому «полному» генералу (от кавалерии, от инфантерии), а канцлер – генералу-фельдмаршалу.

Слово «канцлер» у классиков встречаем только в обобщенном, переносном смысле. Так, о московских вельможах-старичках Фамусов хвалебно отзывается: *«Прямые канцлеры в отставке – по уму!»* А в рассказе Куприна «Царский писарь» старший писарь Гаврюшка насмешливо говорит экзекутору: *«По вашему гениальному уму, Николай Константинович, вам бы государственным канцлером быть»*.

Чиновники XV класса

В комедии Островского «Тяжелые дни» молодой повеса Досужев представляется купцу Брускову как ГУБЕРНСКИЙ РЕГИСТРАТОР. Брусков, слыхом не слыхавший о таком чине, спрашивает:

«Это что ж такое?» Досужев нагло поясняет: «15-го класса, нас в России только двое». Брусков, не желая показать свое невежество, говорит нахалу: «Ну, садись, гостем будешь».

Мы с вами теперь знаем, что чинов XV класса, как и губернских регистраторов, в табели о рангах не существовало, но большинство современных читателей едва ли понимает юмор ситуации.

Высланный в провинцию студент Марк Волохов (роман Гончарова «Обрыв»), представляясь Райскому, говорит: «Честь имею рекомендоваться: Марк Волохов, 15 класса, состоящий под надзором полиции чиновник, невольный здешнего города гражданин».

Из иронического «15 класса» ясно, что никакого чина ссыльный Волохов не имеет.

Чеховская «табель о рангах»

В 1886 году в журнале «Осколки» появилась составленная молодым Антоном Чеховым юмористическая табель о рангах, где начинающий писатель так распределил своих современников-литераторов (приводим только наиболее известные имена):

- Действительные тайные советники (вакансия)
- Тайные советники: Лев Толстой, Гончаров.
- Действительные статские советники: Салтыков-Щедрин, Григорович.
- Статские советники: Островский, Лесков, Полонский.
- Коллежские советники: Майков, Гаршин, Глеб Успенский, Плещеев.
- Надворные советники: Короленко, Боборыкин, Надсон.
- Коллежские асессоры: Минаев, Вейнберг и другие, ныне забытые литераторы.
- Титулярные советники: Златовратский и др.
- Коллежские секретари: Апухтин, К. Случевский и др.

Среди губернских секретарей и коллежских регистраторов имен, сохранившихся в памяти наших современников, уже не находим. В конце табели указан «не имеющий чина: Окрейц» – сугубо реакционный бездарный литератор, пользовавшийся всеобщим презрением.

Придворные чины и звания

Лиц, носящих особые, придворные чины (или звания), в России было немного, поэтому-то и в литературе они встречаются редко. Остановимся на наиболее частых и памятных.

Звание КАМЕР-ЮНКЕРА нам известно главным образом потому, что Николай I «пожаловал» его Пушкину. Поэт был больно уязвлен этой милостью, понимая, что обязанности камер-юнкера тесно привязывают его ко двору. Кроме того, звание камер-юнкера, низшее в придворной иерархии, обычно присваивалось придворным юношам. Пушкину же было уже 34 с половиной года...

Поэту, ясно ощущавшему свое великое призвание, вообще были безразличны любые чины и звания. Однако из всего этого не следует делать вывод, что звание (до 1804 года – чин) камер-юнкера было мелким и ничтожным. Как раз наоборот.

Достаточно иметь в виду, что в табели о рангах придворное звание камер-юнкера равнялось статскому советнику, то есть чину V класса, который предшествовал генеральскому. Как правило, это звание, пожалованное императором, обеспечивало дворянину быстрое восхождение по служебной лестнице.

Заманчивое звание камер-юнкера окружающие сулят обедневшему князю Мышкину

(«Идиот» Достоевского) и помещику Райскому («Обрыв» Гончарова). 32-летний преуспевающий Калломейцев («Новь» Тургенева) *«служил в Москве в Министерстве двора и имел звание камер-юнкера»*. Высокий начальник Поприщина в «Записках сумасшедшего» Гоголя, отец девушки, в которую влюблен герой, *«хочет непременно видеть Софи или за генералом, или за камер-юнкером, или за военным полковником»*. Это вычитывает бедный чиновник в письме собачки, что вызывает у него возмущение: *«Все, что есть лучшего на свете, все достается камер-юнкерам или генералам»*. Паншину («Дворянское гнездо» Тургенева) *«всего пошел 28-й год, а он был уже камер-юнкером и чин имел весьма изрядный»*.

Узнав, что холостой Чацкий не камер-юнкер и не богат, мать шести незамужних дочерей княгиня Тугоуховская немедленно отказывается звать его к себе на вечер и отзывает обратно посланного к нему мужа (*«Князь, князь! назад!»*).

В начале третьей части первого тома «Войны и мира» мы узнаем, что в 1805 году Пьер Безухов стал камер-юнкером, *«что тогда равнялось чину статского советника»*, и его зачислили в дипломатический корпус.

К концу XIX века звание камер-юнкера все более превращалось просто в почетное звание, своего рода награду.

В «Воскресении» Толстой с безжалостной насмешкой пишет: Селенину *«выхлопотали назначение камер-юнкером, и он должен был ехать в шитом мундире, в белом полотняном фартуке, в карете благодарить разных людей за то, что его произвели в должность лакея»*.

На степень выше был чин, а с 1809 года звание КАМЕРГЕРА. В XVIII веке чин камергера ценился очень высоко. Фамусов о вельможе Кузьме Петровиче отзывается так: *«...Покойник был почтенный камергер, / С ключом и сыну ключ умел доставить... / Что за тузы в Москве живут и умирают!»*

Знаком отличия камергера служил золотой ключ на голубой ленте, прикрепленный к левой фалде мундира.

Важно помнить, что придворное звание не всегда и не обязательно отменяло гражданский или военный чин, оно могло сопутствовать ему. Камергер Сипягин в «Нови» Тургенева представлен одновременно как тайный советник.

С начала XIX века звание камергера уже не связывалось с исполнением определенных обязанностей при дворе. В камергеры в 1811 году произвели толстовского Пьера Безухова. В пятой части второго тома романа мы видим его уже *«отставным, добродушно доживающим свой век в Москве камергером»*.

Звание камергера в «Войне и мире» носит и Андрей Болконский. В «Анне Карениной» этим званием удостоили Стиву Облонского, он специально едет в Петербург благодарить.

В начале XIX века камергер был чином IV класса, то есть соответствовал генерал-майору.

Выше на один класс были чины ШТАЛМЕЙСТЕРА и ЕГЕРМЕЙСТЕРА. Они соответствовали чину генерал-лейтенанта. Оба эти чина носил граф Вронский в «Анне Карениной», оставаясь гвардейским полковником.

Высшими придворными чинами были ОБЕР-КАМЕРГЕР, ОБЕР-ГОФМЕЙСТЕР, ОБЕР-ГОФМАРШАЛ и другие. Все это были чины II класса, придворных чинов I класса не было. В «Войне и мире» Л. Толстой вывел своего дальнего родственника – графа Толстого, состоявшего обер-гофмаршалом при Александре I.

В классической и исторической литературе можно также встретить названия «КАМЕР-ФУРЬЕР» и «ГОФ-ФУРЬЕР». Так, в «Домике в Коломне» Пушкина мы узнаем, что *«при дворе жила»* двоюродная сестра Параша *«Вера Ивановна, супруга гоф-фурьера»*. Однако оба эти чина считались не придворными, а состоящими «при высочайшем дворе». Фурьеры заведовали придворными служителями и стояли гораздо ниже по рангу камер-юнкеров.

Женщины не могли носить чины, но в придворной иерархии для них существовали

звания. ФРЕЙЛИНЫ (с немецкого «барышни») состояли при особах женского пола царствующей фамилии как часть их свиты. В табель о рангах фрейлины не входили, но соответствовали чинам IV класса, то есть генерал-майору.

Роман «Война и мир» начинается с описания вечера у Анны Павловны Шерер, которая была фрейлиной императрицы Марии Федоровны (вдовы Павла I). Престарелая графиня в «Пиковой даме» Пушкина вспоминает о своем назначении во фрейлины. После замужества фрейлины теряли это звание; оставаясь при дворе, иногда производились в более высокое звание СТАТС-ДАМЫ.

Ставшему последовательным противником самодержавия Льву Толстому придворные звания были ненавистны. Об этом говорит и такая мелкая, но характерная деталь в неоконченном романе «Декабристы»: разговор идет о некоем князе Иване, *«который теперь обер-гоф-кафемейстер (он назвал что-то в этом роде) и был министром»*. Никакого обер-гоф-кафемейстера никогда не существовало, выдуманный чин удачно пародирует тяжеловесные немецкие названия придворных чинов, показывая неприязнь Толстого к окружавшей царский трон камарилье.

Неправильное титулование

Мы встретим его на страницах русской литературы нередко. Причины его двояки: желание польстить, угодить собеседнику и просто неосведомленность. Начнем с первого.

Чичиков, стараясь завоевать симпатии местных чиновников, *«вице-губернатору и председателю палаты – они были только статскими советниками – сказал даже ошибочно „ваше превосходительство“*. Иными словами Чичиков «ошибочно» как бы принял их за «штатских генералов», которыми они вовсе не были, и титуловать их следовало «ваше высочордие».

Городничий, принявший Хлестакова за ревизора, «на всякий случай» также титулует его, как генерала, «превосходительством»; Осип, поддерживая выгодный для себя обман, называет своего хозяина «высокоблагородием» – пониже, но тоже завышенно: на самом деле Хлестаков всего-навсего «благородие». Попутно заметим, что, как видно из обращения частного пристава «высокоблагородие», сам городничий – особа VI-VIII класса (майор, подполковник или полковник). Это важно для уразумения «расстановки сил» в комедии, тем более что чин или класс городничего прямо в тексте не указывается.

Андрей Прозоров, член земской управы («Три сестры» Чехова), вскипает, когда сторож говорит ему «Андрей Сергеевич», а не «ваше высокоблагородие». Тогда Феррапонт титулует его «ваше высочордие». Многие думают, что Феррапонт понижает титул, либо путает. На самом же деле сторож, видимо, чтобы избавиться от попреков, повышает титул Прозорова на целую ступень: высочордие выше высокоблагородия.

Впрочем, люди подчиненные, не разбирающиеся в тонкостях титулования, к любому незнакомому барину обращались «ваше благородие», «ваше высокоблагородие» и – чаще всего – «ваше высочордие». Ведь нетрудно было и ошибиться. В рассказе Тургенева «Старые портреты» кучер называет седока «ваше благородие», а тот – тайный советник – выговаривает ему: *«...знай, что я превосходительство, а не благородие»*.

Честолюбивые чиновники невысокого ранга требовали, чтобы их титуловали завышенно. Герой «Крыжовника» Чехова отставной чиновник Чимша-Гималайский, став помещиком, *«очень обижался, когда мужики не называли его ваше высокоблагородие»*, хотя вряд ли выслужил соответствующий чин.

Военный чиновник Самойленко (рассказ Чехова «Дуэль») *«любил, чтобы фельдшера и солдаты называли его „вашим превосходительством“, хотя был только статским советником»*, то есть «высочордием».

Изредка встречаются в русской литературе примеры «завышенного титулования», носящего иронический характер. Так, в «Преступлении и наказании» есть эпизод:

нагловатый парень в красной рубаше, стоящий у мучного лабаза, говорит Раскольникову «*ваше сиятельство* ». Не мог этот парень принять плохо одетого студента за князя или графа, которым был положен этот титул. Тут явное издевательство, современному читателю вряд ли заметное, но подчеркивающее приниженное социальное положение героя романа.

Близки к такому же явлению придуманные, насмешливые титулы. На вопрос, обращенный к Шелавиной («Без вины виноватые»), в каких чинах ее муж, та, смеясь, отвечает: «*Ваше высоко-ничего, вот и весь его чин* ». А голубятники на Трубной площади и Москве в известном рассказе Чехова насмешливо кличут гимназического учителя «*Ваше местоимение* ».

Степени и звания в науке

Тут много сходства с нынешними, но есть и различия, которые могут привести к ложному восприятию. Студент, с отличием окончивший курс, становился КАНДИДАТОМ без какой-либо аспирантуры и защиты диссертации. К степени добавляли название области наук или университета, где кандидат оставался работать: например, кандидат прав и кандидат Московского университета. Неотличившиеся выпускники довольствовались званием действительного студента. Так, в «Отцах и детях» Николай Петрович Кирсанов, так же как и его брат Аркадий, вышел из университета кандидатом. В отличие от них Паншин в «Дворянском гнезде» вышел из университета со званием «действительного студента». Степень кандидата носили герои произведений Л. Толстого Федя Протасов («Живой труп») и Кознышев («Крейцера соната»).

Вторая ученая степень в царской России, а после 1884 года первая – МАГИСТР. Она примерно соответствовала нынешнему кандидату наук. Для получения этой степени следовало защитить магистерскую диссертацию. Магистром является молодой ученый Коврин в рассказе Чехова «Черный монах», он даже получает самостоятельную кафедру.

В 1884 году степени кандидата и действительного студента были упразднены.

Высшей степенью, как и ныне, был ДОКТОР. Герои романа Чернышевского «Что делать?», окончив университет, решили держать экзамен прямо на степень доктора медицины. «*Дали Кирсанову докторство, дали года через полтора кафедру* ».

В «Скучной истории» Чехова выведен «молодой жрец науки», о котором профессор, герой «истории», говорит, что «*в этом году он выдержал экзамен на докторанта и что ему остается теперь только написать диссертацию* ». Профессор размышляет о том, что докторант напишет «*никому не нужную диссертацию, с достоинством выдержит скучный диспут и получит ненужную ему ученую степень* ». ДОКТОРАНТАМИ назывались люди, готовящиеся к защите докторской диссертации.

Из ученых званий для нашего современника непонятно звание ПРИВАТ-ДОЦЕНТА, отмененное после революции. От обычного доцента приват-доцент отличался тем, что был нештатным преподавателем высшей школы.

АКАДЕМИКОМ в старину назывался не только член какой-либо академии – научного учреждения, но и учащийся (или окончивший курс) высшего учебного заведения, носящего название академии, например военной, духовной. В этой связи большинство современных читателей неправильно понимает строки из «Евгения Онегина»:

*Не дай мне Бог сойтись на бале
Иль при разезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!*

Речь идет о немолодых дамах, скрупулезно знающих русскую грамматику, которые здесь уподобляются людям, окончившим духовную семинарию или духовную академию, –

ревнителям устарелых норм русского языка.

В повести Л. Толстого «Фальшивый купон» выведен гимназический законоучитель (преподаватель основ религии) Введенский, который был *«вдовец, академик и человек очень самолюбивый»*. Академиком в современном смысле он, конечно, не был: просто окончил духовную академию.

Коль скоро затронуты термины, связанные с образованием, поясним заодно понятия **КАЗЕННОКОШТНЫЙ** и **СВОЕКОШТНЫЙ** студент. Обучение в высших учебных заведениях было платным, и только небольшое число студентов неимущих (по тогдашнему выражению **НЕДОСТАТОЧНЫХ**) получало право учиться на казенный счет, по-старому кошт. Отсюда оба выражения.

Среднее образование давали **ГИМНАЗИИ** и реальные училища. Если гимназии уделяли главное внимание гуманитарным предметам, то **РЕАЛЬНЫЕ УЧИЛИЩА** (с 1864 по 1872 год – реальные гимназии) отдавали предпочтение естественно-математическим дисциплинам. Ученики их назывались **РЕАЛИСТАМИ**. **ПРОГИМНАЗИЯМИ** именовались неполные гимназии, соответствовавшие четырем классам гимназии.

Чеховская Душечка рассуждала о том, *«что все-таки классическое образование лучше реального, так как из гимназии всюду открыта дорога: хочешь – иди в доктора, хочешь – в инженеры»*.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ АРМИЯ И ГВАРДИЯ

Рекрутская повинность

Всеобщая воинская повинность была введена в России в 1874 году. До того, со времен Петра I, учредившего регулярную армию, военную службу отбывали молодые мужчины крестьянского и мещанского сословий по **РЕКРУТСКОМУ НАБОРУ**. Дворяне до 1762 года обязаны были служить поголовно, затем, до 1874 года, в добровольном порядке. Петр I приобщил к армии и **КАЗАЧЬИ ВОЙСКА**, с которыми до того для участия их в военных кампаниях необходимо было каждый раз договариваться.

Срок военной службы сначала был пожизненным, с 1793 по 1834 год ограничивался 25 годами, потом постепенно снижался, затем по закону о всеобщей воинской повинности, то есть с 1874 года, действительная служба стала длиться шесть лет, а с 1905 по 1908 год три – пять лет.

Военная служба в дореформенное время навсегда или надолго отрывала мужчину от семьи и постоянного места жительства, но навеки освобождала его от крепостной зависимости.

Наборы в армию не всегда производились ежегодно, а объявлялись по мере надобности. Исходя из необходимости в определенном количестве **РЕКРУТОВ**, производилась их разверстка по губерниям, уездам, волостям. Кому конкретно идти в рекруты, определяли городские или сельские общины. При крепостном праве в помещичьих селах кандидатов утверждал сам барин. Жертвами обычно становились молодые люди независимого поведения и сильного характера, так называемые «смутьяны», либо плохие, нерадивые работники, от которых хотели отделаться.

Сельская и городская община вела очередность тех, кому надлежало идти в рекруты – дело было сложное и спорное, иногда решавшееся жеребьевкой. По количеству подрастающих сыновей главы семей назывались **ШЕСТЕРНИКАМИ**, **ПЯТЕРНИКАМИ**, **ЧЕТВЕРНИКАМИ** и т.д. В первую очередь в рекруты назначались молодые люди из семей с большим количеством сыновей. *«Пятерниковая семья ставит второго рекрута, когда все наличные тройники поставили по первому и очередь доходит до двойников»*, – отмечает В.И. Даль. О выборе барыней и сельской сходкой рекрута драматично и обстоятельно

повествуется в рассказе Л. Толстого «Поликушка».

Неудобного дворового барин мог сдать в рекруты вне всякой очереди, за что получал зачетную РЕКРУТСКУЮ КВИТАНЦИЮ, представлявшую немалую ценность; обычно он продавал ее богатому крестьянину, чьему сыну выпадала очередь идти в солдаты. На этих «*фитанциях*», как называли их в народе, иные помещики наживали немалые суммы.

Выделенных парней назначенные общиной люди – ОТДАТЧИКИ – отводили или отвозили в ближайший город, где находилось ВОИНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ. Там они проходили медицинский осмотр, в зависимости от результатов которого председатель присутствия выкрикивал: «лоб» или «затылок». Годным «БРИЛИ ЛБЫ», то есть сбрасывали спереди волосы, негодным – обривали затылок. То была надежная примета, что молодой человек прошел освидетельствование: бритый лоб бросался в глаза, скрыться было невозможно.

Теперь нам понятна строка из «Евгения Онегина», где говорится, что старушка Ларина «*вела расходы, брила лбы*». Это условное выражение означало «*отдавать крестьян в рекруты*». «*Ведь в нынешний набор забреют лоб ему*», – говорится в басне Крылова «Три мужика». «*Еще, Бог даст, затылок*», – утешает толстовский Поликушка выделенного в рекруты Илью, которого везут в присутствие. «*Уж какой мне затылок?*» – резонно замечает совершенно здоровый, крепкий парень.

Попасть в рекруты еще называлось «*угодить под КРАСНУЮ ШАПКУ*». Здесь «красная» означало не цвет, а «красивая, нарядная»: в отличие от гражданского головного убора военный в старину отличался красочностью, яркостью.

Сдача в рекруты, которых иногда называли СДАТОЧНЫМИ, нередко сопровождалась злоупотреблениями. Слесарша Пошлепкина в «Ревизоре» жалуется Хлестакову на городничего: «*...мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не принадлежала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый*». Далее выясняется, что родители тех, кому полагалось «идти в очередь», откупились у городничего крупными взятками.

В «Горячем сердце» Островского купец Курослепов грозит в отместку «*сдать в некруты за общество*», то есть за общину, забравшегося в его двор сына разорившегося купца Васю.

Нередко рекрутов отправляли в воинское присутствие в оковах или колодках, чтобы в дороге не сбежали. Душераздирающую картину проводов деревенских рекрутов нарисовал Радищев в главе «Городня» своего «Путешествия из Петербурга в Москву».

Отношение народа к рекрутским наборам Некрасов охарактеризовал так:

*И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни.*

Термин «РЕКРУТ» (в просторечии – НЕКРУТ) и понятие «РЕКРУТЧИНА» отмерли после 1874 года, когда воинская повинность стала всеобщей.

Гвардия

Гвардией назывались отборные, привилегированные воинские части, образованные Петром I из «потешных войск», вначале из Преображенского и Семеновского полков. Официально эти полки получили звание гвардейских (точнее – лейб-гвардейских) в 1700 году. Гвардейские солдаты отличались силой и ростом. Собакевич, расхваливая Чичикову своего умершего крепостного Степана Пробку, говорит: «*Служи он в гвардии – ему бы Бог знает что дали*». Рост Пробки, если, конечно, верить Собакевичу, составлял 3 аршина, 1 вершок, то есть 217 сантиметров.

ЛЕЙБ-ГВАРДИЯ, то есть дословно «личная охрана», первоначально состояла при

особе императора, затем эта функция у нее отпала и частица «лейб» утратила свое значение, хотя до самого 1917 года подавляющее большинство гвардейских частей официально именовались ЛЕЙБ-ГВАРДЕЙСКИМИ – дань традиции. Таким образом, никакой особой лейб-гвардии, отличавшейся от гвардии, в России не было.

Служить офицером в гвардии считалось особо почетным, но требовало немалых дополнительных расходов престижного характера – на приобретение дорогой амуниции, коней и т. п. Поэтому офицерами в гвардии служили только выходцы из состоятельных дворянских семей. С начала XIX века гвардейский офицерский чин (исключая полковников и генералов) по значимости на два класса превышал армейский: так, гвардейский поручик был равен армейскому капитану. С 1884 года различие составило один чин.

Считая себя военной элитой, офицеры гвардии с высокомерием относились к своим армейским коллегам. Недаром Грушницкий в «Княжне Мери» с обидой говорит о них: *«Эта гордая статъ смотрит на нас, армейцев, как на диких»*.

От гвардейских офицеров требовался особый шик как в служебное, так и неслужебное время. В первой части «Анны Карениной» Толстой описывает разгульную жизнь офицера гвардии графа Вронского, типичную для молодого аристократа.

На всех военных и придворных церемониях гвардии принадлежало первое место, а ШЕФОМ ПОЛКА, то есть почетным командиром старейшего гвардейского полка – Преображенского – формально числился сам император.

Бабушка Райского в «Обрыве» Гончарова мечтает видеть внука в гвардейском мундире. В «Войне и мире» княгиня Друбецкая выхлопотала определение в гвардию своему единственному сыну Борису: потом оказывается, что не на что его обмундировать, и ей приходится выпрашивать деньги.

Быть переведенным из гвардии в армию считалось наказанием. Петрушу Гринева из «Капитанской дочки» Пушкина, записанного гвардии сержантом, крутой отец посылает в армию: *«Пушкай послужит в армии, да потянет ляжку, да понюхает пороха»*. Таким образом Гринев оказывается в затерянной Белогорской крепости, где одноглазый поручик допытывается у него, не переведен ли он в армию *«за неприличные гвардии офицеру проступки»*. Прецедент налицо: за убийство на дуэли в далекий армейский гарнизон переведен из гвардии Швабрин.

В «Горе от ума» Чацкий высмеивает страсть московских дворянских семей к мундиру, в особенности к гвардейскому:

*Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, –
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!*

Скалозуб, не замечая иронии Чацкого, хвалит его за то, что он коснулся *«предубеждения»* (в данном случае это слово означает то же, что предпочтение. – Ю.Ф.) *Москвы / К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам; / Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!* Действительно, гвардейская форма, расшитая золотом, была намного красивей армейской. «ГВАРДИОНЦАМИ» же стали называть военнотружущих лейб-гренадерского, лейб-кирасирского и Павловского полков, отличившихся в кампании 1812 году и причисленных к гвардии в 1813 году, то есть так называемую МОЛОДУЮ ГВАРДИЮ. В отличие от старой гвардии чин «молодой гвардии» до 1884 года превышал армейский на один класс.

Гвардия в основном базировалась в Петербурге и его окрестностях, приезжая в Москву только в особых случаях. Вера («Княгиня Лиговская» Лермонтова) говорит Печорину: *«...нам, бедным москвитянкам, гвардейский мундир истинная диковинка!..»* Гвардейские офицеры были желанными женихами для московских девиц.

Молодой купец Васильков, приехавший в Москву, спрашивает Телятева («Бешеные

деньги» Островского), что нужно, чтобы понравиться Лидии. «Красивый гвардейский мундир, да чин по крайней мере полковника», – отвечает тот.

У армейских офицеров, к которым принадлежал Скалозуб, были свои особые замашки и повадки. Одна из них – говорить высокомерно, с надменной хрипотцой, напоминающей тембр фাগота. Эту особенность в речи Скалозуба едко высмеивает Чацкий: «хрипун, удушенник, фাগот».

Военные чины

С введением Петром I «Табели о рангах» военные, как и гражданские чины, разделялись на соответствующие классы – всего 14. В «табель» никогда не включались так называемые НИЖНИЕ ЧИНЫ – солдатские и УНТЕР-ОФИЦЕРСКИЕ. Однако начнем именно с них.

Солдатские чины составляли:

1. РЯДОВОЙ. В пехоте и кавалерии именовались по роду службы – МУШКЕТЕР, ГРЕНАДЕР, ГУСАР и т. д. В артиллерии – КАНОНИР и БОМБАРДИР, в казачьих войсках – КАЗАК.

2. ЕФРЕЙТОР: в артиллерии – БОМБАРДИР-НАВОДЧИК; в казачьих войсках – ПРИКАЗНЫЙ.

Далее шли унтер-офицеры, то есть младший командный состав:

1. МЛАДШИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР обычно командовал отделением. В артиллерии ему соответствовал ВИЦЕ-ФЕЙЕРВЕРКЕР.

2. СТАРШИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР обычно служил помощником командира взвода или сам командовал взводом. В артиллерии – ФЕЙЕРВЕРКЕР.

Оба чина в казачьих войсках заменял чин УРЯДНИКА. Посылая Денису Давыдову свою «Капитанскую дочку», Пушкин писал о Пугачеве: «*В передовом твоём отряде / Урядник был бы он лихой*».

3. ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Исполнял обязанности помощника командира роты. Как не вспомнить тут грибоедовского Скалозуба, грозящего Репетилову и его приятелям-вольнодумцам:

*...Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит.*

В кавалерии и казачьих войсках этот чин назывался ВАХМИСТР.

4. ПОДПРАПОРЩИК – высший унтер-офицерский чин: в казачьих войсках – ПОДХОРУНЖИЙ. Будучи «нижним чином», подпрапорщик не имел права на титулование. В рассказе Куприна «Свадьба» описывается, как подпрапорщик Слезкин приказал своему вестовому называть себя «ваше благородие»: «*В этом самовозвеличении есть для Слезкина какая-то особая прелесть*».

Недворяне только в редких случаях, за исключительную храбрость или безупречную выслугу (при обязательной грамотности), могли получить офицерский чин, как правило же, выше унтер-офицеров до реформы 1874 года не дослуживались. Отслужившие свой срок унтер-офицеры, в просторечии УНДЕРА, часто нанимались в дворники, сторожа или швейцары. Завести, такого служителя, да еще с «кавалерией», то есть с наградами, было делом чести состоятельной купеческой семьи: «*Купеческий дом, богатый, да нет ундера у ворот – это что ж такое?*» – говорится в комедии Островского «Правда хорошо, а счастье лучше». Такой «ундер» находится – отставной вахмистр, бравый Сила Ерофеич Грознов – один из самых ярких персонажей великого драматурга.

Чеховский отставной унтер Пришибеев, приехавший в село наводить свои порядки, вошел в русскую литературу как страшный символ самодержавно-полицейской власти в России.

В XVIII веке были унтер-офицерские чины СЕРЖАНТ и КАПРАЛ. Гринев в «Капитанской дочке» едет служить в гарнизон в чине «гвардии сержанта». Сержантов простой люд называл «СРАЖАНТАМИ», сближая это слово с глаголом сражаться. В рассказе Тургенева «Часы» говорится об «отставном сражанте», чинящем башмаки.

Ниже сержанта, замененного позднее фельдфебелем или старшим унтер-офицером, был КАПРАЛ, обычно командовавший КАПРАЛЬСТВОМ (отделением). Тарас Скотинин в «Недоросле» Фонвизина «отставлен капралом», то есть очень низким для дворянина чином.

Офицерские чины

Офицеры делились на ОБЕР-ОФИЦЕРОВ (от прапорщика до капитана) и ШТАБ-ОФИЦЕРОВ (от майора до полковника).

Вопрос Чацкого к бывшему своему однополчанину Горичу: «Ты обер или штаб?» – следует понимать так: «Ты обер-офицер или штаб-офицер?» Ведь друзья давно не виделись, и Горич мог за это время дослужиться до штаб-офицерского чина. Герой гоголевского «Носа» Ковалев считал, что «в театральных пьесах можно пропускать все, что относится к обер-офицерам, но на штаб-офицеров никак не должно нападать».

1. ПРАПОРЩИК, носивший на погоне одну звездочку³, был низшим офицерским чином. С 1884 года был отменен и вводился только в военное время. В артиллерии в XVIII веке ему соответствовал ШТЫК-ЮНКЕР. «Степной король Лир» Харлов у Тургенева был отставным штык-юнкером. В прапорщики был произведен герой «Капитанской дочки» юный Гринев, а в «Бэле» Лермонтова – Печорин.

2. ПОДПОРУЧИК носил на погоне две звездочки. С 1884 года к нему приравнивался КОРНЕТ в кавалерии и ХОРУНЖИЙ в казачьих войсках, до того равные прапорщику. Подпоручиком был герой повести Куприна «Поединок» Ромашов. Чин корнета хорошо знаком нам по стихотворению Некрасова «Тройка», ставшему популярной песней:

*На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.*

Владимир Дубровский у Пушкина «воспитывался в кадетском корпусе и был выпущен корнетом в гвардию». Корнетом стал и Николенька Ростов в романе «Война и мир» Толстого. Но здесь надо помнить, что в те времена, то есть в начале XIX века, чин корнета соответствовал не подпоручику, а прапорщику.

Разумеется, подпоручики, корнеты и поручики были самыми молодыми среди офицеров, поэтому с ними в русской литературе связаны всякого рода романтические истории. Дочь Арины Петровны Головлевой Аннушка в «Господах Головлевых» Салтыкова-Щедрина бежала с корнетом и обвенчалась с ним.

3. ПОРУЧИК, в казачьих войсках – СОТНИК. Носил погоны с тремя звездочками. Поручик Пирогов в «Невском проспекте» Гоголя «был очень доволен своим чином, хотя и говорил: «что из того, что я поручик». Вообще же поручиков среди героев русской литературы встречается немало: этот чин носил Вулич – герой «Фаталиста» Лермонтова, как и сам автор, Петенька Головлев у Салтыкова-Щедрина – сын Иудушки, проигравший казенные деньги и застрелившийся, не получив помощи от отца. Гвардии поручиком в отставке был Нехлюдов – герой толстовского «Воскресения», отставным поручиком – Дмитрий Кармазов у Достоевского.

В «Майской ночи» Гоголя содержится рассказ о сотнике, жена которого оказалась

вороном среди русалок. До сотника дослужился шолоховский Григорий Мелехов.

4. ШТАБС-КАПИТАН, в кавалерии – ШТАБ-РОТМИСТР, в казачьих войсках – ПОДЪЕСАУЛ. Погоны с одним просветом и четырьмя звездочками. Чин штабс-капитана носил добрый и простодушный Максим Максимович в «Герое нашего времени» Лермонтова.

Герой поэмы Лермонтова «Тамбовская казначейша» – уланский чфицер Гарин:

*Он был мужчина в тридцать лет;
Штаб-ротмистр, строен, как корнет...*

...

*Он все отцовское именье
Еще корнетом прокутил...*

Известен рассказ Куприна «Штабс-капитан Рыбников» о японском шпионе, действовавшем под личиной русского офицера.

5. КАПИТАН, в кавалерии – РОТМИСТР. Капитан, как правило, командовал ротой или батареей, ротмистр – эскадромом. В казачьих войсках этот чин назывался ЕСАУЛОМ.

Ротмистрами были гусар Минский, увезший Дуню в «Станционном смотрителе», Томский в «Пиковой даме», Зурин в «Капитанской дочке» – все трое персонажи произведений Пушкина. Ротмистром был и Денисов в «Войне и мире» – командир эскадрона, где служил Николенька Ростов.

В «Княжне Мери» Лермонтова выведен драгунский капитан – секунд-майор Грушницкого.

В «Страшной мести» Гоголя есаул Горобец празднует свадьбу своего сына.

6. МАЙОР с 1731 по 1798 год разделялся на две степени: ПРЕМЬЕР-МАЙОР и СЕКУНД-МАЙОР, то есть первый и второй майор. Секунд-майором назван и отец И.П. Белкина – придуманного Пушкиным автора его «Повестей Белкина». Дед Базарова, героя «Отцов и детей» Тургенева, был «секунд-майор какой-то; при Суворове служил и все рассказывал о переходе через Альпы». Отец Петра Гринева («Капитанская дочка» Пушкина) вышел в отставку премьер-майором. К середине XIX века названия этих давно уже отмененных чинов звучали весьма архаично.

В 1884 году чин майора был упразднен, служащие майоры получили чин капитана, который «подтянули» под VIII класс, за которым числили майоров, и чин превратили в обер-офицерский.

В рассказе Чехова «Упразднили!» высмеиваются помещики отставной прапорщик Вывертов и майор Ижица, крайне оскорбленные тем, что их чины внезапно отменили.

Звание майора было возрождено в 1935 году.

У дореволюционных майоров были погоны с двумя просветами и двумя звездочками.

7-8. Чины ПОДПОЛКОВНИКА и ПОЛКОВНИКА в разъяснениях не нуждаются, они соответствуют современным.

9. БРИГАДИР. Этот чин, средний между полковником и генерал-майором, отменили в конце XVIII века, хотя название соединения «бригада» оставалось. В русской классической литературе есть два произведения под названием «Бригадир». Первое – комедия Фонвизина, второе – рассказ Тургенева о старике – отставном бригадире, служившем еще при Екатерине II.

Бригадиром, участвовавшим в Очаковском сражении (1788 год), был и отец пушкинской Татьяны Лариной.

Далее следуют ГЕНЕРАЛЬСКИЕ ЧИНЫ, которых, для отличия от так называемых статских генералов, иногда именовали ВОЕННЫМИ ГЕНЕРАЛАМИ, что на современный слух звучит довольно нелепо.

Первый генеральский чин – ГЕНЕРАЛ-МАЙОР – не нуждается в пояснениях. Второй – ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ – до конца XVIII века назывался ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИК. Отец Гринева в «Капитанской дочке» «читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами, и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!..»

Третий генеральский чин имел варианты в зависимости от рода войск: ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ (пехоты), ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ, ГЕНЕРАЛ ОТ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕР-ГЕНЕРАЛ. Неофициально эти чины именовались «ПОЛНЫМИ ГЕНЕРАЛАМИ». До 1796 года «полный генерал» именовался ГЕНЕРАЛ-АНШЕФОМ. Генерал-аншефом в отставке был в «Войне и мире» старик Болконский – отец Андрея Болконского. Троекуров в «Дубровском» также был отставным генерал-аншефом, Андрей Дубровский – всего лишь отставным поручиком. Таким образом, дистанция в чинах между соседями была огромная, что усугублялось безмерным богатством первого и весьма скромным состоянием второго.

Высшим военным чином был ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ. Этому чина удостаивались немногие. Поэтому в литературе они, как и соответствующие гражданские чины, выступали не как вымышленные персонажи, а только как реальные исторические личности. Незабываемый образ генерал-фельдмаршала Кутузова создал Лев Толстой в романе «Война и мир».

Военные чины (офицерские и генеральские)

Класс Чин Формула титулования

I Генерал-фельдмаршал **Высокопревосходительство**

II До 1796 г. – генерал-аншеф, затем: генерал от инфантерии, генерал от кавалерии, генерал от артиллерии, инженер-генерал **Высокопревосходительство**

III Генерал-лейтенант (до 1798 г. генерал-поручик) **Превосходительство**

IV Генерал-майор **Превосходительство**

V Бригадир (отменен в 1799 г.) **Высокородие**

VI Полковник **Высокоблагородие**

VII Подполковник (в гвардии XIX в. этого чина не было) **Высокоблагородие**

VIII Майор (до 1798 г. премьер-майор и секунд-майор); в казачьих войсках – войсковой старшина **Высокоблагородие**

IX Капитан; в кавалерии – ротмистр; в казачьих войсках – есаул **Благородие**

X Штабс-капитан; в кавалерии – штаб-ротмистр; в казачьих войсках – подъесаул **Благородие**

XI-XII Поручик; в казачьих войсках – сотник **Благородие**

XIII Подпоручик; в кавалерии – корнет; в казачьих войсках – хорунжий **Благородие**

XIV Прапорщик **Благородие**

Примечание . С отменой в 1884 году чина майора нижестоящие чины капитана и штабс-капитана (в казачьих войсках – есаула) повысились на один класс, при этом чин капитана перешел в разряд обер-офицерских. Поручик (сотник) стал чином X класса, а подпоручик (хорунжий) – XII. Тогда же чин войскового старшины в казачьих войсках приравнивали к чину подполковника и был введен новый чин подъесаула. Чин прапорщика вводился только в военное время.

Разновидности войск

Их названия хорошо знакомы нам по литературе и искусству, однако отличительные особенности тех или иных мы себе представляем плохо.

Лучше других известны ГУСАРЫ. Гусарская романтика до сих пор привлекает нас в книгах, фильмах, спектаклях. Из стихов, песен, рассказов, посвященных русским гусарам, можно составить толстую книгу. Что же представляли собой давно исчезнувшие гусары?

Это были кавалеристы, служившие в особых частях легкой конницы – КАВАЛЕРИИ. Славилась они как отчаянные смельчаки, лихие рубаки, верные боевые товарищи и – не в последнюю очередь – как несравненные покорители женских сердец. Вооружены гусары

были саблями, карабинами и пистолетами. Особо их выделяла нарядная, яркая форма, скроенная по венгерскому образцу. Козьма Прутков недаром шутил: *«Если хочешь быть красивым, поступи в гусары»*. Их украшали расшитые шнурами мундиры – ДОЛОМАНЫ, на левое плечо была накинута короткая куртка – МЕНТИК, ноги облегалли узкие рейтузы – ЧАКЧИРЫ (ЧИКЧИРЫ), около колен слева висела сумка – ТАШКА, голову покрывал КИВЕР – высокая цилиндрическая шапка с султаном. Обуты гусары были в короткие сапожки – БОТИКИ. Шнуры на мундире назывались БРАНДЕНБУРЫ.

В шутовском стихотворении «К Галичу» лицеист Пушкин писал о том, как он якобы готовится в гусары:

*Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я – питомец важных Муз –
В числе воюющих корнетов!*

Усы, особо закрученные, составляли важную примету гусара. «Черноусым удальцам» юный Пушкин посвятил «философическую оду» под названием «Усы».

Стремительные налеты на неприятеля требовали быстроты и ловкости, поэтому в гусары не брали особо рослых и тяжеловесных. Рослый гусар – понятие немислимое.

В повести Л. Толстого «Два гусара» показаны представители двух поколений – отец и сын Турбины и различие между ними. О сыне сказано так: «Даже и тени в нем не было тех буйных, страстных и, говоря правду, развратных наклонностей прошлого века».

После гусаров особой популярностью пользовались УЛАНЫ. Первые уланские полки были сформированы в России в 1803 году.

Уланы, как и гусары, были разновидностью легкой кавалерии. Принадлежностью их вооружения служили пики, увенчанные флюгерами – цветными флажками. Помните, в стихотворении Лермонтова «Бородино» стих – *«Уланы с пестрыми значками»*? Эти «значки» и есть флюгера. Уланы были и во французской армии, о них идет речь в стихе, в русской армии флюгера служили для того, чтобы отличать отдельные уланские полки. *«Уланы тронулись, колеблясь флюгерами пик ...»* – читаем в «Войне и мире».

Традиционной формой улан были синие мундиры. А с 1844 года – особые шапки или каски с квадратным верхом – «УЛАНКИ». Однако из «Войны и мира» узнаем, что в 1812 году были и «оранжевые уланы на рыжих лошадях». Речь идет об оранжевой отделке синих уланских мундиров, на самом деле появившейся только в 1820-х годах. Двухцветность уланской формы отражена в стихотворении Лермонтова «Спор»: *«Мчатся пестрые уланы, поднимающая пыль»*.

Герцен в «Былом и думах» вспоминает, как впервые надел на себя мундир и снаряжение уланского юнкера: *«Боже мой, как я казался себе хорош в синем куце мундире с красными выпушками! А этишкеты, а помпон и лядунка»* (ЭТИШКЕТ – шнур от верха «уланки» к воротнику, ПОМПОН – шарообразное украшение на головном уборе, ЛЯДУНКА – патронная сумка).

Погиб юный Ленский, грустит Ольга, но вскоре

Улан умел ее пленить,

Улан любим ее душою...

В это же время за Татьяной неудачно ухаживает гусар Пыхтин.

О пребывании в Тамбове уланского полка повествуется в поэме Лермонтова «Тамбовская казначейша». Уланы носили КОЛЕТЫ – короткие мундиры на крючках. О герое «Тамбовской казначейши» сказано: *«...надев колет, / Летит штаб-ротмистр на обед»*.

Лиза в «Двух гусарах» Толстого желает жениха улана, а не гусара: *«Нет, я не хочу гусара... Они все отчаянные, говорят»*.

ДРАГУНЫ были конниками, предназначенными и для пеших боевых действий. Они выделялись касками с ПЛЮМАЖЕМ из конского волоса («*Драгуны с конскими хвостами*» у Лермонтова). Такой головной убор служил не столько для украшения, сколько защитой от сабельных ударов.

Хотя драгуны относились к кавалерии, чины у них, в отличие от гусаров и уланов, до 1882 года были такими же, как в пехоте. Отсюда «*драгунский капитан*» (а не ротмистр) в «Княжне Мери» Лермонтова.

КИРАСИРЫ, как и драгуны, относились к тяжелой кавалерии, служили главной ударной силой в атаке. Они были одеты в КИРАСЫ – металлические панцири, защищавшие от холодного и огнестрельного оружия. От ударов саблей их страховала металлическая каска с плюмажем. Обуты кирасиры были в высокие сапоги – БОТФОРТЫ. Верхней одеждой служил белый КОЛЕТ.

В кирасиры брали рослых людей, кони под которыми были сильные, тяжелые. В рассказе Тургенева «Лебедянь» фигурирует «*необыкновенно длинный кирасир*».

Командиром лейб-эскадрона кирасирского полка служил в молодости герой повести Л. Толстого «Отец Сергей».

К 1813 году кирасирский полк принадлежал к гвардии. В гвардию входили и два других полка тяжелой кавалерии – кавалергардский и конный. Кстати, в переводе КАВАЛЕРГАРДИЯ – то же, что конная гвардия. И кавалергарды, и конногвардейцы носили черные кирасы и высокие каски.

КАВАЛЕРГАРДЫ выделялись красивой парадной формой белого цвета. Приметы кавалергарда рисует Пушкин в лицейском стихотворении «К Наталье»: «*Не представь кавалергарда / В каске, с длинным палашиом*». Анатолий Курагин, пытавшийся похитить Наташу Ростову («Война и мир»), – «*красавец-кавалергард*».

Вне строя кавалергарды носили более простую форму, тяжелую каску заменяла бескозырка. Кутузов во время Бородинского сражения изображен в «Войне и мире», как и на всех исторических картинах, «*в белой кавалергардской, с красным околышем и без козырька фуражке*», а не в положенной ему по чину шляпе. Это объяснялось старыми ранениями головы.

КОННОГВАРДЕЙЦЫ, как и кавалергарды, составляли привилегированный полк русской гвардии. Шефами его часто были императоры. В «Войне и мире» на смотре войск около Ольмюца молодой Александр I появляется в конногвардейском мундире, вызывая восторг и восхищение юного Николая Ростова... «Пиковая дама» Пушкина начинается со слов: «*Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова*», – что говорит о знатности дома.

Офицерами в обоих полках служили выходцы из аристократии, обладавшие достаточными средствами, чтобы поддерживать достойный лоск и вести широкий образ жизни.

К концу XIX века различия в боевых функциях и снаряжении гусар, уланов, драгун и кирасиров постепенно стирались. С 1882 по 1909 год армейские кавалерийские полки именовались драгунскими. Особые названия и форма одежды оставались только как дань традиции.

Перейдем к пехоте.

МУШКЕТЕРЫ. Это слово мы связываем обычно с героями романа Дюма, однако мушкетерами в XVIII – начале XIX века (до 1811 года) называлась основная часть русских пехотинцев. Правда, вооружены они были не мушкетами, а кремневыми ружьями и ТЕСАКАМИ – коротким холодным оружием с острым клинком. За плечами на ремнях был укреплен ранец. Это было обычной амуницией пехотинца. Графиня-бабушка в «Горе от ума», призывая отдать Чацкого в солдаты, с комичным акцентом восклицает: «*Тесак ему да ранец. / В салтаты! Шутка ли! переменял закон!*»

ГРЕНАДЕРЫ. Первоначально – солдаты, которые забрасывали противника фитильными гранатами – «гранатами», затем мастера штыковых атак. Гренадеры

гвардейского Павловского полка носили высокие конусообразные шапки – ГРЕНАДЕРКИ. В гренадерах служили отборные, рослые солдаты – отсюда «гренадерский рост». Однако иногда, например после кампании 1812-1814 годов, в разряд гренадерских за отличия переводились и обычные пехотные и егерские полки. Таким образом, не всегда гренадеры отличались ростом и особыми физическими данными. Были и конные гренадеры.

ЕГЕРЯ. Егерские полки впервые появились в 1797 году, они сыграли большую роль в Отечественной войне 1812 года как вид легкой пехоты. Проворные и быстрые солдаты, егеря действовали впереди основной массы войск в рассыпном строю, отличались меткой стрельбой и маневренностью. В романе «Война и мир» Андрей Болконский командовал егерским полком, действия которого описаны на страницах третьего тома этого романа. В 1812 году егеря носили темно-зеленую форму с желтыми или синими погонами, кивера. После кампании 1812 года появились конные егеря, вошедшие в легкую кавалерию.

ПИОНЕРЫ. Так до 1830-х годов назывались солдаты военно-инженерных войск.

Формы и знаки различия

До середины прошлого века каждая воинская часть имела свою форму, которая при этом часто менялась в мелочах. Форму и ее изменения утверждали сами императоры, нередко они лично вносили в нее нечто новое; для Николая I это было тем, что мы называем сегодня хобби. Разнообразие в мундирах, головных уборах и других деталях военного костюма было столь велико, что разобраться в них может в наше время только весьма узкий круг историков-специалистов. Мы же, вроде грибоедовской Хлестовой, вправе сказать: *«Не мастерица я полки-то различать»*. Помните, что на это ответил Скалозуб? *«А форменные есть отлички: / В мундирах выпушки, погончики, петлички»*.

Расскажем только о самом существенном, о чем часто упоминается в произведениях классической литературы.

ПОГОНЫ на обоих плечах были введены в русской армии в 1801 году, носили их солдаты и унтер-офицеры; ЭПОЛЕТЫ вместо погон – только для офицеров и генералов – появились в 1807 году. Эполеты отличались от погон формой и отделкой – кругом на внешней стороне и шитьем. У штаб-офицеров и генералов от краев эполетного круга свисала бахрома. В 1854-1856 годах погоны стали носить офицеры и генералы, сохранив эполеты для парадной формы.

Некоторые полагают, что коль скоро в Советской, а затем и в Российской армии были возрождены многие прежние военные чины (ныне звания) и погоны, то и знаки различия на них идентичны старым; но это совсем не так. Иногда в фильмах и спектаклях, показывающих царскую Россию, можно видеть капитана, носящего погоны с одним просветом и четырьмя звездочками, полковника – в погонах с двумя просветами и тремя большими звездами. На самом деле до революции капитаны носили погоны с одним просветом и без звездочек, полковники – погоны с двумя просветами и без звездочек; погоны с двумя просветами и тремя звездочками положены были подполковникам. У полных генералов на погонах звезд не было. Генерал-майор носил на погонах и эполетах не одну, а две звезды, генерал-лейтенант – три.

Еще в начале прошлого века офицеры стали носить ФУРАЖКИ. Какая связь с фуражом, то есть кормом для коней? Первоначально фуражки, или фуражные шапки, носили ФУРАЖИРЫ – военнотруженики, ведавшие заготовкой фуража. Потом они оказались удобными и для других и были введены для всех офицеров. Унтер-офицеры и солдаты носили БЕСКОЗЫРКИ.

В 1869 году на время занятий солдат гимнастикой им стали выдавать легкие полотняные рубахи. Вскоре пришли к выводу, что такие рубахи во время учений, походов и в бою удобнее тяжелых мундиров. Так укоренились ГИМНАСТЕРКИ, поначалу белые.

В 1860-х годах для армейских офицеров вместо темно-зеленых мундиров на крючках в

качестве летней формы ввели белые КИТЕЛИ на пуговицах. В рассказе Чехова «Учитель словесности» описана прогулка на лошадях: «...длинная красивая кавалькада, пестрея белыми офицерскими кителями и черными амазонками, шагом потянулась со двора». А к первой мировой войне вся армия оделась в форму ЗАЩИТНОГО ЦВЕТА – ХАКИ, которая как походная появилась еще в 1907 году.

Реформа 1874 года

Указом от 1874 года рекрутская повинность была заменена всеобщей воинской повинностью независимо от сословия. От несения службы освобождались только духовенство и учителя. По новому закону в армию призывались молодые люди, достигшие 21 года. Правительство каждый год определяло потребное количество новобранцев, составлялась разверстка по губерниям, уездам и т.д. Жеребьевкой отбиралось нужное число, остальные годные к службе зачислялись в ОПОЛЧЕНИЕ (РАТНИКИ), которое призывалось только в военное время. Срок службы составлял 15 лет: 6 лет в строю, 9 в запасе (с призывом на военные сборы). Лица с образованием служили в строю менее 6 лет.

Возникла категория ВОЛЬНООПРЕДЕЛЯЮЩИХСЯ. Так назывались лица с образованием, добровольно (а не по жребию) поступившие на военную службу, за что имели право служить один год, до сдачи экзамена на младшего офицера. Герой повести Чехова «Моя жизнь» Полознев одно время служил вольноопределяющимся. В повести Куприна «Поединок» на занятиях в ротной школе среди неграмотных и малограмотных солдат мы видим вольноопределяющегося Фокина с университетским значком на груди.

Кадеты, юнкера и кантонисты

Эти термины довольно часто встречаются на страницах русской классической литературы, но понятны не каждому. Поэтому есть необходимость их пояснить.

КАДЕТАМИ (от франц. cadet – младший) назывались воспитанники закрытых учебных заведений, дававших подросткам начальную военную подготовку. Преимущество при поступлении предоставлялось детям офицеров. С 1863 по 1882 год КАДЕТСКИЕ КОРПУСА назывались ВОЕННЫМИ ГИМНАЗИЯМИ. В кадетском корпусе учился старец Зосима в «Братьях Карамазовых» Достоевского; туда отдала его мать, хотевшая, чтобы потом он поступил в гвардию. Воспитывался в кадетском корпусе и пушкинский Дубровский, откуда выпущен был корнетом в гвардию, то есть сразу офицером. Однако при Александре III образование в кадетском корпусе (военной гимназии) было признано недостаточным для производства в офицеры: с 1882 года для этого следовало продолжить образование в ЮНКЕРСКОМ УЧИЛИЩЕ.

Для детей аристократов в Петербурге существовал ПАЖЕСКИЙ КОРПУС – привилегированный кадетский. Его воспитанниками первоначально были мальчики, зачисленные в придворные пажи. Корпус этот закончил Павел Петрович Кирсанов в «Отцах и детях» Тургенева. Воспитанники старшего класса пажеского корпуса, допущенные к участию в придворных церемониях, именовались КАМЕР-ПАЖАМИ.

Свое пребывание в кадетском корпусе описал Куприн в повести «На переломе», обучение в пажеском корпусе – П.А. Кропоткин в «Записках революционера».

ЮНКЕРА встречаются в русской литературе в двух родственных значениях. В первой половине XIX века так назывались молодые дворяне, добровольно вступившие на военную службу, не имея специального образования. Они проходили службу, пользуясь многими льготами, в полках в качестве унтер-офицеров, после чего получали первый офицерский чин – прапорщика или корнета.

Юнкерами поначалу были Грушницкий в «Княжне Мери» Лермонтова, который

«носил, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель» (хотя мог бы как юнкер носить тонкую), и Оленин в «Казаках» Л. Толстого.

В 1820-х годах для ускоренной подготовки из дворянских юношей офицеров были созданы ЮНКЕРСКИЕ ШКОЛЫ, воспитанники которых также звались юнкерами. В такой школе учился Лермонтов (полное название – Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров), а из литературных героев – Райский («Обрыв» Гончарова) и герой «Аси» Тургенева Гагин, поступивший оттуда в гвардейский полк. В юнкерскую школу собирался поступить Жорж Печорин в лермонтовской «Княгине Лиговской», но предпочел отправиться сразу в полк.

С юнкерскими школами не следует смешивать ЮНКЕРСКИЕ (с 1910 года – ВОЕННЫЕ) УЧИЛИЩА, открытые в 1864 году, – средние военные заведения, готовившие офицеров. Одно из таких училищ (Александровское в Москве) описал Куприн в автобиографическом романе «Юнкера».

КАНТОНИСТАМИ с 1805 по 1856 год назывались солдатские сыновья, с самого рождения числившиеся за военным ведомством. Они обучались в особой низшей военной школе, откуда выпускались унтер-офицерами, реже – офицерами. Выходцы из кантонистов были близки солдатским массам, зато офицеры-дворяне относились к ним с пренебрежением за происхождение и невысокий уровень образования. Отставной офицер Бодаев в «Лесе» Островского говорит Гурмыжской: *«И вам не стыдно, что ваш племянник, дворянин, пишет, как кантонист»*.

Некоторые забытые слова

АРТИКУЛ в современном языке – обозначение типа изделия. Как же понять строки Некрасова в стихотворении «Орина – мать солдатская»? Больной, замученный службой солдат, вернувшись домой, *«артикул ружьем выкидывал. / Так, что весь домишко вздрагивал...»* В старину артикул (с ударением на последнем слоге) означал ружейный прием.

ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ. Генерал, состоящий в свите императора. В «Воине и мире» Л. Толстого выведен генерал-адъютант Александра I Балашев – персона историческая, *«одно из ближайших лиц к государю»*, как сказано в романе.

ЗАУРЯД. Это слово прибавлялось к названию чина (зауряд-прапорщик, зауряд-сотник и т.д.), дабы указать, что человек исполняет обязанности данного чина, не обладая им.

РЕМОНТ, РЕМОНТЕРЫ. Речь идет не о починке и не о техниках-ремонтниках; в старину ремонтом называлось приобретение лошадей для армии, что поручалось офицерам-ремонтерам. Кстати, ремонтером в 1812 году был юный Грибоедов.

СУБАЛТЕРН-ОФИЦЕРЫ – младшие офицеры, подчиненные командиру роты, эскадрона или батареи.

ПЛАЦ. Прибавка, обозначающая «помощник»: плац-адъютант, плац-майор (помощник коменданта) в первой половине XIX века.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ. Такое звание присваивалось офицерам, состоявшим в императорской свите. Флигель-адъютантом был Вронский в «Анне Карениной», об этом звании мечтает юнкер Оленин – герой «Казаков» Л. Толстого. Будущий Отец Сергей у Льва Толстого прервал свою блистательную карьеру, хотя ему прочили флигель-адъютантство.

ФРУНТ. Устарелый вариант слова «фронт», но это не фронт в современном значении, а строй солдат. Софья в «Горе от ума» говорит о Скалозубе:

*Куда как мил! И весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах...*

Солдаты перед начальником становились «во фронт», то есть навтыжку, по стойке

«смирно».

Куприн в своих произведениях пишет: *«отличные фронтовики были юнкера второй роты»*; об офицере – *«отличный фронтовик и молодчище»*. Между тем никакой войны не было, речь идет о строевых учениях, и сейчас мы применили бы здесь слово «строевик».

Формулы титулования в армии были таким же, как в гражданской службе, соответствуя табели о рангах (см. таблицы на стр. 93 и 121). Но в целом это касалось только нижних чинов, офицеры же обязаны были титуловать только генералов, адмиралов и офицеров – князей и графов (в последнем случае – родовым титулом), к остальным, в том числе старшим, обращаться по чину с добавлением слова «господин». *«Господин штабс-капитан»*, *«господин прапорщик»* – так обращаются друг к другу Печорин и Максим Максимыч («Бэла» Лермонтова) в официальном разговоре.

После февральской революции, отменившей титулование в армии, всеобщее обращение *«господин + название чина»* было введено в обязательном порядке. Не только генерал обращался к прапорщику *«господин прапорщик»*, но и прапорщик к генералу *«господин генерал»*, что до того было делом неслыханным.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Ордена и их знаки

Награждение орденом в царское время было не только поощрением и признанием заслуг, но и важным, даже необходимым условием продвижения по службе и личного преуспеяния. До 1826 года все российские ордена давали право на получение потомственного дворянства, затем эта привилегия ограничилась лишь несколькими высшими орденами.

Всего в дореволюционной России начитывалось восемь названий орденов, но некоторые из них имели три или четыре степени, весьма неравнозначные.

ЗНАКАМИ ОРДЕНОВ служили крест, звезда и орденская лента.

Ордена высшей, то есть первой, степени носились на широкой ленте, надеваемой через плечо, сам же орден в виде креста укреплялся на ленте около бедра. Другой знак того же ордена – ЗВЕЗДА – носился на груди. Таким образом, высшие ордена имели сразу три орденских знака. *«Человек со звездой»*, *«господин в лентах»* – это звучало очень внушительно.

В русской литературе можно часто встретить слово «КАВАЛЕРИЯ» в значении «орденская лента». Городничий в «Ревизоре», мечтая о генеральской карьере, говорит жене: *«А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?»*

Можно было бы ответить вместо Анны Андреевны: *«Конечно, голубую; ведь это лента высшего русского ордена – Андрея Первозванного»*. Однако орден этот выдавался крайне редко, только весьма высокопоставленным особам, а не просто любому генералу.

В просторечии «кавалерия» могла означать и один-единственный наградной знак. Нанявшийся в дворники отставной унтер-офицер Грознов («Правда хорошо, а счастье лучше» Островского) хвастается: *«Я всегда хорошее жалованье получал, я кавалерию имею»*. Речь идет, несомненно, о «солдатском Георгии».

Носители орденов назывались КАВАЛЕРАМИ. При Кутузове («Война и мир» Л. Толстого) *«почетный караул молодцов-гвардейцев, большей частью кавалеров»*. Это значит, что в охране фельдмаршала находились особо отличившиеся воины, удостоенные наград.

Орденский крест высокой степени надевался на узкой ленточке на шею, там, где сейчас располагается узел галстука, крест низшей степени – на груди. Нагрудные знаки на мундире крепились на пуговичных петлицах, позднее – прикалывались, но в обиходе по-прежнему

чаще говорилось «крест в петлице». Нагрудные кресты носили на ленточке. Если орден был дан за военные подвиги, то это обстоятельство отмечалось особой складкой на ленточке – БАНТОМ.

В «Горе от ума» Скалозуб хвалится, что в 1813 году он отличился с братом: «...засели мы в траншею: / Ему дан с бантом, мне на шею ». Эта информация мало что говорит современному читателю и зрителю. Скалозуб получил орден на шею (скорее всего, Владимира 3-й степени), а брат его – такой же орден 4-й степени, носимый на груди, ленточка которого была отмечена бантом. Лишь один орден Святого Георгия не имел банта, потому что его давали только военным.

Погоня за орденами, как и за чинами, была характерной чертой многих дворян и чиновничества. Грибоедовский Фамусов придает орденам огромное значение. Лиза говорит о нем Софье:

*Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами, да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;
Ну разумеется, к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он балы...*

А вот слова самого Фамусова:

*Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..*

Известны убийственные строки Державина:

*Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами,
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.*

Пушкин в стихотворении «Чаадаеву» писал:

*Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде...*

В рассказе Чехова «Толстый и тонкий» у давно не видевшихся друзей детства оказывается разное положение: тонкий имеет Станислава (очевидно, 3-й, низшей, степени), а толстый, дослужившийся до генеральского чина, – две звезды, то есть, вероятно, Станислава и Анны первых степеней. Между приятелями как бы разверзается бездна.

Особенность старых орденов: ими награждали в строгой последовательности, от низшего ордена к высшему, и никогда не давали дважды орден одного названия той же степени. Носить можно было только высшую степень ордена, врученные ранее низшие степени его хранились, но не надевались. Высшая степень ордена как бы указывала на то, что предыдущие степени уже получены. Только ордена с мечами, то есть выданные за военные заслуги, и орден Святого Георгия со второй половины XIX века разрешалось носить всех степеней.

Это общая характеристика орденов. Какое отражение каждый из них приобрел в русской литературе?

ОРДЕН СВЯТОГО ГЕОРГИЯ. Учрежденный в 1769 году, он стоит как бы особняком, так как является единственным русским орденом, которым награждали только за военные заслуги.

Знаком этого ордена был белый (эмалевый) крест. Орденская лента состояла из черных и оранжевых полос – такая же, что позднее была введена для советского ордена Славы и медали «За победу над Германией».

Георгием первых двух, то есть старших, степеней награждали весьма редко и только высших военачальников. В «Войне и мире» есть сцена, в которой Александр I после изгнания Наполеона из России, встретившись с Кутузовым в Вильне, весьма неохотно жалуется фельдмаршала орденом Георгия 1-й степени. В том же романе, на приеме в Английском клубе в Москве генерал Багратион появляется «с русскими и иностранными орденами и с георгиевской звездой на левой стороне груди», то есть с орденом Георгия 2-й степени.

Всего Георгием 1-й степени было награждено за все время существования ордена 25 человек.

В том же романе «Война и мир» на военном совете в Филях Барклай де Толли сидит «с Георгием на шее» – орденом Георгия 3-й степени.

Знаками этого ордена служили: 1-й степени – крест на черно-желтой ленте шириной в 10 сантиметров, перекинутой через правое плечо, и слева, на груди, – четырехконечная золотая звезда с надписью: «За службу и храбрость»; 2-й степени – большой белый крест на шее и четырехконечная звезда; 3-й степени – малый белый крест на шее; 4-й степени – белый крестик на груди, то есть в петлице.

У старого князя-помещика в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

*В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).*

Поручик Трофимов в «Жизни Клима Самгина» дышал «так бурно и часто, что беленький крест на груди его подскакивал». Если на груди, то Георгий 4-й степени, как и у некрасовского князя.

Став офицером, Николай Ростов в «Войне и мире» получил Георгиевский крест 4-й степени. Но до этого, еще будучи юнкером, он получил «ГЕОРГИЕВСКИЙ КРЕСТИК» за пленение французского офицера. Что же это за крестик?

В 1807 году для «нижних чинов», то есть солдат и унтер-офицеров, был введен «знак отличия военного ордена Святого Георгия», представлявший собой серебряный крест – с 1913 года его стали называть официально Георгиевский крест. Такой же «георгиевский солдатский крестик», что и Николай Ростов, гордо носит юнкер Грушницкий в «Княжне Мери» Лермонтова. Награжденные этим крестиком официально не считались кавалерами ордена Святого Георгия, а лишь «числились при ордене». Кавалерами же этого ордена могли быть лишь награжденные не «знаком отличия», а орденом одной из четырех степеней, то есть офицеры и генералы.

В 1856 году знак отличия военного ордена Святого Георгия получил четыре степени: две высшие – золотые, обе низшие – серебряные. Обладателем всех четырех степеней этого знака стал герой шолоховского «Тихого Дона» Григорий Мелехов.

ОРДЕН СВЯТОГО СТАНИСЛАВА. Это был низший российский орден, введенный в 1831 году, до того был только польским. Имел четыре степени; в 1839 году 4-я была упразднена. Знаки 1-й степени – красный крест на красной же ленте с двойной белой каймой, носимой через правое плечо, и звезда на левой стороне груди; 2-й степени – крест на шее; 3-й и 4-й степеней – крест на груди.

Орденом награждались преимущественно чиновники. В рассказе Тургенева «Собака» статскому советнику Антону Степановичу «по выражению его завистников, вlepили Станислашку».

В стихотворении в прозе «Довольный человек» Тургенев размышляет: почему в таком подъеме духа герой? «Уж не возложили ли на его шею твой красивый осьмугольный крест,

о польский король Станислав! » Речь идет об ордене Святого Станислава 2-й степени (на самом деле Станислав, в честь которого назван орден, был не королем, а краковским епископом).

Нелли в «Униженных и оскорбленных» Достоевского замечает у немца-врача «огромный Станислав, качавшийся у него на шее ». Нелли кажется, что этот орден «чрезвычайных размеров ».

Ограниченный, простодушный гимназический учитель Кулыгин в «Трех сестрах» Чехова говорит: *«А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот имею даже Станислава второй степени »*.

Станислав 3-й степени изображен на известной картине П. Федотова «Свежий кавалер». Наутро после попойки, желая похвастаться перед кухаркой, чиновник гордо прикладывает к халату полученный накануне орден. «Свежий кавалер » означает здесь «новоиспеченный носитель ордена».

Чиновники малого ранга очень гордились орденом Станислава 3-й степени как началом своего служебного признания. *«Маска на время карнавала, – писал Герцен, – становится для женщин то, чем был Станислав для стационарного зрителя »*, то есть чем-то очень желанным.

ОРДЕН СВЯТОЙ АННЫ вошел в состав российских орденов в 1797 году, при Павле I. Им награждали за государственную и военную службу, а с 1847 года – *«за беспорочную 12-летнюю службу в одной должности, но не ниже 8-го класса »*, то есть начиная с коллежского асессора и майора (с 1884 года – капитана).

Орден имел с 1797 по 1815 год три степени. Орденом 4-й степени, учрежденной в 1815 году, награждались только военные. В этом случае знак ордена (крест) прикреплялся на эфесе оружия – сабли или шпаги.

Орденская лента была красного цвета с желтой каймой.

Орден 1-й степени – золотой крест с красной эмалью (до 1815 года – красным стеклом) – носился на ленте через левое плечо, другим его знаком служила восьмиконечная звезда на правой стороне груди.

Орден 2-й степени – красный четырехконечный крест с золотой каймой и ажурной орнаментацией между концами – носился на шейной ленте («Анна на шее»).

Орден 3-й степени – красный нагрудный крест на узкой ленте («Анна в петлице»).

После 1855 года к орденскому знаку первых трех степеней для военных добавлялись скрещенные мечи – «Анна с мечами». То же и для ордена Станислава.

С 1829 по 1874 год была еще и «Анна с короною», повышающая ценность ордена первых двух степеней. Разбогатевший нечестным путем купец-откупщик в стихотворении Некрасова «Секрет» под конец жизни хвастает тем, что награжден орденом за благотворительность.

*Я сделался важной персоною,
Пожертвовав тысячу в год:
Имею и Анну с короною,
И звание друга сирот.*

В басне Козьмы Пруткова «Чиновник и курица» повествуется о том, как «чиновник толстенький, не очень молодой » бежал по Невскому и «колыхался на шее у него, / Как маятник, с короной Анна ».

У губернатора в «Мертвых душах» – «Анна на шее и поговаривали, что был представлен к звезде », то есть к Анне 1-й степени.

В «Братьях Карамазовых» Достоевского говорится про прежнего начальника Дмитрия, «храброго полковника, заслуженного, имевшего Анну с мечами на шее », то есть военный знак ордена 2-й степени.

В рассказе Чехова «Анна на шее» обыгрывается название ордена. Вручая Модесту

Алексеевичу орден Анны 2-й степени (на шею) его сиятельство говорит: *«Значит, у вас теперь три Анны... одна в петлице, две на шее»* – намек на жену по имени Анна и на то, что Анну 3-й степени чиновник уже получил. На это Модест Алексеевич отвечает: *«Теперь остается ожидать появления на свет маленького Владимира»*. Тут – прямое выражение надежды на скорое награждение орденом Владимира 4-й степени, который по восходящей следовал за Анной 2-й степени.

ОРДЕН СВЯТОГО ВЛАДИМИРА. Был учрежден в 1782 году с девизом «Полезьа, честь и слава». Им награждались как чиновники, так и военные за ратные заслуги.

Орден имел четыре степени. Цвет орденской ленты – красный, с черной каймой.

1-я степень ордена – красный крест, с черной и золотой каймой – носилась на ленте, перекинутой через правое плечо, вместе с восьмиконечной звездой из золота и серебра, которая укреплялась на левой стороне груди.

2-я степень – красный крест на шее, звезда на левой стороне груди. Знаки этого ордена мы видим у престарелого жениха на картине В.В. Пукирева «Неравный брак».

3-я степень – красный крест меньшего размера на шее.

4-я степень – то же на груди.

Награжденные за военные заслуги носили этот орден с особой складкой на ленте – «бантом».

В эпилоге «Дворянского гнезда» Тургенев не без иронии пишет, что молодой карьерист Паншин *«сильно подвинулся в чинах и метит уже в директоры; ходит несколько согнувшись: должно быть, Владимирский крест, пожалованный ему на шею, оттягивает его вперед»*. Подразумевается орден 3-й степени.

Гоголь писал комедию «Владимир 3-й степени», от которой остались только отрывки. Вещь обещала быть очень интересной: ее герой, мечтая об ордене, сам становится... орденом. Попав в сумасшедший дом, на вопрос об имени и звании он отвечает: Владимир 3-й степени.

Судья Ляпкин-Тяпкин в «Ревизоре» сообщает Хлестакову: *«За три трехлетия представлен к Владимиру 4-й степени с одобрения со стороны начальства»*. Такой крест служил знаком выслуги.

ОРДЕН БЕЛОГО ОРЛА, введенный в России с 1831 года, считался весьма значительным. Степеней он не имел, знаками его были восьмиконечная золотая звезда на левой стороне груди и красный крест с изображением белого орла. Крест носили на синей муаровой ленте у правого бедра, при получении более высокого ордена Александра Невского – на шее; при этом звезда Белого орла с груди не снималась. Награждались этим орденом сановники весьма высокого ранга.

Губернатора в одноименном рассказе Л. Андреева наградили Белым Орлом за усмирение «бунта»: он приказал стрелять в толпу.

В раннем рассказе Чехова «Женское счастье» описан тайный советник, обладатель Белого Орла, который *«начальства над собой не знает»*, но впал в полное подчинение собственной экономки.

Этот орден дал название фантастическому рассказу Лескова «Белый орел».

ОРДЕН СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ – единственный орден царской России, предназначенный с 1714 года для награждения «особ женского пола». Имел две степени. Его знаками были крест большой (1-й степени) или малый (2-й степени) на красной ленте с серебряной каймой (до 1797 года – белой) и нагрудная восьмиконечная звезда с надписью по окружности: «За любовь к Отечеству». На кресте – изображение святой великомученицы Екатерины. Посвящая орден этой святой, Петр I, безусловно, имел в виду и свою жену Екатерину I.

Орден был очень редок, награждали им только аристократок, получавших вместе с орденом титул *«кавалерственная дама»*. В русской литературе его носит *«хозяйка, почтенная дама давних-предавних времен»* в рассказе В.И. Даля «Боярыня».

ОРДЕН СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, учрежденный в 1725 году, жаловался

за боевые заслуги и государственную службу. Его знаками были крест на красной ленте (без каймы) и серебряная восьмиконечная звезда. Такой орден был у Суворова и Кутузова.

Семен Матвейч в рассказе Тургенева «Несчастливая» надеялся *«получить Александровскую ленту – а ему дали табакерку»*. Недовольный правительством, он вышел в отставку.

Преуспевающий сановник, муж Анны Карениной, получает орден Александра Невского. Толстой показывает нам Алексея Александровича в придворном мундире, с красной лентой через плечо. Сын его Сережа спрашивает у гувернера: *«...что больше Александра Невского?»*, тот отвечает: *«Андрей Первозванный»*. Сережа надеется, что когда вырастет большой и получит все ордена, то выдумает выше Андрея.

ОРДЕН СВЯТОГО АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО. Высший орден Российской империи, как военный, так и гражданский. Был учрежден Петром I в 1698 году и выдавался только в редких, исключительных случаях.

Знаками ордена были: синий крест, носимый на голубой ленте через правое плечо, и восьмиконечная серебряная звезда на левой стороне груди с надписью по окружности: *«За веру и верность»*. В праздники звезду носили на золотой цепи. За военные заслуги к ордену добавлялись скрещенные мечи – сверху креста и через середину звезды.

В романе «Война и мир» описано, как Александр I награждает в Тильзите Наполеона, тогда союзника, орденом «Андрея 1-й степени» (тут ошибка – степеней у этого ордена не было), французский император показан *«с андреевской лентой через плечо»*. В повести Л. Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузьмича...» Александр I вспоминает себя в детстве: *«На мне расстегнутый мундир, белый жилетик и по нем голубая андреевская лента»*. Дело в том, что орденом Андрея Первозванного, как и некоторыми другими высшими орденами, награждались члены императорского дома при крещении или совершеннолетию.

Крестьянин Туман в рассказе Тургенева «Малиновая вода» вспоминает, будто бы к его помещику-графу, *«бывало, первые, можно сказать, особы из Петербурга заезжали. В голубых лентах, бывало, за столом сидят и кушают»*. Здесь, конечно, сильное преувеличение – столько кавалеров ордена Андрея Первозванного в гостях у графа быть не могло.

В «Капитанской дочке» Пушкина есть существенная деталь, не замечаемая современным читателем: в сподвижнике Пугачева не было *«ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку»*. Выдавая себя за царя, Пугачев снабдил своего приближенного высокой регалией, которую цари выдавали только знатным вельможам, – знаком ордена Андрея Первозванного.

Иерархия орденов

Разумеется, запоминать все виды и отличия дореволюционных орденов нет никакой надобности. Полезно только усвоить самые общие особенности орденской системы: звезда и лента – выше креста на шее; крестик на шее – выше крестика в петлице, то есть на груди; орден 1-й степени выше ордена 2-й и 3-й степеней.

Существовала строгая последовательность, «иерархия орденов», неизбежно соблюдаемая. Приведем в последовательности ее от младших орденов к старшим:

Анна 4-й степени

Станислав 3-й степени

Анна 3-й степени

Станислав 2-й степени

Анна 2-й степени

Владимир 4-й степени

Владимир 3-й степени

Станислав 1-й степени

Анна 1-й степени
Владимир 2-й степени
Белый Орел
Александр Невский
Владимир 1-й степени
Андрей Первозванный

Ордена Святого Георгия, как особый, и Святой Екатерины, как женский, в эту иерархию не входят.

Разобраться в описанном порядке весьма сложно, однако в прошлом разбирались, и неплохо. В романе Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» автор вспоминает действительного статского советника, который имел только одну «Анну на шее», то есть Анну 2-й степени, вследствие чего ему подавали на званых обедах кушанье после других генералов. Тщетно он волновался и кипятился по этому поводу, даже доказывал, что Анна вторая, *«по-настоящему выше, нежели Станислав второй, – обеденный этикет был неуклоним»*.

Действительный статский советник был прав, однако *«Станиславу 2-й степени в то время была присвоена звезда (но без ленты)... Гнезда, хотя бы и не особенно доброкачественная, считалась неременным условием генеральства; из-за этого слуги его, статского генерала, таковым не считали»*. Вот какие тонкости!

Тщеславие мелких чиновников, одалживающих чужие ордена, дабы возвыситься в глазах присутствующих, отлично высмеял Чехов в рассказе «Орден». Приглашенный на обед к купцу Спичкину учитель Пустяков выпрашивает у своего друга поручика Леденцова его Станислава (3-й степени). За столом Пустяков оказывается напротив своего сослуживца Трамбляна, отлично знающего, что никакого ордена у того нет. Обед испорчен, однако Трамблян тоже скован и сконфужен. Оказывается, у него тоже чужой орден – *«И то был не Станислав, а целая Анна!»* – 3-й степени, то есть (см. перечень орденов) чуть повыше Станислава 3-й степени. Пустяков огорчен одним: *«Знай я такую штуку... я бы Владимира нацепил»*.

Весьма важно помнить, что орденами награждались только представители привилегированных слоев общества – дворяне, чиновники, офицеры, состоятельные купцы. В «Законе о российских орденах» прямо оговаривалось: *«Мещанам и лицам сельского состояния ордена не испрашиваются»*.

Солдат или унтер-офицер, какой бы подвиг он ни совершил, мог рассчитывать только на «георгиевский крестик» или медаль. Постоянных наградных медалей до революции было немного («За усердие», «За храбрость» и другие). Большинство их, в отличие от современных, носили на шее. Вероятно, такую нашейную медаль имел в виду дед Алеши Пешкова («Детство» Горького), выпроваживая внука из дому:

«– Ну, Алексей, ты – не медаль, на шее у меня – не место тебе, а иди-ка ты в люди».

Зато немало выпускалось памятных медалей, которыми награждались участники какого-либо важного события, похода, сражения. Ленский в «Евгении Онегине» вспоминает на могиле отца сестер Лариных:

*Как часто в детстве я играл
Его Очаковской медалью!*

Из чего явствует, что покойный бригадир участвовал в осаде Очакова, занятого турками, в 1788 году.

Существовали также нагрудные знаки за выслугу лет – так называемые ПРЯЖКИ, выдаваемые за долгую безупречную службу. «Он заслуженный человек, за тридцать лет пряжку имеет», – говорится в комедии Островского «Правда хорошо, а счастье лучше». Об Акакии Акакиевиче, герое гоголевской «Шинели», сказано: *«...выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу да нажил геморрой в поясищу»*.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ДВОРЯНЕ И КРЕСТЬЯНЕ

Дворянское сословие

Дворяне – основные персонажи большинства произведений русской классической литературы. Дворянами были и большинство русских писателей-классиков, от Фонвизина до Бунина. Что же такое дворянство?

Так называлось самое привилегированное сословие царской России. Дворяне, как правило, владели землей и до 1861 года жившими на этой земле крестьянами. С эпохи Петра I звание ПОТОМСТВЕННОГО ДВОРЯНИНА можно было получить по достижении определенного чина в военной или гражданской службе, при награждении некоторыми орденами, а также за особые личные заслуги.

Первоначально ДВОРЯНИНОМ именовался человек, служивший при великокняжеском или царском дворе – отсюда и корень слова. С XIV века русские дворяне стали получать от великих князей, а затем царей в уплату за службу землю – ПОМЕСТЬЕ. В 1714 году Петр I закрепил за ними эту землю навеки как наследственную. Тогда же в дворянское сословие влились и феодалы-бояре, владевшие землей по наследству от предков. ВОТЧИНА, то есть земля, принадлежавшая семье издревле, и поместье – земля, пожалованная царем за службу, – слились с тех пор в понятие ИМЕНИЕ. В обоих случаях землевладение обычно именовалось ПОМЕСТЬЕМ, а его владелец – ПОМЕЩИКОМ.

Поместье-имение не надо смешивать с УСАДЬБОЙ: усадьба – не все землевладение, а лишь помещичий дом с примыкающими строениями, двором и садом.

С петровских времен дворянство, уравненное в правах перед законом, по происхождению разделилось на РОДОВОЕ (СТОЛБОВОЕ) и СЛУЖИЛОЕ (НОВОЕ), достигнутое выслугой на государственной службе. СТОЛБОВЫМИ ДВОРЯНАМИ называли себя потомки древних знатных родов, владевших вотчинами, и в XVI-XVII веках записанные в родословные книги – СТОЛБЦЫ, то есть списки в виде склеенных свитков. Столбовые дворяне, даже обедневшие, ощущали свое моральное преимущество перед оттеснявшими их поздними, служилыми дворянами. Пушкин, гордившийся своим 600-летним родом, и стихотворении «Моя родословная» язвительно писал: *«У нас нова рожденьем знатность, / И чем новее, тем знатней»*. А один из персонажей его «Романа в письмах» пишет другу: *«Аристокрация чиновная не заменит аристокрации родовой»*.

Петр I повелел, чтобы дворяне-мужчины в оплату за свои привилегии непременно отбывали государственную службу, причем с самого низшего ранга. Дворяне-юноши зачислялись в рядовые гвардейских полков. При преемниках Петра положение изменилось: дабы избавить детей от тягот солдатской службы, родители сразу же после их рождения стали записывать сыновей в гвардейские полки на должности унтер-офицеров, притом не отправляя их туда служить, а держа при себе до совершеннолетия. Героя же «Капитанской дочки» Пушкина Петра Гринева записали гвардии сержантом еще до появления его на свет. *«Я считался в отпуску до окончания наук»*, – рассказывает Гринев. Речь идет о примитивном домашнем образовании, описанном в этой повести или знакомом нам по комедии Фонвизина «Недоросль». Когда Гриневу стукнуло 16 лет, строгий отец отправляет его служить не в петербургский гвардейский полк, где Петр был записан (на что имел бы полное право), а в глухую провинцию, в армию – *«пускай его потужит»*. Прибыв в Белогорскую крепость, «гвардии сержант» Гринев вскоре производится в офицеры.

Для воспитания подрастающих детей дворянство нанимало не только домашних, но и приходящих учителей, с которыми часто рассчитывалось не за каждый урок, а сразу за несколько; удостоверение за проведенное занятие называлось БИЛЕТОМ, по ним впоследствии выплачивали вознаграждение. Такой способ расчета с приходящими

учителями упоминается в «Горе от ума»: «...*Берем же побродяг, и в дом и по билетам...* »

НЕДОРОСЛЯМИ назывались дворянские сыновья до 15-16 лет, то есть еще не достигшие возраста для несения государственной службы. Это слово служило официальным термином, равнозначным понятию подросток, несовершеннолетний. Поэтому нас не должно удивлять, что в документах, поданных для поступления в Лицей, 12-летний Пушкин назван недорослем. Отрицательную окраску слово приобрело с ростом популярности комедии Фонвизина – постепенно оно стало обозначением глуповатого и избалованного барчука.

В 1762 году император Петр III издал МАНИФЕСТ О ВОЛЬНОСТИ ДВОРЯНСТВА, освобождавший дворян от обязательной государственной службы. Большинство дворян оставило службу и переехало в свои имения, пребывая в праздности и живя на счет своих крепостных.

Пушкин справедливо возмущался этими законами и писал о них: «...*указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливо должны были стыдиться* ».

Обвиненная в тирании, невежественная помещица Простакова в комедии «Недоросль» протестует: «...*да на что ж дан нам указ о вольности дворянства?* » – толкуя его как дарование полной свободы помещикам в обращении с крепостными. На это Стародум насмешливо замечает: «*Мастерица толковать указы!* » После того как Простакову отстраняют от управления имением, Правдин говорит ее сыну Митрофанушке: «*С тобой, дружок, знаю, что делать. Пошел-ко служить* ».

Вторая половина XVIII века – время наивысшего развития российского дворянского класса за счет закрепощенного крестьянства. Ужасы крепостного права в конце этого века с потрясающей силой описал Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». О всевластии поместного дворянства в период крепостного права, полного его произвола в своих имениях вспоминает Оболт-Оболдуев в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

*Ни в ком противоречия,
Кого хочу – помилую,
Кого хочу – казню.
Закон – мое желание!
Кулак – моя полиция!*

Непокорных крестьян помещик имел право сослать в Сибирь, чаще же всего при очередном рекрутском наборе сдавал в солдаты.

Однако дворянство – понятие неоднозначное. Будучи самым привилегированным сословием, оно было и самым образованным. Из дворянского сословия вышли многие прогрессивные люди России – полководцы и общественные деятели, писатели и ученые, художники и музыканты. Дворянами были и многие борцы против самодержавия и крепостного права.

Титулованные дворяне

ТИТУЛОМ называлось почетное родовое или же «пожалованное» государем звание. Древнейшим дворянским титулом на Руси был КНЯЗЬ. Князьями назывались многие древние феодалы – крупные землевладельцы, титул этот переходил по наследству. С начала XVIII века титул князя стал присваиваться императором за личные заслуги. Высшим, но достаточно редким титулом был СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ. Первым светлейшим князем был сподвижник Петра I А. Д. Меншиков. Среди героев русской литературы светлейшие князья выведены только как реально существовавшие исторические лица. Это Потемкин в «Ночи перед Рождеством» Гоголя и Кутузов в «Воине и мире» Л. Толстого. «Ваша светлость» – так полагалось обращаться к светлейшим князьям.

Жена князя называлась КНЯГИНЕЙ, дочь – КНЯЖНОЙ, сын князя – тоже КНЯЗЕМ, хотя в древности молодые сыновья князя именовались КНЯЖИЧАМИ. К XIX веку многие княжеские семьи обеднели – вспомним героя романа Достоевского «Идиот» князя Мышкина, вынужденного искать в Петербурге место простого писца.

Третьим дворянским титулом был ГРАФ. Заимствованный на Западе, он был введен в России Петром I в 1706 году. Первым русским графом стал полководец Б. П. Шереметев. Жена и дочь графа именовались ГРАФИНЯМИ, сын – тоже ГРАФОМ. Юную Наташу Ростову в «Войне и мире» Л. Толстой называет «графинечкой», но это сугубо неофициальное слово.

Князей и графов титуловали «СИЯТЕЛЬСТВАМИ».

Низшим дворянским титулом в России был БАРОН (для женщины – БАРОНЕССА), введенный тоже Петром I первоначально для высшего дворянства в Прибалтике. Поэтому после титула «барон» или «баронесса» мы привыкли слышать немецкую фамилию; среди литературных героев не случайны баронесса Штраль («Маскарад» Лермонтова), барон фон Клоц – тесть грибоедовского Репетилова, барон Муффель в «Рудине» Тургенева, барон Тузенбах в «Трех сестрах» Чехова.

У баронов формулы титулования не было, обращались к ним просто словами «господин барон».

К концу XVIII века, особенно при Павле I, в России стали появляться русские бароны – Строгановы, Скарятинны, Черкасовы и другие.

В романе Л. Толстого «Воскресение» происходит следующий разговор:

«– Вы знаете, отчего барон – Воробьев? – сказал адвокат, отвечая на несколько комическую интонацию, с которой Нехлюдов произнес этот иностранный титул в соединении с такой русской фамилией. – Это Павел за что-то награбил его дедушку, – кажется, камер-лакея, – этим титулом. Чем-то очень угодил ему. Сделать его бароном, моему нраву не препятствуй. Так и пошел: барон Воробьев. И очень гордится этим. А большой прохода».

Дворянские титулы от мужей передавались женам. Но если женщина, урожденная княжна или графиня, выходила замуж за не князя и не графа, то утрачивала свой родовой титул. Или же приобретала титул мужа. В рассказе Чехова «Княгиня» героиня говорит архимандриту: *«Вы знаете, я замуж вышла... из графини стала княгиней»*. Могло быть и наоборот. Но если у мужа титула не было, то и жена становилась нетитулованной. Анна Каренина, урожденная княжна Облонская, выйдя замуж за нетитулованного Каренина, перестала быть княжной. К новой фамилии ей дозволялось добавлять в документах *«урожденная княжна Облонская»*, то же писать на визитной карточке, но не более. «Ее сиятельством» Анну Каренину уже не титуловали.

Не земля, а души

До отмены крепостного права в 1861 году достаток помещика определялся не размерами земли, которой он владел, а числом крестьянских душ, ему принадлежавших. Количество земли считалось не столь существенным без работников, способных ее обработать, она не представляла собой столь высокой ценности.

Помещики разделялись на МЕЛКОПОМЕСТНЫХ (владевших душами числом до ста), СРЕДНЕПОМЕСТНЫХ, число душ которых исчислялось сотнями, и КРУПНЫХ (около тысячи и более душ). Итак, мерилom богатства была не величина поместья, а количество крепостных! В одном из рассказов Тургенева прямо говорится: *«В то время цены именьям, как известно, определялись по душам»*.

Здесь надо иметь в виду, что счет велся по так называемым РЕВИЗСКИМ ДУШАМ, которыми считались одни мужчины. Реальное же количество «душ» было намного больше, если включать женщин и детей.

Вспомним, как Фамусов определял ценность жениха для Софьи:

*Будь плохинький, да если наберется
Душ тысячки две родовых –
Тот и жених...*

Здесь «плохинький» – неказистый, невзрачный, «РОДОВЫЕ» – наследственные крепостные крестьяне. А в третьем действии Фамусов ожесточенно спорит с Хлестовой, триста или четыреста душ у Чацкого.

Количество крепостных душ у помещиков было самым различным, что видно и по литературе. Гоголевский Иван Федорович Шпонька владел 18-24 душами, однако поместье его процветало. У обедневшего Андрея Дубровского – 70 душ, у гоголевской Коробочки – 80, зато у скряги Плюшкина – 1000! У Арбенина в «Маскараде» Лермонтова – 3000 душ, столько же у Константина Левина в «Анне Карениной». У Арины Петровны («Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина) – 4000! Дед Езерского («Родословная моего героя» Пушкина) «имел двенадцать тысяч душ». А сам он (Езерский) «жалованьем жил / И регистратором служил» – таков резкий упадок дворянской семьи за каких-нибудь два поколения.

У дворян-непомещиков душ было совсем немного. Чичиков, решивший скупить 400 мертвых душ, владел всего двумя живыми – лакеем Петрушкой и кучером Селифаном. У капитана Миронова в «Капитанской дочке» «всего-то душ одна девка Палашка». У тетки Одинцовой («Отцы и дети» Тургенева) – единственный крепостной человек, угрюмый лакей «в изношенной гороховой ливрее с голубым позументом и в треуголке».

Помещичьи крестьяне

По способу отработки крепостной повинности помещичьи крестьяне делились на БАРЩИННЫХ, ОБРОЧНЫХ и ДВОРОВЫХ.

Отбывая БАРЩИНУ, крестьянин собственными орудиями обрабатывал помещичью землю, разумеется, бесплатно; по закону – три дня в неделю, хотя иные помещики продлевали барщину до шести дней.

Находясь на оброке, крестьянин занимался различными промыслами, торговлей, ремеслом, извозом или нанимался на мануфактуру; часть заработка – ОБРОК – он выплачивал помещику.

Барщина была более выгодна помещикам, владевшим плодородными землями, оброк предпочитался на малопродуктивных, то есть в нечерноземных губерниях. В рассказе Тургенева «Хорь и Калиныч» говорится: «Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело...» и т.д. Разница обусловлена тем, что Орловская губерния – черноземная, Калужская – нечерноземная.

Вообще оброк, позволяющий свободно распоряжаться своим временем, был для крестьянина легче, нежели изнурительная барщина.

Когда Евгений Онегин вступил во владение дядиным имением, то

*...Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.*

Оброчные крестьяне отпускались за пределы имения только по специальному документу – ПАСПОРТУ, выписанному помещиком.

Объем работ на барщине или сумма денег по оброку определялись по ТЯГЛАМ; тяглом называлось крестьянское хозяйство (семья), имеющая упряжку, а также норма отработки с такой единицы.

Герасим в «Муму» Тургенева, еще будучи в деревне, *«считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком»*.

Помимо ТЯГЛОВЫХ КРЕСТЬЯН, существовали БЕСТЯГОЛЬНЫЕ – престарелые и больные, используемые по мере необходимости на различных посильных работах. В комедии Тургенева «Нахлебник» говорится о бестягольных, которых собрали в имение Елецких чистить дорожки.

ДВОРОВЫМИ назывались крепостные крестьяне, оторванные от земли и обслуживавшие барский дом и двор. Жили они обычно в людских или ДВОРОВЫХ ИЗБАХ, расположенных возле господского дома. ЛЮДСКОЙ называлось помещение для дворовых в господском доме.

Кормились дворовые люди в людской, за общим столом, либо получали жалованье в виде МЕСЯЧИНЫ – ежемесячного продовольственного пайка, который иногда назывался ОТВЕСНЫМ («отвесное»), так как отпускался на вес, и небольшой суммы денег – «на башмаки».

К хозяевам приезжали гости, прислуга была на виду; поэтому дворовые одевались лучше, чем барщинные, носили форменную одежду, часто донашивали барское платье. Мужчин заставляли брить бороду.

«ЧЕЛОВЕК», «ЛЮДИ» – так бары называли дворовых, вообще всякую прислугу, и в таком значении прекрасные эти слова приобретали уничижительный оттенок. *«У нас это и люди не станут есть»*, – говорит молодой Адуев в «Обыкновенной истории» Гончарова о несвежей груше, увиденной в Петербурге, и эта фраза весьма красноречива.

Хотя дворовые были теми же крепостными крестьянами, но так не назывались. В литературе XIX века постоянно читаем: крестьяне и дворовые, дворовые и мужики. В «Дубровском» Пушкина о Троекурове сказано: *«С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно»*.

С. Т. Аксаков писал, что деревенские помещики *«по большей части весьма близки к своей прислуге и нравами и образованием»*. Герцен язвительно отмечал: *«Разница между дворянами и дворовыми так же мала, как между их названиями»*. Вместе с тем Герцен подчеркивал, что дворовые остро чувствовали свою личную неволю. В самом деле: они постоянно были на глазах господ, которые помыкали ими, как хотели.

Штат дворовых

Во главе дворовых стоял ДВОРЕЦКИЙ. Обычно это был солидный пожилой человек, обязанный следить за порядком в доме, за подачей блюд при обеде. Иногда его называли по-французски «МАЖОРДОМ», в переводе – старший в доме. В «Муму» Тургенева выведен Гаврила – главный дворецкий барыни.

Минуя общепонятные и ныне названия дворовых, вроде кучера, буфетчика, горничной, кормилицы и т.п., разьясним понятия, давно вышедшие из употребления.

В штат дворовых входили КАМЕРДИНЕРЫ – комнатные слуги, в просторечии комардины, камельдины и т.п. Приближенные к молодым господам камердинеры были прилично одеты, отличались самостоятельностью поведения, а иногда и развязностью, стремлением подражать барам. Не случайно Алексей Берестов при встрече с Лизой («Барышня-крестьянка» Пушкина) выдает себя, хотя и неудачно, за собственного камердинера.

СТРЕМЯННЫМИ назывались слуги на конях, сопровождавшие бар во время их поездок верхом, в том числе на охоте. Берестов-старший в «Барышне-крестьянке» выезжает охотиться за зайцем со стремянным. *«Лошадь старого графа... вел графский стремянной»*

», – читаем в «Войне и мире» Л. Толстого. Савельич в «Капитанской дочке» был пожалован в ДЯДЬКИ (то есть в воспитатели), до того был стремянным. Слуга Обломова Захар первоначально был его дядькой.

КАЗАЧКАМИ назывались мальчики-слуги в усадьбе, одетые в казачий костюмчик. Казачки обычно докладывали хозяевам о приезде гостей, бегали с различными поручениями, разносили угощения. В поэме И.С. Тургенева «Помещик» читаем:

Изюм, конфекты, крендельки

На блюдах носят казачки...

ФОРЕЙТОРАМИ (в просторечии ФАЛЕТОРАМИ) назывались кучера-подростки, реже взрослые люди худощавого сложения, сидевшие верхом на одной из передних лошадей запряжки.

У небогатых или скупых помещиков должности подчас объединялись: у Татьяны Борисовны в «Записках охотника» Тургенева «*должность камердинера, дворецкого и буфетчика занимает семидесятилетний слуга Поликарп*».

У богатых дворян и в городах служили ЛИВРЕЙНЫЕ ЛАКЕИ, то есть слуги, одетые в особую форменную одежду с шитьем и галунами. При выездах бар сопровождали рослые ВЫЕЗДНЫЕ ЛАКЕИ – ГАЙДУКИ, стоявшие на запятках кареты.

В «Арапе Петра Великого» и «Пиковой даме» Пушкина мы наталкиваемся на странный термин «БАРСКАЯ БАРЫНЯ». Так называлась КЛЮЧНИЦА, то есть экономка, ведавшая хозяйством в богатых дворянских домах.

Повариха, готовившая для бар, называлась БЕЛОЙ КУХАРКОЙ, для дворни – ЧЕРНОЙ КУХАРКОЙ.

При барах служили СЕННЫЕ ДЕВУШКИ (не от слова «сено», а от слова «сени») – горничные, в ожидании поручений обычно находившиеся в сенях. В обиходе их грубо называли ДЕВКАМИ.

К дворовым слугам не следует причислять КОМПАЬОНОК, незакрепощенных женщин, которых нанимали в барские дома для компании, то есть развлечений (например, игры в карты) барынь и сопровождения в прогулках молодых барышень.

Примерно те же роли, но в более приниженном положении исполняли ПРИЖИВАЛКИ, часто – обедневшие дворянки. Мужчины, живущие на хлебах у барина, именовались за глаза НАХЛЕБНИКАМИ. Трагическую фигуру такого человека изобразил в комедии «Нахлебник» Тургенев.

Богатые бары обзаводились «для забавы» дорого ценившимися людьми черной расы – АРАПАМИ. Загорецкий «*двоих арапченков на ярмарке достал*», говорит Хлестова, приехавшая в гости к Фамусову с «арапкой-девкой».

Управление имением

При крепостном праве для этой цели помещик назначал ПРИКАЗЧИКА или БУРМИСТРА либо поручал хозяйство СТАРОСТЕ, который выбирался крестьянской общиной или же назначался помещиком. Помощник старосты, отряжавший крестьян на различные работы, именовался ВЫБОРНЫМ, так как его выбирали. Все это были люди крепостные, подневольные.

Нередко для ведения помещичьего хозяйства нанимался УПРАВИТЕЛЬ (или УПРАВЛЯЮЩИЙ, что одно и то же) из свободных людей, более или менее грамотный и опытный. На должность эту часто брали немцев, плохо знавших русский язык и русский народ, но кое-как разбиравшихся в сельском хозяйстве. Фигуры немцев-управляющих в русской литературе многочисленны, наиболее выразителен образ Фогеля в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Несколькими имениями одного и того же помещика ведали управляющие, их возглавлял ГЛАВНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Или же отдельными имениями руководили приказчики, которые подчинялись управляющему. Термины управителей

варьировались. Между управителями и приказчиками смысловой разницы – у Толстого и Тургенева один и тот же человек называется то так, то так.

Крупными имениями управляли нанятые помещиками отставные военные. У князя Верейского («Дубровский»), который долгое время находился в чужих краях, всем имением управлял отставной майор. А у князя Юрлова (поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») в вотчине

*...главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой...*

В рассказе Тургенева «Бурмистр» показан бурмистр Софрон – хитрый и угодливый мужик, разоряющий крестьян и прибирающий к рукам помещичьи земли. «Собака, а не человек», – говорят о нем окрестные мужики.

С падением крепостного права слово «бурмистр» быстро вышло из употребления, но управляющие и приказчики, работавшие по найму, продолжали делать свое дело. Вспомним наглого и изворотливого Боркина в пьесе Чехова «Иванов».

Почти во всех произведениях управляющие изображаются явно отрицательно, как безжалостные притеснители крестьян и воры, обкрадывающие и самого помещика. У помещиков, живших постоянно в городе, за границей или в другом своем имении, управляющие чувствовали себя неограниченными хозяевами крестьян и земли.

*Помещик – лиходей, а если управитель,
То верно – живодер, отчаянный грабитель, –*

писал Некрасов.

«И вдруг мне говорят, что я все прожила, что у нас ничего нет. Это ужасно! – говорит помещица Прежнева в пьесе Островского «Не сошлись характерами!». – *Вероятно, всему виною там эти управляющие да бурмистры».*

При старосте, чаще неграмотном, в помощниках обычно состоял ЗЕМСКИЙ в роли писаря. В «Истории села Горюхина» Пушкина читаем: «...староста объявил, что от барина получена грамота, и приказал земскому прочесть ее во услышание мира». Земского писаря не следует путать с земским исправником или с земским начальником, о которых мы рассказывали главе – «Земли и власти».

При крупных помещичьих хозяйствах имелся особый аппарат – КОНТОРА. Такого рода бюрократическое заведение с целым штатом конторщиков, составляющих нелепые приказы, высмеял Тургенев в рассказе «Контора».

Охота

Любимым развлечением помещиков была охота. Богатые помещики имели целые охотничьи хозяйства с обширным штатом прислуги. Псаря ухаживали за охотничьими собаками: СТАРШИЙ ПСАРЬ, ведавший обучением БОРЗЫХ собак и распоряжавшийся собаками во время охоты, назывался ДОЕЗЖАЧИЙ. Всей псовой охотой ведал ЛОВЧИЙ. ВЫЖЛЯТНИК (от «выжлец» – гончий кобель, «выжлица» – гончая сука) ведал гончими собаками, БОРЗОВЩИК, или БОРЗЯТНИК, – борзыми.

Своего рода форменной одеждой псарей были красные кафтаны с галунами.

Как велась охота? ЕГЕРЯ-ЗАГОНЩИКИ заставляли гончих собак выследить зверя, те с громким лаем выгоняли его из леса; там на зверя спускали борзых, отличающихся особо быстрым бегом. Охотники скакали за ним верхом вслед, пока борзые не настигали зверя.

Гончих натравливали на КРАСНОГО (то есть крупного) зверя особым криком –

ПОРСКАНЬЕМ («о-го-го») или УЛЮЛЮКАНЬЕМ («у-лю-лю»):

*Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают и травят без счету.*
(Н. Некрасов. Псовая охота).

Зайцев травили криками «ату», «ату его» – АТУКАЛИ.

Охота на зайцев обычно велась на «ОТЪЕЗЖИХ ПОЛЯХ» – выражение в наши дни непонятное. «Сосед мой поспешает / В отъезжие поля с охотой своей» – известные пушкинские строки. Так назывались поля, отдаленные от усадьбы, куда приходилось специально ездить для охоты.

Выезд помещика на псовую охоту колоритно описан в первых строках поэмы Пушкина «Граф Нулин»:

*Пора, пора! рога трубят;
Псаря в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.*

Сейчас мы говорим о своре как о стае собак, по-охотничьи же СВОРА – поводок, на котором водят пару или нескольких борзых. Состояние Андрея Гавриловича Дубровского, «горячего охотника», определялось тем, что он держал *«только двух гончих и одну свору борзых»*; здесь свора – не целая стая, как подумает современный читатель, а пара или от силы две пары собак. Таким образом, Дубровский владел не более чем шестью охотничьими собаками, тогда как у Троекурова их было *«более пятисот»*.

Сходное значение со словом «свора» имело слово «СМЫЧОК» – веревка, которой связывали пару гончих собак при отправлении на охоту. «У меня, сударь... было двенадцать смычков гончих», – вспоминает обедневший помещик Каратаев в «Записках охотника» Тургенева, то есть двадцать четыре гончие.

Картину барской охоты красочно описывает помещик Оболт-Оболдуев в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Подобного же рода сцены представлены и в стихотворении Некрасова «Псовая охота», в рассказе Тургенева «Чертопханов и Недопюскин». Самое полное и яркое в русской литературе описание псовой охоты дано у Л. Толстого в «Войне и мире» (Т.2. Ч. 4-я. Гл. III-IV), где подробно и увлекательно рассказано об охоте, устроенной в имении Ростовых Отрадном.

Одноворцы и вольные хлебопашцы

ОДНОДВОРЦАМИ при крепостном праве назывались выходцы из военно-служилых людей невысокого ранга, наделенные в награду за службу не поместьем, а небольшим участком земли, обычно в один двор, без крепостных. Лично они были свободными, имели даже право приобретать крестьян, но наравне с крепостными платили налог – ПОДУШНУЮ ПОДАТЬ. Землю свою чаще всего обрабатывали сами. «Говоря вообще, у нас до сих пор одноворца трудно отличить от мужика», – пишет Тургенев в рассказе «Одноворец Овсяников», – *«хозяйство у него едва ли не хуже мужицкого, телята не выходят из гречихи, лошади чуть живы, упряжь веревочная»*. Описанный в рассказе Овсяников *«был исключением из общего правила, хоть и не слыл за богача»*.

Отец героя другого рассказа Тургенева – Недопюскина *«вышел из одноворцев и только сорокалетней службой добился дворянства»*.

Свободными от крепостной зависимости, так же как одноворцы, были и мелкие землевладельцы – ВОЛЬНЫЕ, или СВОБОДНЫЕ, ХЛЕБОПАШЦЫ. По указу от 1803 года крепостной крестьянин мог выкупиться на волю и приобрести небольшой участок земли. Изредка, в виде особой милости, отпускал его, наделив землей, и сам помещик.

В «Истории села Горюхина» Пушкина река Сивка отделяет помещицье Горюхино от владений Карачевских, вольных хлебопашцев – *«соседей беспокойных, известных буйною*

жестокостью нравов». В «Войне и мире» Толстого у Андрея Болконского «одно имение его в триста душ крестьян было перечислено и вольные хлебопашцы (это был один из первых примеров в России)».

Вольные хлебопашцы при крепостном праве не избавлялись от рекрутской повинности. В стихотворении Некрасова «Забытая деревня» крепостную девушку Наташу полюбил вольный хлебопашец, но главный управитель препятствует женитьбе, ждут барина. Между тем «хлебопашец вольный угодил в солдаты. / И сама Наташа свадьбой уж не бредит...» Еще одна трагедия эпохи крепостного права...

Крепостной крестьянин, отпущенный помещиком на свободу, назывался **ВОЛЬНООТПУЩЕННИК**. В рассказе Тургенева «Льгов» выведен охотник Владимир, бывший барский камердинер, отпущенный баринком на волю. Жил он «без гроша наличного, без постоянного занятия, питался только что не манной небесной».

Главный герой другого рассказа Тургенева «Малиновая вода» – Туман, «вольноотпущенный человек графа».

С отменой крепостного права понятия «однодворец» и «вольный хлебопашец», как и «вольноотпущенник», навсегда ушли в прошлое.

Опека и залог

В ряде случаев правительство могло передать дворянское имение в ОПЕКУ.

В опеку передавались ИМЕНЯ ВЫМОРОЧНЫЕ, то есть оставшиеся после смерти владельца и из-за отсутствия наследников без хозяина, а также имения разоренные, доведенные владельцами до краха. В «Недоросле» Фонвизина «за бесчеловечное отношение к крестьянам» под опеку отходит имение Простаковой – случай крайне редкий и нехарактерный.

Репетилов в «Горе от ума» кается Чацкому, что он в «опеку взят указом» – это значит, что разоренное его имение взято под государственный надзор.

Опека назначалась в том случае, когда владельцами имения оказывались лица несовершеннолетние, недееспособные и т.п. Опекунами назначались местные дворяне, которые в этом случае получали в виде платы 5% дохода от имущества.

Когда гоголевские старосветские помещики умерли, их наследник довел имение до того, что оно было взято в опеку. «Мудрая опека (из одного бывшего заседателя и какого-то штабс-капитана в полинялом мундире) перевела в непродолжительное время всех кур и все яйца».

Задачей опеки при крепостном праве была всемерная поддержка дворянского землевладения; разоренные имения нередко переходили в казну, продавались с аукциона, но никогда не становились собственностью живших в них крепостных крестьян.

Широкое распространение среди помещиков в начале XIX века получил ЗАЛОГ имений – вместе с крепостными крестьянами. Что но было такое, весьма полезно разобраться.

Владельцы могли получить денежную ссуду в разного рода кредитных учреждениях под залог своих имений или части их. Дело казалось соблазнительным: ничего поначалу не теряя, помещик получал сумму денег, которую мог использовать для своих нужд и даже для коммерческих операций. Однако за ссуду каждый год, до истечения ее срока, кредитному учреждению следовало платить немалый процент.

Если процент не выплачивался и по истечении срока ссуда не возвращалась, имение присваивалось кредитным учреждением и продавалось им с аукциона (то есть публичного торга). Сумма, внесенная покупателем, пополняла бюджет кредитного учреждения, помещик же, потерявший имение, оставался разоренным. Такая судьба, как известно, постигла Раневскую в «Вишневом саде» Чехова.

Право давать процентные ссуды под залог недвижимого имущества было

предоставлено и ОПЕКУНСКИМ СОВЕТАМ. Таких было два – при Петербургском и Московском воспитательных домах. Хотя эти дома и назывались императорскими, то есть находящимися под покровительством государства, казна им денег не отпускала. Воспитательные дома, содержавшие сотни сирот, существовали за счет частной благотворительности, отчислений от лотерей и театральные спектаклей, продажи игральные карты и т.п. Но главным источником доходов воспитательных домов были ссудные операции.

Промотавшийся помещик Муромский в «Барышне-крестьянке» Пушкина *«почитался человеком не глупым, ибо первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым»*.

Постепенно такого рода залог стал среди помещиков делом обычным. Пьер Безухов («Война и мир» Л. Толстого) платил процентов по закладным в Совет (опекунский) около 80 тысяч по всем имениям. О залоге помещичьих имений в ломбарды и опекунские советы читаем во многих произведениях русских классиков: в «Евгении Онегине» Пушкина, «Коляске» Гоголя, «Юности» Л. Толстого, в ряде комедий Островского.

Плохи дела у Кирсановых («Отцы и дети» Тургенева), а тут *«опекунский совет грозит и требует немедленной и бездоимочной уплаты процента»*.

Часто можно прочесть: *«имение было заложено и перезаложено»*. Заложено – понятно, что же означает «перезаложено»?

ПЕРЕЗАЛОЖИТЬ имение означало заложить его заново, до окончания срока первого залога, когда имение следовало выкупить, то есть внести со всеми процентами полученную под залог сумму, – это были деньги весьма изрядные. При втором залоге кредитные учреждения значительно, обычно вдвое, увеличивали ежегодный процент взноса, то есть ставили закладчика в чрезвычайно невыгодные условия. Но помещику ничего другого не оставалось: средств на выкуп имения или другого заложенного имущества у него уже не было. Само собой разумеется, что тяжесть второго залога со всей силой падала на крепостных, которые эксплуатировались сверх всякой меры.

На праве закладывать собственных крестьян, то есть получать ссуду под залог крепостных душ, построена и вся афера Чичикова с покупкой мертвых душ.

Если ценные вещи (движимое имущество) закладывались в ломбард впредь до выкупа в натуре, то, разумеется, земли и крестьяне закладывались по официально оформленным, подтвержденным местными властями документами, свидетельствующим о том, что заложенное действительно имеется.

Время от времени государство предпринимало РЕВИЗИИ – переписи крепостного населения страны, прежде всего с целью установить количество людей мужского пола, годных в рекруты. Поэтому «РЕВИЗСКОЙ ДУШОЙ» назывались не все крепостные крестьяне, а только крестьяне-мужчины.

С 1719 по 1850 год было проведено десять ревизий. Сведения о крепостных крестьянах записывались в особые листы – РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ. Впредь до новой ревизии ревизские души юридически числились существующими; повседневный учет крепостного населения организовать было немыслимо. Таким образом, умершие или беглые крестьяне официально считались в наличии, за них помещики обязаны были вносить налог – ПОДУШНУЮ ПОДАТЬ.

Этими обстоятельствами и воспользовался Чичиков, скупая у помещиков мертвые души как живые с целью заложить имение с мнимыми крестьянами в Опекунский совет и получить кругленькую сумму денег. Сделка была выгодной и для помещика: получив Чичикова хоть малую сумму за несуществующего крестьянина, он избавлялся вместе с тем от необходимости вносить за него в казну подушную подать. Разумеется, Чичиков стремился купить мертвую душу подешевле, а помещик продать ее подороже – отсюда упорный торг за души.

При законной покупке и закладке живых душ закладчик получил сумму, исходя из реальной цены живых крестьян, и обязан был вплоть до срока выкупа ежегодно платить за каждую заложенную душу положенный процент.

Чичиков же не собирался это делать. Заложив мертвые души как живые, он хотел получить за них ссуду и скрыться с капиталом, составленным из разницы между стоимостью ревизской души и суммы, уплаченной за нее помещику. Ни о каких процентах, а тем более выкупе он и не помышлял.

Трудность была одна: у Чичикова не было земли, а крестьян без земли дворянин мог купить только «НА ВЫВОД», то есть с переселением в новые места. Да и заложить крестьян можно было только с землей. Поэтому Чичиков планировал купить землю в одной из необжитых, степных губерний – Херсонской или Таврической (Крым). Это было вполне реально: известно было, что правительство, заинтересованное в заселении пустынных земель на юге России, продает их любому желающему дворянину почти за бесценок. Никого не смущало, что Чичиков будто бы собирался перевести в новые места одних мужчин, без их семей. Такая сделка могла состояться только до 1833 года, когда появился закон, запрещающий продавать крестьян «с разлучением от семьи».

Безнравственность аферы Чичикова состояла также и в том, что он намеревался заложить фиктивных крестьян не куда-либо, а в Опекунский совет, ведавший опекой о вдовах и сиротах. Именно на их содержание шли деньги, вырученные от залоговых операций. Таким образом, Чичиков рассчитывал нажиться на горе и слезах обездоленных, и без того полуголодных и плохо одетых.

Дворянское самоуправление

Дворяне уездов и губерний объединялись в ДВОРЯНСКИЕ ОБЩЕСТВА, пользовавшиеся САМОУПРАВЛЕНИЕМ. Каждые три года дворяне уезда и всей губернии съезжалась на уездные и губернские выборы, на которых выбирали предводителей дворянства, судей, исправников и других выборных должностных лиц. Судья Ляпкин-Тяпкин в «Ревизоре» представляется Хлестакову: *«С восьмьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства...»*

ПРЕДВОДИТЕЛЯМИ ДВОРЯНСТВА избирались наиболее авторитетные и богатые помещики. Должность эта была довольно хлопотливой, но престижной. Предводитель был обязан, не доводя дела до суда, улаживать конфликты между местными дворянами, унимать беспокойных. Губернский предводитель был ближайшим советчиком и опорой губернатора, хотя иногда между ними происходили и ссоры, как в «Отцах и детях» Тургенева.

Должность предводителя требовала известных расходов на разъезды и приемы. Граф Илья Ростов вышел из предводителей уездного дворянства, так как пост этот был сопряжен со *«слишком большими расходами»*. В рассказе Тургенева «Два помещика» генерал Хвалынский на выборах играет *«роль довольно значительную, но от почетного звания, по скупости, отказывается»*.

Вместе с тем иные помещики жаждали стать предводителями. Таков герой гоголевской «Коляски» Чертокуцкий: *«В прошлые выборы дал он дворянству прекрасный обед, на котором объявил, что если только его выберут предводителем, то он поставит дворян на самую лучшую ногу»*.

В пьесе Тургенева «Завтрак у предводителя» выведен уездный предводитель дворянства Балагалаев, человек мягкий и нерешительный. Он безуспешно пытается помирить дворян – брата и сестру, поссорившихся при дележе унаследованного имения: *«...я согласился быть между ними посредником, – говорит он, – потому что это, вы понимаете, мой долг...»*

Начало рассказа Л. Толстого «После бала» происходит «на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера».

Дворянин Алушкин в одном из рассказов Тургенева раболепно говорит предводителю дворянства: *«Вы, так сказать, наш второй отец»*.

Предводитель дворянства обязан был беспокоиться о мнимом достоинстве дворянского

сословия. В таком качестве предводитель упоминается в повести Чехова «Моя жизнь»: он обращается за помощью к губернатору, чтобы заставить дворянина Полознева, ставшего на путь простой трудовой деятельности, «изменить свое поведение».

ДВОРЯНСКИЕ ВЫБОРЫ становились событием в тусклой жизни уездных и губернских помещиков, предметом их волнений и дискуссий. В стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» Пушкин как одну из тем бесед в гостиной называет «разговор о близких выборах».

Выборы губернского предводителя дворянства описаны в рассказе Л. Толстого «Два гусара» и особенно подробно и колоритно в шестой части «Анны Карениной».

Сатирическую фигуру уездного предводителя дворянства дает Лермонтов в поэме «Тамбовская казначейша»:

*А вот уездный предводитель,
Весь спрятан в галстук, фрак до пят,
Дискант, усы и мутный взгляд.*

В «Анне Карениной» Свяжский «был образцовым дворянским предводителем и в дорогу всегда надевал с кокардой и с красным околышем фуражку». Здесь тоже заметна ирония: Толстой отмечает слабость дворянских избранников к внешним атрибутам своей власти.

Крестьянская реформа

В русской классической литературе выведены почти исключительно ПОМЕЩИЧЬИ КРЕСТЬЯНЕ, о которых и шла речь выше. Но были и другие категории крестьян, иногда вскользь упоминаемые у классиков. Для полноты картины следует с ними познакомиться.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, или КАЗЕННЫЕ, крестьяне. Считались лично свободными, жили на казенных землях, несли повинности в пользу государства. Ими руководили особые управляющие, назначаемые правительством.

УДЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ. Принадлежали царской семье, платили оброк, несли государственные повинности.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ до 1764 года принадлежали монастырям и церквям, затем эти земли были выделены в особые экономии, перешедшие к государству, перед которым крестьяне несли повинности, оставаясь относительно свободными. Впоследствии слились с государственными крестьянами.

ПОСЕССИОННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ принадлежали частным промышленным предприятиям и использовались как фабричные рабочие.

Отмена в 1861 году крепостного права в той или иной степени затронула все категории крестьян, но мы расскажем только о том, как она коснулась помещичьих крестьян, составлявших наиболее многочисленную категорию (23 миллиона), подробно описанную в русской классической литературе.

В целом отмена 19 февраля 1861 года крепостного права учитывала прежде всего интересы крупных помещиков-землевладельцев. Хотя крестьянин и становился лично свободным и его нельзя было больше ни покупать, ни продавать, свой земельный надел он обязан был выкупить у помещика. При этом он получал не тот надел, который обрабатывал, а сильно урезанный в пользу помещика и по цене, значительно превышавшей его действительную стоимость. При выделении наделов помещик оставлял крестьянам самую бедную, неплодородную землю.

Для составления УСТАВНЫХ ГРАМОТ, то есть документов, регулирующих отношения между помещиками и крестьянами после реформы 1861 года, из числа местных дворян назначались МИРОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ. Многие в судьбах крестьян зависело от личных качеств этих посредников, их объективности и доброжелательности. Среди мировых посредников встречались и люди либеральные, склонные к справедливому решению. Такими

были Константин Левин в «Анне Карениной» Л. Толстого и Версиков в «Подростке» Достоевского, этими качествами, по-видимому, обладал и добродушный Николай Петрович Кирсанов в «Отцах и детях» Тургенева.

В интересах помещиков крестьяне должны были единовременно выплатить им 20-25% стоимости полевого надела. Остальное поначалу выплачивала казна, с тем чтобы крестьянин погасил эту ссуду в течение 49 лет, в рассрочку, по 6% ежегодно.

Крестьянин, не внесший 20-25% помещику, числился ВРЕМЕННООБЯЗАННЫМ и продолжал обрабатывать бывшему владельцу ИЗДОЛЬЩИНУ, как теперь стала называться барщина, или оброк. Временнообязанными названы семь мужиков – героев поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В 1883 году категорию временнообязанных отменили: к этому времени крестьяне должны были внести выкуп помещику полностью либо лишиться надела.

В среднем по реформе на одну крестьянскую семью выделялось 3,3 десятины земли, то есть три с половиной гектара, чего едва хватало, чтобы прокормиться. В некоторых местах крестьянину предоставлялось 0,9 десятины – совершенно нищенский надел.

В русской литературе крестьянская реформа 1861 года и ее последствия для помещиков и крестьян получили широкое отражение. Показателен такой диалог в пьесе Островского «Дикарка» между помещиками Ашметьевым и Анной Степановной относительно реформы. Ашметьев говорит: *«Ну, нам, кажется, очень жаловаться нельзя, мы не очень много потеряли»*. Анна Степановна заявляет: *«Так ведь это исключение, это особое счастье... Кирилл Максимыч был тогда мировым посредником и составил нам уставные грамоты с крестьянами. Он так их обрезал, что им курицу выгнать некуда. Благодаря ему я хорошо устроилась: у меня крестьяне так же и столько же работают, как и крепостные – никакой разницы»*.

В романе «Мать» Горького крестьянин Ефим на вопрос: *«Вы сами – имеете надел?»* – отвечает: *«Мы? Имеем! Трое нас братьев, а надела – четыре десятины. Песочек – медь им чистить хорошо, а для хлеба – неспособная земля!..»* И продолжает: *«Я от земли освободился, – что она? Кормить не кормит, а руки вяжет. Четвертый год в батраки хожу»*.

Миллионы крестьян разорялись, шли в батраки к тем же помещикам или кулакам, уходили в города, пополняя ряды бурно растущего в пореформенные годы пролетариата.

Особенно тяжелой была участь дворовых крестьян: земельного надела у них не было, и поэтому помещик не обязан был им землю предоставлять. Немногие продолжали служить у обедневших помещиков до глубокой старости, вроде Фирса в «Вишневом саду» Чехова. Большинство же было отпущено без земли и денег на все четыре стороны. Если помещик покидал свое имение, они оставались, голодая, в усадьбе, никакой месячины или жалованья платить им он уже не был обязан. О таких горемыках Некрасов писал в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

*...В усадьбе той слонялся
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старые, все хворые
И, как в цыганском таборе,
Одеты.*

Горькую судьбу дворового человека после реформы красочно описал Салтыков-Щедрин в рассказе «Портной Гришка».

Незадолго до реформы, прослышав о ней, многие помещики, несмотря на запрет, чуть не всех своих крестьян переводили в дворовые, дабы лишить их права на надел.

Некрасов писал:

*«Порвалась цепь великая,
Порвалась – раскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!».*

Да, доставалось и барину, особенно небогатому: деньги, полученные по выкупу, быстро растрчивались, и жить было не на что. За бесценок продавались или закладывались **ВЫКУПНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА** – выданные помещикам финансовые документы, подтверждающие их право получать выкупные деньги. Оставалось продавать наследственную землю, которую быстро захватывали оборотистые купцы и кулаки. Но и этих денег хватало ненадолго.

Ранее других разорились и исчезли мелкопоместные помещики, за ними последовали среднепоместные. Картины разорения «дворянских гнезд», обнищания дворян ярко нарисованы в произведениях Бунина и А.Н. Толстого.

Под влиянием событий первой русской революции 1905 года правительство отменило взимание с крестьян выкупных платежей в 1906 году, то есть на четыре года раньше срока.

В комедии Л. Толстого «Плоды просвещения» доведенные до крайности крестьяне приезжают к помещику в город, чтобы купить у него землю. *«Без земли наше жительство должно ослабнуть и в упадок произойти»*, – объясняет один мужик. А другой добавляет: *«...земля малая, не то что скотину, – куренка, скажем, и того выпустить некуда»*. Однако прокутившийся помещик требует уплаты полностью, без обещанной рассрочки, а денег у крестьян нет. Только хитрость горничной Тани, использующей суеверие господ, помогает крестьянским ходокам добиться своего.

В романе Горького «Жизнь Клима Самгина» один из персонажей так характеризует положение крестьян в конце XIX века: *«Живут мужики, как завоеванные, как в плену, ей-богу. Помоложе которые – уходят, кто куда»*.

Таковы были последствия реформы 1861 года.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ДРУГИХ СОСЛОВИЙ ЛЮДИ

Мещанство и купечество

Начиная с указа Екатерины II от 1775 года в России довольно четко утвердилось деление общества на **СОСЛОВИЯ**. Они разделялись на **ПОДАТНЫЕ** – те, которые обязаны были платить государству подати, то есть налоги, и **НЕПОДАТНЫЕ** – освобожденные от этой повинности.

К неподатным, то есть привилегированным сословиям, относились дворянство и духовенство, к податным – крестьянство, мещанство, купечество. Помимо уплаты податей, представители податных сословий несли рекрутскую повинность, были ограничены в свободе передвижения.

Ни купцы, ни мещане, ни духовенство крепостных крестьян держать не имели права – это была, за небольшим исключением, привилегия одних лишь дворян.

Что такое **МЕЩАНСТВО**? В последнее столетие это понятие приобрело резко отрицательное значение. Мещанином стали называть, независимо от социальной принадлежности, человека с узкими, частнособственническими интересами, с ограниченным духовным кругозором. В таком понимании слово это широко применял в своей публицистике Максим Горький («Заметки о мещанстве» и другие статьи).

Однако в первоначальном своем значении слово «мещанство» ничего осудительного не содержало. Буквально «мещанин» означало горожанин – от старого слова «место», то есть город. До сих пор мы употребляем слово «предместье» – поселение за городской чертой.

Мещанином же назывался человек, приписанный к мещанскому сословию, обычно ремесленник, мелкий торговец или же домовладелец. Чаще всего это был вчерашний крестьянин – вольноотпущенный или выкупившийся от крепостной зависимости, отслуживший срок службы солдат, но никогда не дворянин, даже сильно обедневший. В мещане записывались горожане, имевшие капитал менее 500 рублей. Звание это было наследственным.

Отец Лопухова, одного из героев романа Чернышевского «Что делать?», был *«рязанский мещанин, жил, по мещанскому званию, достаточно, то есть его семейство имело щи с мясом не по одним воскресеньям и даже пило чай каждый день. Содержать сына в гимназии он кое-как мог»*.

Жена, какого бы сословия она ни была, при замужестве переходила в сословие мужа. В «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина *«жена крепостного иконописца происхождением из мещан решила закрепоститься, выйдя за него замуж»*.

Другой такой случай описан в одном из рассказов Лескова: француженка влюбилась в русского крепостного, а *«в законах империи Российской была не сведуща и не постигала, что через такой брак с человеком русским невольного положения она сама лишилась свободы и дети ее делались крепостными»*.

Привлекательный образ мещанина-ремесленника Кулигина вывел Островский в драме «Гроза». *«В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбраться из этой норы! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба»*, – говорит он приехавшему в город Борису Григорьевичу. Талантливый механик-самоучка мечтает служить людям, но для этого не имеет ни прав, ни возможностей: *«Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего»*.

«Братцы мои в мещане отписались и в городе мастерством занимаются, а я мужик», – говорит старик Холодов в рассказе Чехова «Степь». К положению мещан следует добавить и то, что до 1863 года их могли подвергнуть телесным наказаниям.

В «Обломове» Гончарова *«городничий бьет мещан по зубам»*.

Слово «КРЕСТЬЯНЕ» у нас обычно связывается с жителями сельской местности, о крестьянах-хлебопашцах мы и говорили в главе «Дворяне и крестьяне». Но понятие крестьянства как сословия было шире. В старину в городе постоянно жило большое количество крестьян, которые по недостатку капитала или какой-либо другой причине так и не могли прописаться в мещане – даже после ликвидации крепостного права. В «Братьях Карамазовых» старец Зосима спрашивает пришедших к нему из города богомольцев: *«По мещанству, надоть быть?»* Те отвечают ему: *«Городские мы, отец, городские, по крестьянству мы, а городские, в городе проживаем»*. Люди эти, оказывается, занимаются извозом, содержат *«и лошадок, и экипажи»*. В этом же романе узнаем, что *«скотопригоньевские мещане почти те же крестьяне, даже пахут»*.

Особое место в обществе занимало КУПЕЧЕСТВО – торгово-промышленное сословие. В купечество записывали горожан, имевших капитал более 500 рублей. С 1775 года купцов стали разделять на разряды – ГИЛЬДИИ. Купцы третьей, то есть низшей, гильдии должны были обладать капиталом от 500 до 1000 рублей, второй – от 1000 до 10 000, первой – от 10 000 и более. Купцы первых двух гильдий освобождались от рекрутчины и телесных наказаний. В 1863 году третья гильдия была отменена, остались только первая и вторая.

В комедии Гоголя «Женитьба» невеста, Агафья Тихоновна, *«не штаб-офицерша, а купца третьей гильдии дочь»*, то есть дочь небогатого купца, хотя лживая сваха всячески расписывает состояние ее отца. Тут коллизия такая: Подколесин хочет жениться на девушке с богатым приданым, девушке же «купеческого звания» лестно выйти замуж за дворянина-чиновника чином как можно выше; на этом и играет сваха. Сходная ситуация изображена на известной картине П. А. Федотова «Сватовство майора».

В числе присяжных заседателей на суде в романе Л. Толстого «Воскресение» – по делу об убийстве второй гильдии купца Смелкова – той же гильдии купец Баклашов. Образы

обоих – и убитого, и судящего убийц – даны Толстым чрезвычайно пластично и психологически убедительно.

В рассказе Чехова «В овраге» плотник рассказывает о своем споре с купцом: «Вы, говорю, купец первой гильдии, а я плотник, это правильно. И Святой Иосиф, говорю, был плотник». И продолжает: «А потом этого, после, значит, разговору, я и думаю: кто же старше? Купец первой гильдии или плотник? Стало быть, плотник, деточки!»

Представителей капитала мы видим в «Ревизоре» Гоголя в лице купцов, пришедших к городничему с просьбами, а в ответ слышащих оскорбления и проклятия. В комедии Островского «Горячее сердце» выведен купец-самодур Хлынов – уже настоящий хозяин уездного города, перед которым заискивает сам городничий Градобоев. И наконец, полны уверенности и достоинства «отцы города» – состоятельные купцы в романах Горького «Фома Гордеев» и «Дело Артамоновых». Русская классическая литература показывает стремительную эволюцию купечества, его прав и значения в обществе.

Однако от «мальчиков» в лавках и мелких торговцев вразнос до всевластных миллионеров и «полированного» купца Лопухина, покупающего дворянское имение («Вишневы сад»), лежал весьма нелегкий путь. Способы обогащения хорошо показаны в пьесах Островского.

Какими только кличками не награждал народ своих новоявленных эксплуататоров: «суконное рыло», «саврас», «кровосос», «мироед», «аршинник» и многими другими.

Быструю карьеру подчас делали ПРИКАЗЧИКИ – помощники купцов, СИДЕЛЬЦЫ, торговавшие по доверенности, данной хозяином лавки, на смену им шли «МАЛЬЧИКИ», занимавшиеся в лавках самой черной, неблагодарной работой.

Огромные капиталы наживали купцы-скупщики – ПРАСОЛЫ, ГУРТОВЩИКИ, МАЯКИ и т.п., скупавшие мясо, рыбу и скот за бесценок и продававшие товар с большой для себя выгодой.

«Прасол – мужик, торгующий всяко, сам определяя себе род торговли», – пометил в своей записной книжке Гоголь.

О прасоле у Некрасова сказано так:

*Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное – мастак
Подстерегать okazji,
Когда собирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка.*

Особую неприязнь народ питал к ОТКУПЩИКАМ, приобретающим у правительства право на взимание налогов, на использование природных богатств и торговлю товарами широкого спроса. Необыкновенный размах принял винный ОТКУП. Рядовые купцы, а иногда и дворяне, платя государству небольшой процент, остальной доход клали в карман и через несколько лет становились миллионерами. Некрасов пишет о предводителе дворянства, занявшемся винным откупом:

*Стал он со временем туз откупной –
Эксплуататор народного пьянства.*

В басне Крылова «Откупщик и сапожник» говорится:

Богатый Откупщик в хоромах пышных жил.

*Ел сладко, вкусно пил;
По всякий день давал пиры, банкеты,
Сокровищ у него нет сметы.*

Богатая барыня Полозова в «Вешних водах» Тургенева, хвалящаяся своим «низким происхождением», – дочь простого крестьянина, ставшего откупщиком.

Посещая влиятельных лиц губернского города, расчетливый Чичиков считает должным нанести визит и местному откупщику.

Во втором, незавершенном, томе «Мертвых душ» Гоголь вывел идеализированную фигуру добродетельного откупщика Муразова; какой именно откуп держал Муразов, не сказано, однако Чичиков резонно сомневается, что миллионное богатство его «нажито самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами». Это жизненное несоответствие привело к тому, что образ Муразова получился фальшивым, искусственным.

В 1863 году откупы были отменены и заменены АКЦИЗОМ – своего рода косвенным налогом на предметы массового потребления, включенным в розничную цену и идущим в пользу казны. Но за сто (с 1763 года) лет системы откупов откупщики успели нажить бешеные суммы.

Класс капиталистов, большинство которого составляло купеческое сословие, не имел права на ряд дворянских званий и привилегий, но получил компенсацию в виде некоторых почетных званий: МАНУФАКТУР-СОВЕТНИКОВ (давалось крупным предпринимателям), КОММЕРЦИИ СОВЕТНИКОВ (давалось коммерсантам и предоставляло права чиновника VIII класса, то есть коллежского асессора), наконец, ЛИЧНЫХ и ПОТОМСТВЕННЫХ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН, введенное в 1832 году. Последние два звания присваивались не только купцам, но и другим недворянам, например ученым, врачам, за особые личные заслуги. Почетные граждане приобретали ряд льгот и привилегий, сходных с дворянскими.

В звании потомственного почетного гражданина в рассказе Чехова «Маска» выведен отъявленный хам и самодур фабрикант Пятигоров. В романе «Жизнь Клима Самгина» Горького Дуняша рассказывает о своем разговоре со Стратоновым: «Родитель, говорит, мой – сын крестьянина, лапотник, а умер коммерции советником, он, говорит, своей рукой рабочих бил, а они его уважали».

Не только дворяне, но и купцы с презрением относились к малоимущим мещанам. В комедии Островского «Свои люди – сочтемся!» Липочка, обобравшая вместе с приказчиком-мужем отца, оправдывается таким образом: «...нельзя же нам ни при чем остаться, ведь мы не мещане какие-нибудь».

Обедневшие и разорившиеся купцы вынуждены были переходить в мещанское сословие. В драме Островского «Пучина» приводится документ «О несостоятельности бывшего купца, а ныне мещанина Пуда Кузьмина сына Боровцова».

«Сестра дедушки», – читаем в «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина, – была замужем за купцом, впоследствии пришедшим в упадок и переписавшимся в мещане».

Духовенство

Имея прямое касательство ко многим сторонам жизни общества, например, к гражданским установлениям, школе и т.п., церковь играла большую роль в дореволюционной России. Во главе Святейшего синода стоял назначаемый царем сановник – ОБЕР-ПРОКУРОР, лицо совершенно мирское.

Как и ныне, духовенство разделялось на БЕЛОЕ (низшее) и ЧЕРНОЕ (высшее, монашеское). Для возведения в высший сан – АРХИЕРЕЯ, требовалось пострижение священника в монахи и полный отказ от всего мирского, то есть семьи, имущества, прежних социальных связей. Черным духовенство называлось потому, что монахи носили черные одежды. В рассказе Чехова «Письмо» священник отец Анастасий говорит благочинному

отцу Федору: *«Ум! Светлый ум! Не женились бы, отец Федор, давно бы в архиереях были, истинно, были бы!»* Женатый не мог стать монахом, обычный же священник обязан был перед пострижением в сан жениться, но, овдовев, жениться вторично не имел права.

БЛАГОЧИННЫЙ – священник, надзирающий над деятельностью нескольких приходов одной и той же местности.

Гораздо чаще, чем черное, в русской литературе показано **БЕЛОЕ ДУХОВЕНСТВО**: **ДЪЯКОНЫ** и **ПРОТОДЪЯКОНЫ**, которые были обязаны закончить курс в низшем учебном заведении – **ДУХОВНОМ УЧИЛИЩЕ**, и **ИЕРИИ** и **ПРОТОИЕРЕИ** – выпускники **ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ**. В духовные учебные заведения принимались лица всех сословий, даже дети крепостных (при этом они освобождались от крепостной зависимости), но выпускники могли отказаться от священнической деятельности. В романе Лескова «Соборяне» рассказывается, что сын просвирни Варнава, закончив семинарию первым разрядом, в попы идти отказался, а поступил в уездное училище учителем математики, объяснив при этом, что *«не хочет быть обманщиком»*.

Дети священнослужителей, учившиеся или недоучившиеся в семинариях, составляли внушительную часть разночинцев – русской интеллигенции прошлого века. Детьми священников были Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Помяловский, Глеб Успенский и многие другие русские литераторы и общественные деятели.

Служители каждого храма составляли **ПРИЧТ**. Кроме настоятеля – священника и его помощника – дьякона, в причте состояли и низшие церковнослужители, не получившие религиозного образования и не посвященные в сан, – **ДЪЯЧКИ** (официально **ПСАЛОМЩИКИ**) и **ПОНОМАРИ**. Дьячка, по сходству слов, часть путают с дьяконом, но дьякон принадлежал к духовному сословию, а дьячок с 1868 года был отчислен от него и стал человеком мирским, однако при этом обязательно грамотным, так как ему часто приходилось читать церковные книги. Условный автор «Повестей Белкина» признается, что *«первоначальное образование получил от нашего дьячка»*. Евпраксеюшка, любовница Иудушки Головлева, *«была девицей духовного звания»* – дочерью дьячка.

Узнав от племянниц Иудушки, что актрисы разные роли играют, жена попа замечает: *«Стало быть, и там тоже: кто попом, кто дьяконом, а кто в дьячках служит»*.

Пономарь был старшим служителем в церкви, одной из его обязанностей было чтение молитв над покойником – труд тяжелый, длительный и однообразный. Отсюда знаменитая фамусовская фраза: *«...Читай не так, как пономарь, /А с чувством, с толком, с расстановкой»*.

После реформ 1860-1876 годов, то есть с развитием капиталистических отношений, сословия юридически сохранялись, но правовые отличия между ними стирались: военная повинность распространилась на всех (кроме духовенства), телесные наказания отменили, формально все были равны перед судом, обязаны были платить налоги и т.п. Зато большую роль стал играть уровень доходов и образования. Мещанство получило широкий доступ к государственной службе, к военной карьере в качестве офицеров.

Большое значение в развитии русского демократического и революционного движения имели **РАЗНОЧИНЦЫ**. Слово это произошло от юридического термина «люди разных чинов и званий». То были выходцы из различных социальных групп (кроме дворянства), получившие образование. Уже в 1840-е годы они становятся в авангарде общественной жизни России, из их среды вышли многие писатели и публицисты.

Одним из первых образов разночинца в русской литературе стал Бабурин в рассказе Тургенева «Пунин и Бабурин», человек значительный, покоряющий своей честностью и благородством.

Разночинец, получивший образование, сын дьячка Гриша Добросклонов – самый светлый образ поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

«С понижением дворянства силою, умственной силою в государстве становятся разночинцы», – писал Н.П. Огарев в письмах «К одному из многих».

«Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою»

молодости », – писал Чехов Суворину 7 января 1889 года, имея в виду свой горький опыт.

И наконец, РАБОЧИЕ. Подавляющее большинство рабочих юридически принадлежало к крестьянскому сословию, однако в отношении сознательности, политической грамотности и солидарности намного превосходили среду, из которой вышли. Любопытно, что самый термин «рабочий», казалось бы извечный, утвердился поздно – первоначально рабочих в современном понимании чаще именовали РАБОТНИКАМИ (отсюда и женский род – до сих пор мы говорим работница), фабричными, мастерскими. В «Преступлении и наказании» Достоевского ремонтные рабочие называются работниками.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ КАК ОДЕВАЛИСЬ

Костюм и время

Костюм во все времена – одно из важнейших средств характеристики литературных персонажей. Он определяет не только их эпоху и социальное положение, но и характер, вкусы, привычки. Нельзя представить себе гоголевских героев без их вицмундирных фраков, Обломова – без привычного халата, купчих у Островского – без их неизменных салопов, тургеневских мужичков – без их армяков и зипунов. Но вот беда: многие виды одежды, обуви, головных уборов отошли в прошлое, и их названия уже ничего не говорят нашему воображению! В театре, в кино– и телефильмах мы эти одеяния видим (хотя можем и не знать их названия), в книге же, если нет иллюстраций, об этих важных принадлежностях внешности героя приходится только догадываться. При этом по сравнению с читателями тех времен мы многое теряем...

Дворяне XVIII века легко узнаваемы на любом изображении благодаря костюму и прическе: напудренный парик с косичкой, расшитый кафтан, панталоны по икры, чулки и башмаки на толстом высоком каблуке. На дамах – тоже парики и длинные пышные платья по самую щиколотку, нередко с ФИЖМАМИ, то есть на каркасе из китового уса. Никто не перенесет эти костюмы в другую эпоху, даже не столь уж далекую от XVIII века.

Кстати, самая важная и заметная часть тогдашнего мужского туалета, надеваемая на плечи, именовалась КАФТАНОМ, а вовсе не камзолом, как это можно прочесть у многих современных литераторов. КАМЗОЛ надевался под кафтан, то была, как правило, безрукавка наподобие современного жилета, но длиннее; в камзоле без кафтана или фрака в свет не выезжали.

Вспомните: в «Капитанской дочке» Пушкина Гринев и Швабрин перед дуэлью *«сняли мундиры, остались в одних камзолах»*. В камзолах драться на шпагах было гораздо легче.

Когда с Петром I из Западной Европы пришло верхнее одеяние, то, недолго думая, назвали его не французским «роб» или немецким «рокк», а привычным русским словом «кафтан», хотя кроенный в талию европейский кафтан, расшитый и нарядный, из бархата или плотного шелка, сильно отличался от русского кафтана – просторного, долгополого одеяния, которое до самого XX века можно было видеть на крестьянах, купцах, ямщиках... Как вид одежды кафтан, по назначению одинаковый, четко разделялся по виду, покрою и ткани на западноевропейский и русский.

Вообще же русский костюм развивался по двум линиям: костюм народный, дошедший из глубины веков, который видоизменялся очень медленно, и костюм имущих классов общества – здесь царствовала, по словам Пушкина, *«лихая мода – наш тиран, недуг новейших россиян»*. Городская мода не только меняла фасоны, но и вводила в обиход новые предметы туалета, с непривычными на первых порах названиями. Чаще всего они приходили в Россию с Запада, реже – с Востока. Западноевропейский костюм влиял на народный, постепенно вытеснял национальную одежду, а к нашим дням почти совершенно вытеснил ее, даже в деревнях.

Мужские костюмы

1800-е годы, словно считаясь с календарным началом века, быстро изменили городскую моду: парики, немецкие кафтаны и штаны с пряжками продолжали носить только старцы вроде князя Николая Болконского в «Войне и мире» или князя Тугоуховского в «Горе от ума». Правда, «екатерининские костюмы» долго еще оставались парадной форменной одеждой придворных, но смотрелись они уже как условный, театральный реквизит.

Подавляющее большинство дворян сняло парики и облачилось во фраки, жилеты и длинные панталоны. Пушкин в «Евгении Онегине» отмечал, что *«панталоны, фрак, жилет, / Всех этих слов на русском нет»*. Сами предметы и их названия пришли из Франции.

ФРАКИ, впоследствии ставшие только черными, в то время были разноцветными и до середины XIX века служили самым обычным одеянием имущих горожан. Чичиков предстает перед нами вначале *«во фраке брусничного цвета с искрой»*, затем, во второй части романа, *«во фраке наваринского пламени с дымом»*, то есть красновато-коричневом. У Собакевича, в соответствии с его внешностью, фрак медвежьего цвета.

Черный фрак был костюмом выходным – для визитов, посещения клуба или театра. Прийти в гости не во фраке значило оскорбить хозяев. Чацкий в одном из своих монологов осуждает фраки:

*...Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям,
Движенья связаны, и не краса лицу...*

Не все замечают, что эти слова грибоедовский герой произносит, будучи сам одет во фрак! Ни в чем другом он не посмел бы прийти на вечер к Фамусову. Обычай сломить было невозможно.

Даже мундиры на офицерах, ВИЦМУНДИРЫ на чиновниках (непременная их форменная одежда), ливреи на лакеях шились фракного покроя.

Однако в середине XIX века фрак постепенно стал вытесняться СЮРТУКОМ (одно время писалось «сертук») – одеждой без выема спереди и длинных фалд сзади. Со временем сюртук становился все более просторным и долгополым, напоминая современное пальто. Тургеневских и толстовских героев мы чаще всего видим в сюртуках, только в торжественных случаях облачаются они во фрак. Провинциальные же дворяне подчас пренебрегали и этим. *«У нас даже, скажу вам, на именины друг к другу ездят не иначе, как в сюртуках. Право! Так уж у нас заведено!»* – говорит приезжему гостю провинциальный помещик Ипатов в рассказе Тургенева «Затишье». – *В соседних уездах нас за это сюртучниками называют...* »

К концу XIX века на смену сюртуку приходит столь нам знакомый и привычный ПИДЖАК. Появился же этот английский гость в России еще в середине XIX века, являя собой поначалу одежду не вполне солидную и более приличествующую молодому человеку.

В чем разница между сюртуком и пиджаком? Если полы сюртука иногда спускались гораздо ниже колен, так, что, садясь, приходилось их подбирать, то пиджак, по объяснению Даля, был таков: *«долгая куртка, коротенький сюртучок, по бедра»*. Пожилых людей пиджак шокировал, казался чем-то легкомысленным и даже либеральным. Однако мы видим пиджак уже на князе Мышкине («Идиот» Достоевского), правда, приехавшем из-за границы, где пиджаки давно вошли в моду; *«в щегольском пиджаке»* ходит послереформенный губернатор Козелков у Салтыкова-Щедрина («Помпадуры и помпадурши»), что подчеркивает его показной либерализм. К началу XX века пиджак становится костюмом вполне обычным, особенно на людях не старых и не консервативных; его неизменно носит герой горьковской эпопеи Клим Самгин. Ко времени первой мировой войны пиджак почти полностью вытеснил сюртук.

Разновидностью сюртука была ВИЗИТКА – некий гибрид сюртука и фрака,

однобортный, с круглыми фалдами, черного или, во всяком случае, темного цвета. Молодые герои Чехова, нанося визиты, часто облачались в визитки. Иногда же визитка называлась ЖАКЕТКОЙ, хотя жакетку мы привыкли считать предметом женского туалета. Жакетка на Райском («Обрыв» Гончарова), как одеяние непривычное, легкомысленное, вызывает недоумение губернатора Тычкова. В жакетке ходит и Свидригайлов в «Преступлении и наказании» Достоевского.

Все это – выходные костюмы. Остановимся теперь на домашней одежде помещиков и отставных военных XIX века.

АРХАЛУК – одежда восточного происхождения, нечто вроде полухалата, сшитого в талию, из цветной или полосатой ткани, с застежками на крючках. В архалуках фигурируют гоголевский Ноздрев, его слуга Порфирий (вероятно, донашивал хозяйский), тургеневские помещики – Каратаев, Чертопханов, Петушков. Чертопханов одет «*был в желтый, истасканный архалук с черными плисовыми патронами на груди и полинялыми серебряными галунами по всем швам*». Разновидность архалука называлась БЕШМЕТ.

С архалуком гармонировала ЕРМОЛКА – домашняя круглая шапочка, иногда с кисточкой. О героине лермонтовской «Тамбовской казначейши» говорится:

*К окну поспешно он садится,
Надев персидский архалук;
В устах его едва дымится
Узорный бисерный чубук.
На кудри мягкие надета
Ермолка вишневого цвета
С каймой и кистью золотой...*

В ермолках ходят Карл Иванович в «Детстве» Л. Толстого и отец Евгения Базарова в «Отцах и детях» Тургенева. Иногда такая домашняя шапочка называлась СКУФЬЕЙ.

Чаще всего домашней одеждой дворян служит ШЛАФРОК – первоначально «спальное одеяние» (с немецкого), а потом то же, что халат. Хотя на улицу и в гости в шлафроках не ходили, они могли выглядеть весьма нарядно, сшитыми напоказ. Матвей Ильич Колязин в «Отцах и детях» принимает Аркадия Кирсанова в великолепном бархатном шлафроке с кистями. Наглый Фома Опискин («Село Степанчиково и его обитатели») выходит в гостиную «*в шлафроке, правда, иностранного покроя, но все-таки в шлафроке и, вдобавок, в туфлях*».

Редко выезжая из дому, иные помещики месяцами не снимали с себя шлафрока. Стегунов в рассказе Тургенева «Два помещика» «*зиму и лето ходит в полосатом шлафроке на вате*».

Шлафрок, или шлафор, мог быть и домашней женской одеждой. Мать Татьяны Лариной, осев в деревне, «*обновила наконец / На вате шлафор и чепец*».

ХАЛАТ был как бы символом домашнего уюта и обывательской самоуспокоенности. Размышляя о судьбе романтика Ленского, в случае, если бы он остался жив, Пушкин представляет его себе в деревне, в стеганом халате.

В халате постоянно пребывает Обломов. Гоголевский Акакий Акакиевич («Шинель») для экономии ходит дома в демикотонном халате. Выходить же в халате «на люди» считалось признаком пренебрежения. Такое позволяет себе городничий Градобоев в «Горячем сердце» Островского. Гусар Минский в «Станционном смотрителе» Пушкина выходит в Петербурге к отцу Дуни, скромному чиновнику, в халате и скуфье. Некую персону, явившуюся на день рождения к Мармеладовым в халате, попросту выгоняют («Преступление и наказание» Достоевского).

Как уличную одежду халаты носили в городах только торговцы-разносчики да мальчишки, работавшие на побегушках, – так для экономии их одедали хозяева-купцы.

Отставные офицеры, осевшие в провинции, часто носили ВЕНГЕРКИ – расшитые

спереди шнурами, зауженные в талии и отделанные мехом куртки, заимствованные у венгерских гусар. Темно-синюю венгерку носит зять Ноздрева Мижуев в «Мертвых душах». Новую венгерку *«со шнурками»* надевает, приехав из армии в отпуск в Москву, Николай Ростов в «Войне и мире». На старичке Егоре Капитоныче в рассказе Тургенева «Затишье» *«была серая венгерка с черными шнурками и стоячим воротником»*.

КАЗАКИНОМ называлось одеяние, напоминающее, как и показывает слово, казачье: сшитое в талию, со сборками сзади, однобортное, на крючках. Нередко казакины носили женщины и дети. В нанковом желто-коричневом казакине и шароварах ходил обычно гоголевский Иван Никифорович. В казакины облачены Советник в «Бригадире» Фонвизина, лесковский мастер-умелец Левша.

Сходен с казакином был ЧЕКМЕНЬ, заимствованный у кавказских народов. *«Снаряжу коня, / Наточу булат, / Затяну чекмень, / Полечу в леса»*, – мечтает герой стихотворения Кольцова «Удалец».

Чекмень был удобной одеждой для всадника и конного охотника. Чекмень служил формой донским казакам.

Во второй половине XIX века в моду вошла ТУЖУРКА (от франц. «*toujours*» – постоянно, всегда; по-русски ее можно было бы назвать «повседневкой») – домашняя или форменная куртка, застегивающаяся до самого ворота. В тужурки с 1860-х годов облачились студенты и офицеры. Неформенная тужурка считалась костюмом демократическим. Ее носит один из героев горьковского романа «Жизнь Клима Самгина» большевик Кутузов.

Названия одежды, надеваемой мужчинами на нижнюю половину тела, не претерпели особых изменений. То, что мы называем ныне брюками, или в просторечии штанами, долгое время именовалось ПАНТАЛОНАМИ. Фасоны брюк и панталон могли быть разными, но по существу отличий не было. Панталоны поначалу были уже брюк, но нередко оба эти понятия у классиков смешиваются. К концу XIX века слово «брюки» постепенно вытесняет «панталоны», которые начинают звучать чуть-чуть приниженно, комично, как нечто старомодное и забавное. Это связано, возможно, с тем, что часть нижнего белья у женщин тоже называлась панталонами, одинаковость названий казалась нежелательной. Если герои Тургенева и Гончарова носят почти исключительно панталоны, то чеховские персонажи обычно ходят в брюках, а у Горького слово «панталоны», кажется, уже не встречается.

Панталоны и брюки часто носились со ШТРИПКАМИ, или СТРЕМЕШКАМИ, – тесемками, охватывающими ступню под обувью, что ныне употребляется только в военных и спортивных костюмах. У Акакия Акакиевича («Шинель» Гоголя) как-то *«отпоролась внизу панталон стремешка»*.

Несколько слов о воротничке и галстуке. В литературе XIX века слово «ВОРОТНИЧОК», то есть узкая полоса ткани, пришитая или прикрепленная к вороту сорочки, часто ставилось во множественном числе. Петя Ростов в «Войне и мире», одеваясь, *«с трудом воротнички устраивает на себе»*. На Павле Петровиче в «Отцах и детях» *«воротнички были словно каменные»* – эти тугие, удивительные воротнички служат такой же яркой характеристикой дворянина-англомана, как торчащие уши для толстовского Каренина. Такие же *«каменные воротнички»* на подлеце Лужине – женихе Дуни в «Преступлении и наказании». Белые воротнички на Чичикове *«давали тон щеке»*. В чем дело? Не носили же эти люди одновременно по паре воротничков?

Нет, речь шла об одном воротничке, у которого особенно выделялись концы – высокие, накрахмаленные, упиравшиеся часто в щеки. Поэтому-то воротничок воспринимался как парный предмет туалета, и долгое время слово употреблялось во множественном числе.

Иногда воротничками назывались и РЮШИ на ЖАБО – длинные оборчатые обшивки вокруг ворота и на груди мужской сорочки. В жабо ходил толстовский Пьер Безухов.

А как понять фразу у Тургенева: *«Телегин ходил в сером «рединготе» с тремя воротничками, падавшими на плечи»*? Или у Гоголя в «Носе»: *«Высокий гайдук с целой дюжиной воротников»*?

Конечно, дюжина – преувеличение, но на верхней одежде по несколько воротников

носили, тут надо представить себе нечто вроде коротких пелерин или матросских воротников, ниспадавших от шеи к плечам и на спину. Вот, оказывается, как многозначны простые слова «воротник», «воротничок»!

Слово «ГАЛСТУК», кажется, вовсе не нуждается в объяснении. Между тем старинные галстуки мало походили на современные. Нынешние ленточные галстуки со сравнительно небольшим узлом, оба конца которого спускаются книзу, появились только в последней четверти XIX века.

«Галстук» в переводе с немецкого – шейный платок, таким он и был поначалу, чем-то вроде современного кашне. Постепенно он превращался в предмет украшения, но сначала в этой роли представлял собой косынку, завязываемую спереди пышным бантом или узлом, концы которого расходились в разные стороны или прятались под жилет. Вглядитесь в портреты наших классиков XIX века – именно такой шейный платок облегал их шею. Правда, иногда банта или узла не видно; в этом случае узел завязывался или закреплялся пряжкой сзади, на затылке. Не случайно у Тургенева и Достоевского часто вместо «галстук» можно прочесть «шейный платок». На Макаре Девушкине («Бедные люди» Достоевского) – «*платочек шейный*»; «*шейный платок*» – на старом музыканте Лемме в «Дворянском гнезде». Приехав в губернский город, Чичиков «*размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку... и велел подать себе обед*». Это еще был галстук, не потерявший свое «утеплительное назначение», но уже служивший равным образом и для украшения. В конце первого тома «Мертвых душ» мы видим Чичикова уже в синем атласном галстуке – только предмете украшения.

Галстуки иногда бывали очень пышными. В «Тамбовской казначейше» Лермонтова франтоватый и высокомерный уездный предводитель дворянства «*весь спрятан в галстук*».

Нас очень удивило бы появление мужчины в двух галстуках. Однако Гедеоновский в «Дворянском гнезде» предстает перед нами «*в двух галстуках – одном черном, сверху, другом белом, снизу*». Ну что же, вспомним, что галстук первоначально служил предметом обогрева; повязать себе два шейных платка ради большего утепления пожилому человеку не столь уж нелепо.

Что же носили наши герои-мужчины в качестве верхней, уличной одежды? Прежде всего ШИНЕЛИ. Если сегодня шинель – непременно форменное пальто, то в старину она могла быть и обычной суконной верхней одеждой, не связанной с военной или гражданской службой.

В русской литературе мы замечаем шинели не только на военных и чиновниках. В шинели одеты и Евгений Базаров, и художник Чертков в «Портрете» Гоголя, и даже на Чичикове «*шинель на больших медведях*». Можно возразить, что все эти герои продолжали носить свои студенческие (как Раскольников) или чиновничьи шинели, но это очень сомнительно. Когда тогда объяснить «*модную шинель*» на профессиональном музыканте Трухачевском – персонаже «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого?

Понятия «шинель» и «ПАЛЬТО» (как верхняя уличная одежда) в русской дореволюционной литературе четко не разграничиваются. В шинелях ходили и торговцы, в пальто – офицеры, в частности у Куприна. Добавим, что часто встречающаяся в литературе фризловая шинель означает шинель, сшитую из ФРИЗА – дешевой ткани типа байки. Именно фризловую шинель упоминает в повести «Шинель» Гоголь.

Как пальто, так и шинель иногда снабжались одной или несколькими ПЕЛЕРИНАМИ – для тепла и защиты от непогоды.

Постепенно «шинель» как вид гражданской одежды вытесняется привычным «пальто». Но с этим словом нам надо быть весьма осторожным, и вот почему.

В романе Тургенева «Накануне» благовоспитанный Стахов-отец «*в пальто вошел в гостиную*». Федор Павлович Карамазов «*сидел один за столом, в туфлях и старом пальтишке*». А в «Былом и думах» описан случай, когда Галахов «*приехал на званый вечер, все были во фраках... но он явился в пальто*». Что же, все это были рассеянные, очень зябкие и притом плохо воспитанные люди?

Отнюдь нет. Дело в том, что долгое время пальто называлась и домашняя одежда, нечто вроде простенького сюртука. Во второй части романа Гончарова мы видим Обломова, сидящего в *«домашнем пальто»*. В «Обрыве» Гончарова наблюдаем Райского *«в домашнем сереньком пальто, усевшегося с ногами на диван»*, а затем и в *«дорожном пальто»*. Итак, пальто постепенно обретало две функции. А к последней четверти XIX века слово «пальто» получает современное значение, становясь как мужской, так и женской верхней одеждой.

Верхней выходной одеждой издавна служил и ПЛАЩ. Сейчас под этим словом мы разумеем нечто непромокаемое. Однако в старину плащом называлась верхняя широкая одежда, обычно без рукавов, надеваемая внакидку. На знаменитом памятнике Пушкину в Москве поэт изображен именно в таком плаще. Были и теплые плащи: такой носил Поприщин («Записки сумасшедшего» Гоголя), были даже плащи *«с бобровым воротником»* и бархатными отворотами, как мы узнаем из «Шинели» Гоголя.

Широкий плащ, закрывающий почти все туловище, назывался АЛЬМАВИВОЙ по имени героя комедии французского драматурга Пьера Огюстена Бомарше «Севильский цирюльник». *«Альмавивы были тогда (то есть в 1830-х годах. – Ю.Ф.) в великой моде»*, – отмечает Тургенев в одном из своих рассказов. Просторный безрукавный плащ, носимый в России с давних времен, именовался ЕПАНЧОЙ.

Разновидностью мужского плаща была КРЫЛАТКА, носимая с пелериной. Она вошла в моду в конце XIX века, и чаще всего мы видим ее на героях Чехова и Горького. Пожилые люди иронически называли это вольное одеяние РАЗМАХАЙКОЙ или РАЗЛЕТАЙКОЙ из-за ее длинных, развевающихся по сторонам «крыльев».

Прорезиненные пальто появились в России в 1830-х годах и назывались по имени изобретателя МАКИНТОШАМИ. Резиновые, непромокаемые плащи впервые упоминаются у классиков в «Записках охотника» Тургенева (рассказ «Живые мощи»). В макинтоше ходит помещик Тушин в романе Гончарова «Обрыв».

Верхней мужской одеждой служила и БЕКЕША. Шилась она на меху или на вате, имела меховую оторочку, сборки и разрез сзади, теплый воротник. Длинную бекешу носил отец Николеньки Иртеньева в «Детстве» Толстого, *«синие бекешы с бобровыми воротниками»* – мальчики в той же повести. А «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» начинается со своего рода гимна бекеше, которую носил один из героев: *«Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки!..»*

РЕДИНГОТАМИ назывались длинные пальто в талию, снабженные пелеринами, как мужские, так и женские. Уходя от Шерер, князь Ипполит Курагин («Война и мир» Л. Толстого), *«торопливо надел свой редингот, который у него, по-новому, был длиннее пятак»* (1805 год). В «Невском проспекте» Гоголя девы прогуливаются по главной улице Петербурга *«в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах»*.

Женская городская одежда

Всякого рода платья, блузки, кофты, юбки, разумеется, меняли свои фасоны чуть ли не каждое десятилетие, если не чаще, тем не менее главные признаки свои сохранили и не требуют пояснения. Но некоторые виды женской одежды исчезли, напоминая о себе только в художественных произведениях.

Дома женщины носили ДУШЕГРЕЙКИ – короткие (по пояс) теплые кофты, обычно без рукавов. В «Капитанской дочке» душегрейка – на комендантше, матери Маши Мироновой, и на самой императрице Екатерине в Царском Селе. Другое название такой кофты – ТЕЛОГРЕЙКА.

КАЦАВЕЙКОЙ, или КУЦАВЕЙКОЙ, называлась короткая распашная кофта без сборов и перехвата, с рукавами, подбитая мехом или ватой. Носили их преимущественно женщины пожилые. С раннего утра ходила в куцавейке Марья Дмитриевна Ахросимова, московская барыня в «Войне и мире». Кацавейку постоянно носила и старуха-процентщица в

«Преступления и наказания» Достоевского. Мамаша невесты на картине Федотова «Сватовство майора» изображена в кацавейке.

КАПОТОМ называлась широкая распашная одежда с рукавами, без перехвата в талии. Капот носили персонажи Гоголя – замужние женщины, в частности жена Манилова, на которой *«хорошо сидел матерчатый шелковый капот бледного цвета»*. Были домашние, были и уличные, теплые капоты. В теплом капоте и шали Маша в «Метели» Пушкина едет на тайное венчание, капот надевает и Лизавета Ивановна в «Пиковой даме» перед поездкой с графиней. Иногда капотом именовалась верхняя мужская одежда, похожая на халат. К концу XIX века капоты носить перестали.

Наиболее распространенными в XIX веке видами верхней женской одежды были САЛОП и БУРНУС. Салоп представлял собой широкую и длинную накидку с прорезами для рук или небольшими рукавами. Особо ценился соболий салоп. Купеческие жены и дочери у Островского либо носят салопы, либо мечтают о них. Долгое время салоп считался признаком определенного достатка. Салопы носили горожанки всех сословий. В романе Чернышевского «Что делать?» Вера Павловна и ее мать едут в театр в салопах. Но постепенно салоп утрачивает свою притягательность и носить его становится признаком дурного тона, бедности и мещанства. Салопницей стали называть бедную женщину-попрошайку или вульгарную сплетницу. К концу XIX века салопы выходят из моды.

В отличие от салопа бурнус был короток, значительно короче платья, он заканчивался немного ниже талии, обычно имел ватную подкладку и рукава. Вошел в моду в середине XIX века. Пульхерия Андреевна в комедии Островского «Старый друг лучше новых двух» говорит: *«Ведь уж все нынче носят бурнусы, уже все; кто же нынче не носит бурнусов?»* В бурнусах ходят многие молодые героини Островского, у Достоевского в бурнус одета Наташа в «Униженных и оскорбленных», Соня Мармеладова в «Преступления и наказания», даже ее девятилетняя сестра – в *«ветхом драдедамовом бурнусике»*. Однако, как и салоп, к концу XIX века бурнус выходит из моды, хотя портнихи, шившие женскую теплую одежду, еще долгое время назывались «бурнусницами».

Выходным парадным костюмом считался РОБРОН – широкое платье с округленным шлейфом. Перед вызовом к императрице Машу Миронову в «Капитанской дочке» хотят переодеть из дорожного платья в желтый роброн, но не успевают.

К концу XIX века не на долгое время входит в моду ВАТЕРПРУФ – летнее женское пальто, пришедшее из Англии. В переводе это слово означает «водонепроницаемый», на самом деле таким ватерпруф был вовсе не всегда. В ватерпруфах сидят на даче, в столовой за обеденным столом жена и теща присяжного поверенного Квашина (рассказ Чехова «Ненастье»). В ватерпруфе чеховская «Попрыгунья» даже принимает гостей. Что-то, наверное, было претенциозно-мещанское в этой одежде, не случайно гимназист – главный герой чеховского рассказа «Володя» кричит матери: *«Не смейте носить этого ватерпруфа!»*

В большой моде в XIX веке были всякого рода накидки, надеваемые на открытые плечи для согревания и красоты, прежде всего МАНТИЛЬКИ – короткие накидки без рукавов. Кокетливые мантильки носят и купеческие дочери в пьесах Островского, и знатные барыни и барышни в романах Тургенева и Гончарова.

Варенька, собравшаяся в театр в «Бедных людях» Достоевского, надевает КАНЗУ – легкую кофточку без рукавов, обшитую оборкой ФАЛЬБАЛА, а поверх нее – черную мантильку. Настасья Филипповна в «Идиоте» Достоевского, будучи в лихорадке, спрашивает себе мантилью. *«В кокетливой черной мантильке»* выступает и Настенька в «Белых ночах».

Длинная безрукавная накидка называлась ТАЛЬМА – по фамилии введшего ее в моду французского артиста. Чаще всего появляются в тальмах чеховские героини – Нина Заречная в «Чайке», Маша в «Трех сестрах». Горничная Дуняша в «Вишневом саде» просит Епиходова принести ей «тальмочку» – сыро.

В случае траура, похорон к рукавам и воротничку женского платья подшивались ПЛЕРЁЗЫ (от французского «плачущие») – особые нашивки, легко затем отпарываемые. В «Детстве» Л. Толстого «Любочка, в черном платьице, обшитом плерезами, вся мокрая от слез, опустила головку». Нигде цвет плерезов не указывается, мы склонны представить их себе черными, на самом же деле они непременно были белыми. Иногда плерезы нашивали на свою одежду мужчины.

Нарядный шарф у женщин в начале XIX века назывался ЭШАРП, не утратив своего французского происхождения, – так пишется и произносится это слово в «Горе от ума».

Из женских головных уборов на страницах классической литературы чаще всего встречается ЧЕПЕЦ, или ЧЕПЧИК. Барыни и жены чиновников носили его и дома, и в гостях, принимая гостей, а также на улице. «...Кричали женщины: ура! /И в воздух чепчики бросали!» – известная фраза у Грибоедова. Показываться посторонним людям без головного убора замужней женщине считалось неприличным. Чепцы носили иногда и молодые девушки, но для замужних дворянок он был совершенно обязателен. Купчихи и мещанки смотрели на него поначалу как на какое-то иноземное новшество. Пелагея Егоровна в комедии Островского «Бедность не порок» решительно отказывается, вопреки настоянию мужа-купца, надеть чепчик. Вместо чепчика замужние горожанки носили головной платок, так требовал национальный обычай.

В виде особой милости барыня жаловала приближенную дворовую крестьянку чепцом. В «Дворянском гнезде» экономку Агафью, впавшую в немилость, перевели в швей и «велели ей вместо чепца носить на голове платок... Барыня давно ей простила, и опалу сложила с нее, и с своей головы чепец подарила; но она сама не захотела снять свой платок».

Особенно часто мы видим чепцы на степенных пожилых дамах, вдовах – на бабушке в «Обрыве», на Татьяне Борисовне в «Записках охотника», на Пестовой в «Дворянском гнезде», на Лариной в «Евгении Онегине» и т.д. Чепец служил постоянным домашним головным убором. При выезде же надевалась шляпа или мягкий широкий БЕРЕТ. Татьяна в «Евгении Онегине» появляется на великосветском балу «в малиновом берете».

Мужская крестьянская одежда

Наиболее распространенным костюмом крестьян был русский КАФТАН. Об отличии западноевропейского кафтана от русского уже говорилось в начале этой главы. Остается добавить, что крестьянский кафтан отличался большим разнообразием. Общим для него был двубортный покрой, длинные полы и рукава, закрытая доверху грудь. Короткий кафтан назывался ПОЛУКАФТАНОМ или ПОЛУКАФТАНЬЕМ. Украинский полукафтан именовался СВИТКОЙ, это слово часто можно встретить у Гоголя. Кафтаны чаще всего были серого или синего цвета и шились из дешевого материала НАНКИ – грубой хлопчатобумажной ткани или ХОЛСТИНКИ – льняной ткани кустарной выделки. Подпоясывали кафтан, как правило, КУШАКОМ – длинным куском ткани обычно другого цвета, застегивался кафтан крючками на левую сторону.

Целый гардероб русских кафтанов проходит перед нами в классической литературе. Мы видим их на мужиках, приказчиках, мещанах, купцах, кучерах, дворниках, изредка даже на провинциальных помещиках («Записки охотника» Тургенева).

Каков был первый кафтан, с которым мы познакомились вскоре после того, как научились читать, – знаменитый «Тришкин кафтан» у Крылова? Тришка явно был бедным, неимущим человеком, иначе вряд ли бы ему понадобилось перекраивать самому свой продравшийся кафтан. Стало быть, речь идет о простом русском кафтане? Отнюдь нет – на Тришкином кафтане были фалды, которых крестьянский кафтан никогда не имел. Следовательно, Тришка перекраивает «немецкий кафтан», подаренный ему барином. И не случайно в этой связи Крылов сравнивает длину переделанного Тришкой кафтана с длиной камзола – тоже типично дворянской одежды.

Любопытно, что для малообразованных женщин всякая одежда, надеваемая в рукава мужчинами, виделась кафтаном. Других слов они и не знали. Гоголевская сваха называет кафтаном фрак Подколесина («Женитьба»), Коробочка – фрак Чичикова («Мертвые души»).

Разновидностью кафтана была ПОДДЁВКА. Лучшую характеристику ее дал блестящий знаток русского быта драматург А.Н. Островский в письме артисту Бурдину: *«Если ты называешь поддевкой кафтан со сборками сзади, который застегивается на одну сторону на крючках, то именно так должны быть одеты Восмибратов и Петр»*. Речь идет о костюмах персонажей комедии «Лес» – купце и его сыне.

Поддевка считалась более благообразным одеянием, нежели простой кафтан. Щеголеватые поддевки без рукавов, сверх полушубков, надевали состоятельные ямщики. Носили поддевку и богатые купцы, и, ради «опрошения», некоторые дворяне, например Константин Левин в своей деревне («Анна Каренина»). Любопытно, что, подчиняясь моде, как некий русский национальный костюмчик, маленькому Сереже в том же романе сшили *«сборчатую поддевку»*.

СИБИРКОЙ назывался короткий кафтан, обычно синего цвета, сшитый в талию, без разреза сзади и с невысоким стоячим воротником. Сибирки носили лавочники и купцы и, как свидетельствует Достоевский в «Записках из Мертвого дома», заводили себе и некоторые арестанты.

АЗЯМ – разновидность кафтана. Шился он из тонкой ткани и носился только летом.

Верхней одеждой крестьян (не только мужчин, но и женщин) служил АРМЯК – тоже разновидность кафтана, сшитая из фабричной материи – толстого сукна или грубой шерсти. Богатые армяки выделялись из верблюжьей шерсти. Это было широкое, долгополое одеяние вольного покроя, напоминающее халат. Темный армяк носил тургеневский «Касьян с Красивой Мечи». Армяки мы часто видим на некрасовских мужиках. Стихотворение Некрасова «Влас» начинается так: *«В армяке с открытым воротом, / С обнаженной головой, / Медленно проходит городом / Дядя Влас – старик седой»*. А вот как выглядят некрасовские мужички, дожидаящиеся «у парадного подъезда»: *«Загорелые лица и руки, / Армячишко худой на плечах, / По котомке на спинах согнутых, / Крест на шее и кровь на ногах...»* Тургеневский Герасим, выполняя волю барыни, *«накрыл Муму своим тяжелым армяком»*.

Армяки часто носили ямщики, надевая их зимой сверх полушубков. Герой повести Л. Толстого «Поликушка» едет за деньгами в город *«в армяке и шубе»*.

Гораздо примитивнее армяка был ЗИПУН, который шили из грубого, обычно домотканого сукна, без воротника, с раскошенными полами. Увидев сегодня зипун, мы сказали бы: «Балахон какой-то». *«Ни кола, ни двора, / Зипун – весь прожиток»*, – читаем в стихотворении Кольцова про бедного мужика.

Зипун был своего рода крестьянским пальто, предохраняющим от стужи и непогоды. Носили его и женщины. Зипун воспринимался как символ бедности. Недаром пьяный портной Меркулов в рассказе Чехова «Капитанский мундир», хвастаясь былыми высокопоставленными заказчиками, восклицает: *«Пуцай лучше помру, чем зипуны шить!»*

В последнем номере своего «Дневника писателя» Достоевский призывал: *«Дослушаем серых зипунов, что-то они скажут»*, имея в виду бедный, трудовой народ.

Разновидностью кафтана была и ЧУЙКА – длинный суконный кафтан халатного покроя. Чаще всего чуйку можно было видеть на купцах и мещанах – трактирщиках, мастеровых, торговцах. У Горького есть фраза: *«Пришел какой-то рыжий мужчина, одетый мещанином, в чуйку и высокие сапоги»*.

В русском быту и в литературе слово «чуйка» иногда употреблялось как синекдоха, то есть обозначение ее носителя по внешнему признаку – недалекого, невежественного человека. В поэме Маяковского «Хорошо!» есть строки: *«Салоп говорит чуйке, чуйка салопу»*. Здесь чуйка и салоп – синонимы заскорузлых обывателей.

Домотканый кафтан из грубого некрашеного сукна назывался СЕРМЯГОЙ. В рассказе Чехова «Свирель» изображен старик-пастух в сермяге. Отсюда эпитет сермяжный,

относящийся к отсталой и бедной старой России – сермяжная Русь.

Историки русского костюма отмечают, что для крестьянской одежды не существовало строго определенных, постоянных названий. Многие зависело от местных говоров. Некоторые одинаковые предметы одежды в разных говорах назывались по-разному, в других случаях одним словом в различных местах назывались различные предметы. Это подтверждается и русской классической литературой, где понятия «кафтан», «армяк», «азям», «зипун» и другие нередко смешиваются, иногда даже у одного и того же автора. Однако наиболее общие, распространенные характеристики этих видов одежды мы сочли своим долгом привести.

Из крестьянских головных уборов только недавно исчез КАРТУЗ, имевший непременно околыш и козырек, чаще всего темного цвета, иначе говоря – неформенная фуражка. Картуз, появившийся в России в начале XIX века, носили мужчины всех сословий, сначала помещики, потом мещане и крестьяне. Иногда картузы были теплыми, с наушниками. Манилов («Мертвые души») появляется *«в теплом картузе с ушами»*. На Инсарове («Накануне» Тургенева) *«странный, ушастый картуз»*. В картузах ходят Николай Кирсанов и Евгений Базаров («Отцы и дети» Тургенева). *«Изношенный картуз»* – на Евгении, герое «Медного всадника» Пушкина. В теплом картузе путешествует Чичиков. Иногда картузом называлась и форменная фуражка, даже офицерская: Бунин, например, вместо слова «фуражка» употреблял «картуз».

У дворян была особая, форменная фуражка с красным околышем.

Здесь надо предупредить читателя: слово «картуз» в старину имело и другое значение. Когда Хлестаков приказывает Осипу посмотреть в картузе, нет ли там табака, речь идет, конечно, не о головном уборе, а о мешочке для табака, кисете.

Простой трудовой люд, в частности ямщики, носил высокие, округлые шапки, прозванные ГРЕЧНЕВИКАМИ – по сходству формы с популярной в то время лепешкой, испеченной из гречневой муки. ШЛЫКОМ пренебрежительно называлась всякая крестьянская шапка. В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» есть строки: *«Гляди, куда деваются крестьянские шлыки»*. На ярмарке мужики оставляли свои шапки трактирщикам в залог, чтобы позднее выкупить.

В названиях обуви особых изменений не произошло. Низкая обувь, как мужская, так и женская, в старину называлась БАШМАКАМИ, ботинки появились позднее, ничем существенно не отличаясь от башмаков, но дебютировали в женском роде: на ноге у героев Тургенева, Гончарова, Л. Толстого была БОТИНКА, а не ботинок, как говорим мы сегодня. Кстати, ботинки, начиная с 1850-х годов, активно вытеснили почти неизменные для мужчин сапоги. Особо тонкая, дорогая кожа для сапог и другой обуви называлась ВЫРОСТКОВОЙ (из шкуры теленка менее чем годовичного возраста) и ОПОЙКОВОЙ – из шкуры теленка, еще не перешедшего на растительный корм.

Особо щегольскими считались сапоги с НАБОРОМ (или сборками) – мелкими складками на голенищах.

Еще лет сорок назад многие мужчины носили на ногах ШТИБЛЕТЫ – ботинки с крючками для наматывания шнурков. В таком значении мы встречаем это слово у Горького и Бунина. Но вот уже в начале романа Достоевского «Идиот» мы узнаем о князе Мышкине: *«На ногах его были толстоподошвенные башмаки со штиблетами – все не по-русски»*. Современный читатель умозаключит: не только не по-русски, но и не по-людски вовсе: две пары обуви на одном человеке? Однако во времена Достоевского штиблеты означали то же, что гетры – теплые чехлы, надеваемые поверх обуви. Эта западная новинка вызывает ядовитые замечания Рогожина и даже клеветническую эпиграмму на Мышкина в прессе: *«Возвратясь в штиблетах узких, / Миллион наследства взял»*.

Женская крестьянская одежда

Деревенской женской одеждой исстари служил САРАФАН – длинное безрукавное платье с наплечьями и пояском. Перед приступом пугачевцев на Белогорскую крепость («Капитанская дочка» Пушкина) ее комендант говорит жене: *«Коли успеешь, надень на Машу сарафан»*. Деталь, современным читателем не замечаемая, но существенная: комендант рассчитывает, что в деревенской одежде, в случае взятия крепости, дочь затеряется в толпе крестьянских девушек и не будет опознана как дворянка – капитанская дочка.

Замужние носили ПАНЁВУ или ПОНЁВУ – домотканую, обычно полосатую или клетчатую шерстяную юбку, зимой – с телогрейкой. О купчихе Большой приказчик Подхалюзин в комедии Островского «Свои люди – сочтемся!» с презрением говорит, что она *«чуть-чуть не поневица»*, намекая на ее простонародное происхождение. В «Воскресении» Л. Толстого отмечается, что бабы в сельской церкви были в панёвах. В будни на голове носили ПОВОЙНИК – платок, обвитый вокруг головы, в праздники КОКОШНИК – довольно сложное сооружение в виде полукруглого щитка надо лбом и с тульей сзади, или КИКУ (КИЧКУ) – убор с выдающимися вперед выступами – «рогами».

Появиться на людях с непокрытой головой для замужней крестьянки считалось большим позором. Отсюда «опростоволоситься», то есть опозориться, оскандалиться.

Слово «ШУШУН» – род деревенской телогрейки, короткой кофты или шубки, памятно нам по популярному «Письму матери» С. А. Есенина. Но встречается оно в литературе много раньше, еще в «Арапе Петра Великого» Пушкина.

Некоторые детали туалета и прически

Иные из них, давно вышедшие из обихода, сохранились в текстах классических художественных произведений, затрудняя наше восприятие. Объясним те, что встречаются относительно чаще других.

БУКЛЯ, или ПУКЛЯ, – завиток волос, выпущенный на лоб или виски, очень модный во второй половине XVIII века. Одно время букли обязаны были носить даже солдаты.

КУАФЮРА – пышная дамская прическа, реже – головной убор.

МАНИШКА – надевалась мужчинами на грудь, имитируя перед сорочки. Носится под фраком и в наши дни.

ОМБРЕЛЬКА – зонтик от солнца (от французского «ombre» – тень). Об омбрельке как о зонтике, *«ненужном ночью»*, говорит рассказчик в «Преступлении и наказании» Достоевского (часть 2, глава 7).

ПАЧУЛИ – распространенные в прошлом веке сильно пахнущие дешевые духи. Для Лаврецкого в «Дворянском гнезде» Тургенева запах этот *«весьма ему противный»*, Гаев в «Вишневом саде» Чехова дразнит лакея Яшу за то, что от него пачулями пахнет.

ТОК – высокая дамская шляпа без полей.

ТУПЕЙ – старинная мужская прическа – взбитый на голове хохол. Судя по портретам, его носил и Суворов. Фамусов в «Горе от ума» говорит о важных вельможах времен Екатерины II: *«Раскланяйся – тупеем не кивнут»*. У Лескова есть рассказ о крепостном парикмахере «Тупейный художник».

ТУРНИОР – валик, подкладываемый сзади под дамское платье ниже талии для придания пышности фигуре, или широкая юбка соответствующего фасона.

Но тут надо сделать оговорку. В романе Тургенева «Новь» читаем об одном из героев: *«Опытный глаз парижанки тотчас подметил в его туалете, в его турнюре, в самой его походке... отсутствие настоящего чистокровного шику»*. Как, неужели и мужчины носили турнюры? Нет, здесь турнюр – передача французского слова «tournure» в смысле «манера держаться». В этом значении слово не привилось в русском языке, его нет ни в одном русском словаре.

ТЮРЛЮРЛЮ – легкая мантилька. Это манерное слово произносит Наталья

Дмитриевна в «Горе от ума»: *«Нет, если б видели мой тюрлюрю атласный»*.

ШЕМИЗЕТКА – легкая кофта, но чаще вставка на груди женских блузок.

Бороды и усы

Ношение их строго регламентировалось. Петр I приказал брить бороду, оставив ее только крестьянам, купцам, мещанам и духовенству. Этот указ очень долго оставался в силе. Усы до 1832 года могли носить только гусары и уланы, затем разрешили всем остальным офицерам. В 1837 году царь Николай I строго запретил носить бороду и усы чиновникам, хотя и до того лица, состоящие на государственной службе, отпускали бороду крайне редко. В 1848 году Николай пошел еще дальше: приказал брить бороду всем дворянам без исключения, даже не служащим, видя, в связи с революционным движением на Западе, в бороде приметку вольномыслия.

После воцарения Александра II законы смягчились, однако чиновникам разрешалось носить только бакенбарды, которыми щеголял и сам император. Тем не менее борода с усами с 1860-х годов стала принадлежностью чуть ли не всех неслужащих мужчин, своего рода модой. В романе «Идиот» Достоевского о Птицыне говорится: *«Темно-русовая бородка обозначала в нем человека с неслужебным занятием»*. Толстовский Каренин, важный сановник, ходит в бакенбардах.

С 1880-х годов бороды разрешили носить всем чиновникам, офицерам и солдатам, однако в отдельных полках на этот счет были свои правила. Слугам же носить бороды и усы возбранялось, за исключением кучеров и дворников.

Ткани

Их разнообразие было велико, а мода и промышленность вводили все новые, заставляя забывать старые. Поясим в словарном порядке только те названия, которые чаще всего встречаются в литературных произведениях, оставаясь для нас непонятными.

АЛЕКСАНДРЕЙКА, или КСАНДРЕЙКА, – красная или розовая хлопчатобумажная ткань в белую, розовую либо синюю полоску. Охотно использовалась для крестьянских рубах, считаясь очень нарядной.

БАРЕЖ – легкая шерстяная или шелковая ткань с узорами. Из нее чаще всего шились в прошлом веке платья и блузки.

БАРАКАН, или БАРКАН, – плотная шерстяная ткань. Использовалась для обивки мебели.

БУМАЖНЫЙ. Осторожней с этим словом! Читая у классиков, что кто-то надел бумажный колпак или что Герасим в «Муму» подарил Тане бумажный платок, не следует понимать это в современном смысле; «бумажный» в старину означало «хлопчатобумажный».

ГАРНИТУР – испорченное «городтур», плотная шелковая ткань.

ГАРУС – грубоватая шерстяная ткань или подобная ей хлопчатобумажная.

ДЕМИКОТОН – плотная хлопчатобумажная ткань.

ДРАДЕДАМ – тонкое сукно, буквально «дамское».

ЗАМАШКА – то же, что посконина (см. ниже). На Бирюке в одноименном рассказе Тургенева – замашная рубашка.

ЗАТРАПЕЗА – дешевая хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток. Изготавливалась на фабрике купца Затрапезнова в Ярославле. Ткань исчезла, а слово «затрапезный» – будничный, второсортный – в языке осталось.

КАЗИНЕТ – гладкая полушерстяная ткань.

КАМЛЮТ – плотная шерстяная или полушерстяная ткань в полоску грубой выработки.

КАНАУС – дешевая шелковая ткань.

КАНИФАС – хлопчатобумажная ткань в полоску.
КАСТОР – сорт тонкого плотного сукна. Использовался для шляп и перчаток.
КАШЕМИР – дорогая мягкая и тонкая шерсть или полушерсть.
КИТАЙКА – гладкая хлопчатобумажная ткань, обычно синяя.
КОЛЕНКОР – дешевая хлопчатобумажная ткань, одноцветная или белая.
КОЛОМЯНКА – домодельная пестрая шерстяная или льняная ткань.
КРЕТОН – плотная цветная ткань, использовавшаяся для обивки мебели и штофных обоев.
ЛЮСТРИН – шерстяная ткань с гляncем.
МУХОЯР – хлопчатобумажная пестрая ткань с примесью шелка или шерсти.
НАНКА – популярная среди крестьян хлопчатобумажная плотная ткань. По названию китайского города Нанкин.
ПЕСТРЯДЬ – грубая льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток.
ПЛИС – плотная хлопчатобумажная ткань с ворсом, напоминающая бархат. Слово того же происхождения, что и плюш. Из плиса шили дешевую верхнюю одежду и обувь.
ПОСКОНИНА – домотканый холст из конопляного волокна, часто использовалась для крестьянской одежды.
ПРЮНЕЛЬ – плотная шерстяная или шелковая ткань, из которой шили дамскую обувь.
САРПИНКА – тонкая хлопчатобумажная ткань в клетку или полоску.
СЕРПЯНКА – грубая хлопчатобумажная ткань редкого плетения.
ТАРЛАТАН – прозрачная, легкая ткань, похожая на кисею.
ТАРМАЛАМА – плотная шелковая или полушелковая ткань, из которой шили халаты.
ТРИП – шерстяная ворсистая ткань вроде бархата.
ФУЛЯР – легкий шелк, из которого чаще всего изготовлялись головные, шейные и носовые платки, иногда последние поэтому назывались фулярами.
ХОЛСТИНКА – легкая полотняная или хлопчатобумажная ткань.
ШАЛОН – плотная шерсть, из которой шилась верхняя одежда.
И в заключение о некоторых РАСЦВЕТКАХ.
АДЕЛАИДА – темно-синий цвет.
БЛАНЖЕВЫЙ – телесного цвета.
ДВУЛИЧНЕВЫЙ – с переливом, как бы двух цветов с лицевой стороны.
ДИКИЙ, ДИКЕНЬКИЙ – светло-серый.
МАСАКА – темно-красный.
ПУКЕТОВЫЙ (от испорченного «букет») – расписанный цветами.
ПЮСОВЫЙ (от французского «puse» – блоха) – темно-коричневый.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ НА ЧЕМ ПЕРЕДВИГАЛИСЬ

Средства передвижения

Невозможно представить себе героя «Путешествия из Петербурга в Москву» без его неизменной кибитки, Чичикова – без брички, которую мчит по просторам Руси «птица тройка», путешествующего по Европе Онегина – без его «легкой коляски». Но хорошо ли мы представляем себе эти экипажи? И почему автор назначает своему герою именно такое средство передвижения, а не другое?

У классиков не бывает случайностей. Вид повозки, количество впряженных лошадей, способ путешествия (на своих или на почтовых), скорость движения – все это не только исторически точно и осмысленно, но и глубоко продумано и обосновано.

В далекие времена, когда еще не было ни железных дорог, ни автобусов, конные экипажи на колесах или полозьях представляли собой единственное средство передвижения

на более или менее дальние расстояния. Каким же образом передвигались наши герои за пределами города или собственного имения?

Способов было четыре. Самый дешевый – разумеется, для имущих – в личном экипаже, со своим кучером, на собственных лошадях. Но это требовало длительного времени: лошадей надо было часто останавливать для отдыха и кормления. Это называлось ездить «НА СВОИХ», или «НА ДОЛГИХ». Именно таким, наиболее экономным способом добиралась Татьяна Ларина до Москвы – предположительно из псковской деревни:

*К несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладились
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.*

Второй способ – езда НА ПОЧТОВЫХ, или НА ПЕРЕКЛАДНЫХ, – был возможен только на ПОЧТОВЫХ ТРАКТАХ, то есть на дорогах с движением почтовых карет и станциями, расположенными верстах в тридцати одна от другой. Для такой поездки требовалось выписать в местной полиции ПОДОРОЖНУЮ, то есть свидетельство, дающее право на определенное, соответственно чину и званию, количество лошадей. Если вы ехали по личной надобности, то предварительно вносили плату и получали простую подорожную, если же, как лермонтовский Печорин, «по казенной надобности», то есть по делам службы, то вам выдавалась подорожная, оплаченная казной. Плату – она называлась ПРОГОНЫ или ПРОГОННЫЕ – брали по версту, то есть с версты. Если вы задумали бы выехать из города без подорожной, вас задержал бы дежурящий на заставе караульный офицер.

В распоряжении этого офицера состоял нестроевой солдат, по тогдашней терминологии ИНВАЛИД (вовсе не обязательно увечный), который по его команде поднимал или опускал шлагбаум.

В стихотворении «Дорожные жалобы», размышляя о том, как он кончит дни свои, Пушкин допускает и такое:

*...Иль мне в лоб шлагбаум влетит
Непроворный инвалид.*

Итак, вы оплатили поездку, если этого не сделала казна, и оформили все документы. Заранее нанятый ямщик в обусловленное время приезжал с лошадьми к вам в дом или в гостиницу. Они впрягались в подготовленный вами собственный экипаж, и вы становились путешественником: следовали до ближайшей ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ (иначе – ПОЧТОВЫЙ ДВОР или ЯМ – отсюда и слово «ЯМЩИК»). Здесь путник предъявлял СТАНЦИОННОМУ СМОТРИТЕЛЮ подорожную, его записывали в особую книгу, после чего, при наличии свежих лошадей (а их иногда приходилось подолгу дожидаться: расписания не было), ехали до следующей станции, где повторялась та же процедура.

Обстановка почтовых станций, хлопоты замученных станционных смотрителей, утомительное ожидание освободившихся лошадей, наглость высоких чинов или просто нахалов, требующих упряжки в первую очередь, тяжкие ночевки в неблагоустроенных и тесных помещениях – все это нам знакомо по многим литературным произведениям. «Обычные сцены: на станциях ад – / Ругаются, спорят, толкуются», – читаем в поэме Некрасова «Русские женщины». Зато «езда на почтовых» (на них именно летел Онегин к заболевшему дяде) была наиболее быстрой, в особенности же, если это были КУРЬЕРСКИЕ – лошади, приберегаемые для экстренных случаев, правительственных курьеров – фельдъегерей и особо важных персон.

Разница в скорости между обоими видами образно отражена в попреке Иудушки Головлева племяннице Анненьке: «Ты вот на почтовых суп скушала, а я – на долгих ем».

Третий способ – езда НА ВОЛЬНЫХ, или НА ОБЫВАТЕЛЬСКИХ. Тут уже не

требовалась подорожная, но цена была гораздо более высокой. На почтовой станции вы нанимали по договоренной цене ямщика из местных жителей, с лошадьми, который вез вас до ближайшей станции, где нанимались новые лошади с ямщиком. В этом случае экипаж мог принадлежать не ездоку, а ямщику, что стоило, конечно, много дороже. Иногда этот способ передвижения назывался ездой НА СДАТОЧНЫХ, а лошади и кареты – ЯМСКИМИ. Возле почтовых дорог располагались деревни с ямщиками, обычно – оброчными крестьянами, ведал ими ЯМЩИЦКИЙ СТАРОСТА.

И, наконец, четвертый способ передвижения стал возможен только начиная с 1820 года, когда между Петербургом и Москвой стал регулярно ходить рейсовый экипаж – ДИЛИЖАНС. Вскоре дилижансы стали курсировать и по другим маршрутам между крупными городами. Путешественники вначале негодовали: в отличие от старых возков или кибиток, где можно было лежать, в дилижансах приходилось только сидеть, притом в тесноте. Отсюда дилижанс (от франц. «diligence») насмешливо перекрестили в НЕЛЕЖАНС или СИДЕЙКУ.

В статье «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин отмечает удобство *«поспешного дилижанса»* по сравнению с прежней почтовой каретой. С прокладкой шоссе рейс между двумя столицами – 726 верст – дилижанс стал проделывать в двое суток с половиной, вместо четырех – четырех с половиной на перекладных до того.

Мест в дилижансе было зимой четыре, летом – шесть. Дилижанс запрягался четырьмя лошадьми в ряд. Что касается почтовых лошадей, то по закону, в зависимости от чина и должности заказавшего, количество лошадей составляло: до трех – для неслужащих и чиновников низшего ранга, до 20 – для особ I класса табели о рангах. Важный сановник Каренин получал прогонные деньги на 12 лошадей.

Рассказчик в повести Пушкина «Станционный смотритель», титулярный советник, указывает: «Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади».

Даже для собственных экипажей количество лошадей строго регламентировалось в зависимости от чина и сословия владельца. Купчиха Большова в комедии Островского «Свои люди – сочтемся!» говорит о своей дочери, мечтающей выйти замуж за дворянина: *«Только бы ей в карете ехать шестеркой»*. На что муж ее замечает: *«Поедет и парочкой – не велика помещица!»* Незначительный, казалось бы, разговор, однако за ним – существенные исторические реалии: ШЕСТЕРКОЙ в дореформенное время разрешалось ездить только дворянам, купцам же – не более чем на одной паре лошадей.

Скорость движения почтовых экипажей составляла зимой не более 12 верст в час, летом – 8-10, осенью – не более 8 по немощеной дороге. В сутки проезжали 100-150 верст. Только фельдъегеря обязаны были ехать *«столь поспешно, сколько сие будет возможно»*, и иногда проделывали в день 200 верст.

В наш век сверхскоростей любопытно узнать, что называлось в старину нормальной скоростью, а что повышенной. В «Братьях Карамазовых» Достоевского узнаем, что Дмитрий *«проехал до Мокрого на тройке час с четвертью при расстоянии 20 верст с небольшим»*. Если принять эти «20 верст с небольшим» за 23 километра, то ехал он со скоростью чуть более 18 километров в час, при этом *«быстрая езда как бы вдруг освежила Митю»*. Ничего себе быстрая езда!

Ямщик Балага в «Войне и мире», которого Анатолий Курагин нанял для того, чтобы увезти Наташу Ростову, *«любил эту безумную езду, по восемнадцать верст в час»*, то есть 19 километров с небольшим. Какой помехой стал бы Балага на современных дорогах!

Что касается «своих» или «долгих», то в «Пошехонской старине» Салтыков-Щедрин отмечает: *«В старину помещики берегли лошадей и ездили медленно, не более семи верст в час»* (летом).

Почтовые тракты иногда назывались СТОЛБОВЫМИ ДОРОГАМИ, так как расстояния на них отмечались ВЕРСТОВЫМИ СТОЛБАМИ. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» начинается с того, что *«на столбовой дороженьке / Сошлись семь мужиков»*.

В некоторых произведениях встречается непонятное ныне слово «подстава». В «Войне и мире» навстречу немцу доктору, ехавшему из Москвы, была выслана «подстава на большую дорогу». ПОДСТАВОЙ назывались свежие лошади, высылаемые с кучером в обусловленное место для перепряжки их в экипаж взамен уставших.

Упряжки

Прежде всего о выражении «ЗАКЛАДЫВАТЬ ЛОШАДЕЙ». Это означало запрячь их в экипаж; ОТКЛАДЫВАТЬ, или РАСКЛАДЫВАТЬ, – распрячь, отпрячь; ПЕРЕКЛАДЫВАТЬ (отсюда и слово «ПЕРЕКЛАДНЫЕ») – перепрячь, заменить одних лошадей другими.

УПРЯЖКИ бывали разными, и отличались они не только количеством лошадей, но и порядком их расположения. Наиболее популярной в России была ТРОЙКА: средняя лошадь, наиболее крепкая, называлась КОРЕННОЙ или КОРЕННИКОМ, на нее приходилась главная нагрузка. Боковые лошади назывались ПРИСТЯЖНЫМИ. Коренник бежал рысью, пристяжные галопом. Тройка воспета в десятках русских стихотворений, песен и романсов, не потерявших своей популярности и в наши дни. Гоголевская «птица тройка», которой писатель уподобил Русь, памятна каждому.

Ездили и на ЧЕТВЕРКАХ, или ЧЕТВЕРНЯХ, – четырех лошадях, запряженных в ряд, что было возможно только для широких дорог, а чаще запряженных попарно, одна пара за другой, то есть ЦУГОМ. ШЕСТЕРКИ, или ШЕСТЕРНИ, ВОСЬМЕРКИ т.д. также впрягались парами, в линию. Пары лошадей, впряженные справа и слева от ДЫШЛА, то есть одиночной оглобли, назывались ДЫШЛОВЫМИ – правой и левой. Передняя пара лошадей именовалась УНОСНОЙ.

Упряжка парой, когда в оглобли впрягался коренник, а к нему привязывалась ПРИСТЯЖНАЯ, называлась ПАРОЙ НА ОТЛЁТЕ или ПАРОЙ С ОТЛЁТОМ.

ЦУГОМ, то есть с большим количеством лошадей, не менее четырех, впряженных попарно, ездили очень богатые, сановитые люди. «...*Весь в орденах, ежжал-то вечно цугом...*» – восторженно говорит Фамусов о важном вельможе Максиме Петровиче.

ГУСЕМ, то есть одна за другой (до пяти), запрягались лошади, как правило, за городом, на узкой зимней дороге, чтобы не увязнуть в сугробе. В рассказе Чехова «По делам службы» после метельной ночи «*лошади, запряженные гусем, ожидали у крыльца с пяти часов утра*»: к ним идут доктор и следователь в шубах и валенках. При запряжке цугом на одной из передних лошадей непременно сидел верхом ФОРЕЙТОР (в переводе с немецкого – передний всадник), в народном произношении ФАЛЕТОР, обычно мальчишка или же, как исключение, взрослый человек малого веса, чтобы не отягощать лошади. Обязанностью форейтора было управлять передней парой лошадей, которые служили направляющими для остальных.

Приближение почтового экипажа оповещал звон КОЛОКОЛЬЧИКА, прикрепленного под дугой коренника. У пристяжных лошадей, ходивших без дуги, к сбруе подвешивались БУБЕНЦЫ. Крупные бубенцы, издававшие глухой звук, назывались ГЛУХАРЯМИ. Звон колокольчиков и бубенцов многократно описан в старой литературе. Чацкий, вспоминая о своей поездке в Москву на почтовой тройке, говорит Софье:

*...Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне
Спешу к вам голову сломя.*

Пушкин в «Графе Нулине» обобщает:

*Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот верно знает сам,*

*Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам.*

В главе XVII 3-й части 3-го тома романа «Война и мир» Л. Толстой чрезвычайно картинно и подробно, на целой странице, описывает отправление из Москвы кареты графини Ростовой: долго укладываются, два гайдука готовятся посадить графиню, но она приказывает удобнее переложить сидение. Старый кучер Ефим терпеливо ждет, когда прикажут трогаться. *«Наконец, все уселись; ступеньки собрались и закинулись в карету, дверка захлопнулась...»*

– С Богом! – сказал Ефим, надев шляпу. – Вытягивай! – Форейтор тронул. Правый дышловой влег в хомут, хрустнули высокие рессоры, и качнулся кузов, лакей на ходу вскочил на козлы. Встряхнуло карету при выезде со двора на тряскую мостовую, так же встряхнуло другие экипажи, и поезд тронулся вверх по улице».

Остановимся на РЕССОРАХ. В древности их не было: для смягчения дорожной тряски кузова экипажей подвешивались к раме, снабженной столбиками, на ремнях. К концу XVIII века появляются металлические рессоры. Сначала это были высокие, они же стоячие, или круглые, рессоры – полукружия, соединяющие раму с кузовом по вертикали: именно такими была снабжена карета Ростовых. Вскоре их заменили лежачие, или плоские, рессоры – две или более скрепленные по краям пластины, расположенные горизонтально, сжимающиеся под воздействием дорожных неровностей – в принципе такие же, как у современных грузовиков. Подобные усовершенствованные рессоры долгое время считались признаком особого комфорта и достатка владельца экипажа, предметом его гордости и зависти окружающих.

Теперь нам яснее становится концовка стихотворения Некрасова «Гадающей невесте», в которой автор, как бы обращаясь к влюбленной в модного хлыща девушке, пророчит:

*Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей –
Все отдаст за плоские рессоры
И за пару кровных лошадей!*

Особым шиком считалось прокатиться на ямской тройке с набором – в такую поездку собираются персонажи «Женитьбы Бальзамина» Островского. НАБОРОМ называлась упряжь, богато украшенная блестящими бляхами.

Виды экипажей

Наиболее удобным, дорогим и комфортабельным экипажем была КАРЕТА, отличавшаяся полностью закрытым кузовом, с обязательными рессорами. Кучер располагался на передке – КОЗЛАХ, подвергаясь, в отличие от ездоков, всем воздействиям непогоды. В экипажах попроще козел могло не быть, и тогда возница сидел просто на высоком краю, окаймлявшем повозку, который назывался ОБЛУЧКОМ. Внутри карета имела мягкие сидения – от двух до шести, окошечки по бокам и спереди – для общения с кучером. Позади кузова, на ЗАПЯТКАХ, то есть специальной подножке, при особо торжественных выездах стояли один или два ВЫЕЗДНЫХ ЛАКЕЯ – ГАЙДУКИ. Для входа в карету служили дверцы, к ним вела ступенька-подножка, закидываемая после посадки внутрь кареты и откидываемая гайдуком после остановки. Часто подножки закидывались и откидывались с грохотом, так, во всяком случае, говорится в «Двух гусарах» Л. Толстого. По бокам кареты в темное время горели фонари.

Кареты чаще всего закладывались тройкой или четверкой, легкие кареты – парой. На приемы и балы полагалось ехать в карете; если не было своей, нанимали ямскую. Так,

Евгений Онегин поскакал на бал *«стремглав в ямской карете»*. Аристократические персонажи «Анны Карениной» разъезжают в собственных каретах; однако, уйдя от мужа, Анна Каренина едет к сыну Сереже, наняв *«извозчицью карету»*.

Забитый чиновник Макар Девушкин («Бедные люди» Достоевского) так передает свои впечатления от карет: *«Пышные экипажи такие, стекла, как зеркало, внутри бархат и шелк... Я во все кареты заглядывал, всё дамы сидят, такие разодетые, может быть, и княжны и графини»*.

ДОРМЕЗОМ (в переводе с французского «спальная») называлась просторная карета со спальными местами, предназначенная для дальних поездок. Такая карета, унаследованная от родителей, была у Л.Н. Толстого, как вспоминал его старший сын, ее везли шесть лошадей. У дорожных экипажей наверху были ВАЖИ, или ВАШИ, – ящики для поклажи, а сзади ГОРБОК, тоже служивший для помещения багажа.

Более простыми и легкими экипажами были КОЛЯСКИ. В отличие от карет кузов у них был открытый, но с откидным верхом. Коляски обычно запрягались парой или тройкой лошадей, однако очень богатые люди, вроде Троекурова в «Дубровском», Андрея Болконского в «Войне и мире» или губернаторской дочки в «Мертвых душах», ездили в коляске шестериком.

Известен рассказ Гоголя «Коляска», в котором гости обнаруживают спрятавшегося от них хозяина в его новой коляске. В рассказе Чехова «Враги» различие кареты и коляски служит важной характеристикой социального и нравственного различия персонажей. Богатый помещик заезжает за доктором в коляске. Когда выясняется, что вызов был ложным и ненужным, доктор, у которого только что умер сын, высказывает свое негодование помещику, после чего тот приказывает лакею: *«Пошел, скажи, чтобы этому господину подали коляску, а для меня веди заложить карету»*. Карета подчеркивала материальное превосходство помещика над доктором.

Разновидностями щегольских городских колясок с открывающимся верхом были ФАЭТОН и ЛАНДО.

ТАРАНТАС служил дорожным экипажем, поэтому прочность его считалась более важным качеством, нежели красота. Кузов его крепился на длинных – до трех саженей – продольных брусках, так называемых ДРОГАХ, которые заменяли рессоры, амортизируя толчки и смягчая тряску. В Сибири тарантасы из-за их длины назывались ДОЛГУШАМИ.

Вот как описывает эту повозку писатель В.А. Соллогуб в повести «Тарантас»: *«Вообразите два длинных шеста, две параллельные дубины, неизмеримые и бесконечные; посреди них как будто брошена нечаянно огромная корзина, округленная по бокам... На концах дубин приделаны колеса, и все это странное создание кажется издали каким-то диким порождением фантастического мира»*.

Тарантасами охотно пользовались помещики вроде Кирсанова, Лаврецкого и Рудина у Тургенева, Головлевы у Салтыкова-Щедрина, Левин у Л. Толстого и т.д. Именно тарантас чаще всего использовался при езде «на долгих», ехали в нем лежа. Позднее тарантас приобрел рессоры.

БРИЧКА была гораздо легче громоздкого тарантаса, но тоже выдерживала дальние поездки – так можно судить по той бричке, на которой разъезжал по Руси Чичиков. Как и тарантас, бричка имела откидывающийся верх, иногда плетеный, иногда кожаный – БУДКУ. В чичиковской бричке верх кузова, то есть своего рода шатер над седоком, был *«от дождя задернут кожаными занавесками с двумя круглыми окошечками, определенными на рассматривание дорожных видов»*. На козлах рядом с кучером Селифаном сидел лакей Петрушка. Бричка эта была *«довольно красивая, рессорная»*.

Долго не исчезали допотопные безрессорные брички – в такой едет мальчик Егорушка в чеховской «Степи».

На почтовой бричке, запряженной парой шершавых, рыженьких лошадей, ездит горьковский Клим Самгин.

В наше время бричкой называют простую одноконную легкую повозку.

ДРОЖКИ получили свое название от описанных выше дрог – длинных брусьев, соединяющих обе оси. Первоначально это была совсем примитивная повозка: на доску, положенную сверху, приходилось садиться верхом или боком. Подобного рода дрожки иногда называли ТРЯСУЧКАМИ. Позднее дрожки усовершенствовались, обрели рессоры и кузов. Такие дрожки иногда получали название КОЛЯСКИ, по сходству. Но ни старые, ни более совершенные дрожки для езды на особо длинные расстояния не использовались. Это был преимущественно городской экипаж. Городничий в «Ревизоре» едет в гостиницу на дрожках, Бобчинский готов петушком бежать за ним, любопытствуя посмотреть на ревизора. В следующем действии городничий едет на дрожках с Хлестаковым, а не хватает места Добчинскому... У гоголевских старосветских помещиков были дрожки с огромным кожаным фартуком, от которых воздух наполнялся странными звуками.

Очень часто в русской литературе встречаются БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ, или сокращенно БЕГУНКИ, – двухместные, впряженные в одну лошадь. Такие дрожки использовались помещиками или их управляющими для объезда имения, поездки к ближайшим соседям и т.п., одним словом, заменяли еще не появившийся тогда велосипед. Управлял лошадей один из седоков: так, в «Дубровском» Троекуров правит дрожками сам. Ласунская у Тургенева недовольна Рудиным из-за того, что он ездит на беговых дрожках, на неизменном своем рысачке, «как приказчик».

Городские ИЗВОЗЧИЧЬИ ДРОЖКИ назывались ПРОЛЕТНЫМИ и вскоре сократили свое название до слова «ПРОЛЕТКА». Такой легкий двухместный экипаж с рессорами и поднимающимся верхом можно было видеть в городах СССР еще в 1940-х годах. Выражение «ехать на извозчике» означало «ехать на извозчичьей пролетке», зимой же – на извозчичьих санках сходной конструкции.

Городские извозчики разделялись на ВАНЕК, ЛИХАЧЕЙ и нечто промежуточное – ЖИВЕЙНЫХ. Ванькой назывался полунищий крестьянин, приехавший на заработки в город, обычно зимой, по выражению Некрасова, на «*ободранной и замороженной кляче*» и с соответствующей повозкой и сбруей. У лихача, наоборот, была хорошая, резвая лошадь и щегольской экипаж.

Рессорные пролетки появились только в 1840-х годах. До того у извозчиков были КАЛИБЕРНЫЕ ДРОЖКИ, или просто КАЛИБЕР. На таких дорожках мужчины ездили верхом, женщины садились боком, поскольку это была простая доска, положенная на обе оси, с четырьмя примитивными круглыми рессорами. Одноместный калибер назывался ГИТАРОЙ – по сходству формы сидения. Извозчики ожидали седоков на БИРЖАХ – особо выделенных платных стоянках. Описывая в «Евгении Онегине» петербургское утро, Пушкин не упускает и такую деталь: «...*На биржу тянется извозчик...*»

КИБИТКА – понятие очень широкое. Так именовалась почти любая полукрытая, то есть с отверстием спереди, летняя или зимняя повозка. Собственно кибиткой называлось переносное жилье у кочевых народов, затем – верх экипажа, сделанный из ткани, рогожи, луба или кожи, натянутый на дуги из прутьев. Гринев в «Капитанской дочке» уехал из дому в дорожной кибитке. В той же повести Пугачев едет в кибитке, запряженной в тройку.

В кибитке из Петербурга в Москву путешествует герой знаменитой книги Радищева. Любопытная деталь: в кибитке тех времен ехали лежа, сидения не было. Кибитку Радищев иногда именуется повозкой, Гоголь подчас называет чичиковскую бричку кибиткой, так как она имела навес.

«...*Бразды пушистые взрывая, / Летит кибитка удаляя...*» – памятные строки из «Евгения Онегина», описание начала зимы с первопутком. В картине переезда Лариных в Москву «*горой кибитки нагружают*» – эти примитивные повозки служили для клади.

ЛИНЕЙКОЙ первоначально назывались простые длинные дрожки с доской для сидения боком или верхом, а если доска была достаточно широка – по обе стороны спиной друг к другу. Такой же одноконный экипаж называется в «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина ДОЛГУШЕЙ-ТРЯССУЧКОЙ, а у Л. Толстого в «Анне Карениной» – КАТКАМИ, на нем гости Левина едут на охоту.

Позднее линейкой стал именоваться городской или пригородный многоместный экипаж со скамьями по обе стороны, разделенные перегородкой пассажиры сидели боком по направлению движения, спиной друг к другу. Рейсовые городские линейки снабжались навесом от дождя.

Старинные громоздкие кареты назывались КОЛЫМАГАМИ или РЫДВАНАМИ. В басне Крылова «Муха и дорожные» читаем: *«С поклажей и с семьей дворян, / Четверкою рыдван / Тащился»*. Далее тот же экипаж именуется колымагой. Но в русской литературе XIX века, как и в наши дни, оба слова употребляются фигурально, шуточно.

В истории материальной культуры наблюдается интересное явление: предметы, используемые человеком, со временем уменьшаются и облеγχаются. Взгляните в музей на старинную посуду, мебель, одежду и сравните с современными! То же самое происходило с экипажами. Однако и в старину были легкие повозки. К таким относятся следующие.

КАБРИОЛЕТ – одноконный, реже пароконный рессорный экипаж, двухколесный, без козел, с высоким сидением. Правил им один из ездоков. Константин Левин в «Анне Карениной» везет брата на кабриолете, правя сам.

Такой же конструкции был и русский ШАРАБАН. Герои чеховской «Драмы на охоте» по двое или в одиночку разъезжают в шарабанах. В пьесе Островского «Дикарка» Мальков обещает Марье Петровне: *«Я вам такого битюка доставлю – на редкость. В шарабанчике, сами будете править, любо-дорого»*. Самостоятельная езда женщин становится модой. Героиня рассказа Чехова «Ариадна» выезжала верхом или на шарабане.

Двухместный, двухколесный кабриолет иногда назывался ТАРАТАЙКА. В предисловии к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» автор вспоминает о некоем Фоме Григорьевиче, который, приезжая из Диканьки, *«понаведалься-таки в провал с новою таратайкою своею и гнедою кобылою, несмотря на то, что сам правил и что, сверх своих глаз, надевал по временам еще покупные»*, то есть очки.

Наконец, легкая коляска на одного седока с кучером спереди носила характерное название ЭГОИСТКА. В «Мелочах жизни» Салтыкова-Щедрина Сережа Ростокин *«в два часа садился в собственную эгоистку и ехал завтракать к Дюсо»*.

А как передвигались зимой?

Древнейший санный экипаж с закрытым кузовом назывался ВОЗОК. Он предоставлял ездоку все удобства, кроме разве отопления: мягкое сидение, теплые покрывала, свет через окошки. В поэме Некрасова «Русские женщины» о таком экипаже недаром говорится: *«Покоен, прочен и легок / На диво слаженный возок»*.

Ездили и в открытых санях РОЗВАЛЬНЯХ, или ПОШЕВНЯХ, – широкой повозке на полозьях, расширяющейся от переда к задку, без особого сидения. Они хорошо известны нам хотя бы потому, что в них сидит боярыня Морозова на прославленной картине Сурикова. В рассказе Тургенева «Старые портреты» повествуется, как *«под самое Крещение отправился барин с Иваном (кучером) в город на его тройке с бубенцами, в ковровых пошевнях»* и что из этого вышло.

Позднее у санных экипажей появились ПОДРЕЗЫ – железные полосы, прибитые к нижней плоскости полозьев.

На ДРОВНЯХ не ездили, хотя и «обновляли путь»: это были крестьянские грузовые сани.

На именины Татьяны Лариной, в январе

*...Соседи съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в санях.*

Все понятно, кроме того, как можно было по снежной дороге проехать на колесной бричке.

Не следует думать, что зимой колесные экипажи, особенно крытые, стояли без дела. Неизвестно, что сделалось со знаменитой чичиковской бричкой, но во втором,

незаконченном томе поэмы у героя уже коляска. Кучер Селифан докладывает хозяину: «Дорога, должно быть, установилась: снегу выпало довольно. Пора уж, право, выбираться из города », на что Чичиков приказывает: «Ступай к каретнику, чтобы поставил коляску на полозья ».

Такие превращения летнего, колесного, экипажа в зимний, санный, были делом весьма обычным. Несомненно, что и брички съехавшихся на именины Татьяны были поставлены на полозья. В «Дядюшкином сне» Достоевского огромная дорожная карета князя свалилась на дорогу: «...вшестером подымаем наконец экипаж, ставим его на ноги, которых у него, правда, и нет, потому что на полозьях ». В той же повести Мария Александровна «катилась по мордасовским улицам в своей карете на полозьях ».

Однако в больших городах, где снег с мостовой частично расчищался, частично утрамбовывался, можно было и зимой ездить в колесных экипажах. «Попав в вереницу карет, медленно визжа колесами по снегу, карета Ростовых подъехала к театру », – так описана зимняя поездка Ростовых в оперу («Война и мир» Толстого). В «Пиковой даме» по Петербургу зимой разъезжают кареты явно на колесах, а не на полозьях. В начале повести Л. Толстого «Казачьи» есть фраза: «Редко, редко где слышится визг колес по зимней улице ».

Масти лошадей

Масти, то есть расцветки, лошадей собственно нельзя считать забытыми словами-архаизмами, но если прежде значения их были известны каждому, то ныне разбираются в них только люди, имеющие дело с лошадьми. Между тем вряд ли найдешь произведение русской классики без этих знакомо-незнакомых терминов. Потому есть смысл кратко объяснить смысл слов, обозначающих основные масти: для простоты – в словарном порядке.

БУЛАННЫЙ – светло-желтый, с черным хвостом и гривой.

ВОРОНОЙ – сплошь черный.

ГНЕДОЙ – темно-рыжий, с черным хвостом и гривой. В чичиковской тройке гнедым был коренник.

ИГРЕНЕВЫЙ – рыжий, со светлой гривой и хвостом. У старого графа Ростова в «Войне и мире» игрневый меринок.

КАРАКОВЫЙ – темно-гнедой, почти вороной, со светлыми (желтоватыми) пятнами, так называемыми подпалинами, в паху и на шее. Караковой была верховая лошадь Вронского Фру-Фру в «Анне Карениной». Некрасовский торговец дядя Яков – «седенький сам, а лошадка каракова »; тут подчеркивается цветовой контраст белых волос хозяина и темной масти лошади.

КАРИЙ – масть средняя между вороной и гнедой. Грива и хвост при этом обычно черные.

КАУРЫЙ – светло-каштановый, рыжеватый. В чичиковской тройке – левый пристяжной.

МУХОРТЫЙ – гнедой, с желтоватыми подпалинами.

ПЕГИЙ – в крупных пятнах.

ПОЛОВЫЙ – бледно-желтый.

САВРАСЫЙ – темно-желтый, с черной гривой и хвостом. В «Преступлении и наказании» с потрясающей силой описана саврасая крестьянская клячонка, которую пьяные забивают до смерти.

СИВЫЙ – серый, темно-сизый.

СОЛОВЫЙ – желтоватый, со светлым хвостом и гривой. В «Войне и мире» Наполеон разъезжает на соловом иноходце.

ЧАГРАВЫЙ – темно-пепельный.

ЧАЛЫЙ – серый с примесью другой шерсти. В «Евгении Онегине» Ленский едет к

Онегину *«на тройке чалых лошадей»*.

ЧУБАРЫЙ – с темными пятнами на светлой шерсти или вообще с пятнами другой шерсти, хвост и грива черные. В чичиковской тройке чубарым был правый пристяжной.

Такие масти, как белый, серый, рыжий, бурый, разумеется, не требуют объяснения. А ГОЛУБОЙ? В «Воскресении» Л. Толстого читаем про длинноногого голубого жеребенка. Лошади голубой масти были и есть. Голубым, или МЫШАСТЫМ, называли серовато-сизый, пепельный цвет, такой, как у обычного голубя-сизаря.

В заключение – о двух породах верховых лошадей, названия которых запечатлены в классической литературе. На КЛЕППЕРЕ (или КЛЕПЕРЕ) разъезжали юный герой повести Тургенева «Первая любовь» и Николенька Иртеньев в «Детстве» Л. Толстого. Так называлась коренастая, спокойного нрава лошадь, выведенная в Германии. Сходного типа был КОБ, на котором Анна Каренина встречала приехавшую к ней в имение Вронского Долли – «Анна ехала спокойно, шагом на невысоком английском кобе со стриженной гривой и коротким хвостом».

Железные дороги

С середины XIX века железные дороги быстро вошли в быт русского народа и получили отражение в литературных произведениях. Строительству первой протяженной железной дороги между Петербургом и Москвой Некрасов посвятил свое известное стихотворение. Важные для действия сцены на станциях и в вагонах железных дорог происходят в романах Л. Толстого «Анна Каренина» и «Идиот» Достоевского.

За исключением перевода на электрическую и дизельную тягу, существенных изменений за это время в железных дорогах не произошло, поэтому поясним только некоторые забытые слова и понятия.

В народе железная дорога долгое время называлась ЧУГУНКОЙ – первые рельсы делались из чугуна. *«Хозяин приехал из Москвы на чугунке»*, – читаем у Тургенева. Но чаще для обозначения железнодорожного поезда употреблялось другое слово – МАШИНА. У темных людей невиданная машина поначалу вызывала суеверный ужас: странница Феклуша в «Грозе» Островского именует ее *«огненным змием»* и даже уверяет, что видела у него загибающие лапы.

В «Идиоте» князь Мышкин отправляется в Псков *«по машине»*, там же Рогожин садится *«на машину»*. *«Машина в Петербург уйдет через четверть часа»*, – говорится в том же романе, а современный читатель может вообразить, что речь идет об автобусе, если бы не время действия и не контекст. Такая же «машина» встречается в произведениях Некрасова, Достоевского, Островского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого. Только к началу XX века слово выходит из употребления.

ПАРОВОЗ поначалу назывался... ПАРОХОДОМ. Это обстоятельство до сих пор смущает слушателей знаменитой «Попутной песни» М. И. Глинки, написанной на слова Н. В. Кукольника:

*Дым столбом – кипит, дымится
Пароход...*

А далее:

*И быстрее, шибче воли,
Поезд мчится в чистом поле.*

Песня сочинена в 1840 году, когда уже действовала короткая железнодорожная линия между Петербургом и Царским Селом.

Слово «ВОКЗАЛ» в значении здания крупной железнодорожной станции вошло в язык только в 1870-х годах, до этого говорилось «станция железной дороги». Так читаем еще у Льва Толстого, Островского, у Чернышевского в «Что делать?».

Первые железнодорожные вагоны, даже высшего класса, с нашей точки зрения, были крайне неудобными. Из Петербурга в Москву ехали сутки, таким образом, и ночью, однако спальных вагонов не было. Отапливались вагоны железной печкой, освещались тусклыми свечами, потом уже газовыми фонарями. Во всем поезде не было туалета. В таких условиях путешествовали в поездах герои Л. Толстого и Достоевского.

Паровоз долгое время назывался ПАРОВИКОМ, проводник – КОНДУКТОРОМ, вокзальные носильщики – АРТЕЛЬЩИКАМИ, так как были объединены в артели, перрон – ДЕБАРКАДЕРОМ, то, что ныне именуется тамбуром, называлось патриархально – СЕНЯМИ. В рассказе Бунина «Несрочная весна» читаем: *«Не выдержав, я бросил место и ушел стоять в сени. А в сенях оказался знакомый, которого я не видел уже года четыре: стоит, качается от качки вагона бывший профессор»*.

Об отправлении поезда на станции возвещал звук сигнального рожка или колокола. В зале ожидания об этом «зычным, величественным басом» объявлял «огромный швейцар в длинной ливрее» (Бунин. Жизнь Арсеньева).

Вагоны были трех классов. В стихотворении Блока «На железной дороге» есть проникновенные строки: *«...Молчали желтые и синие; / В зеленых плакали и пели»*. Смысл их становится понятен только тогда, когда мы узнаем, что желтыми были вагоны первого класса, синими – второго, а зелеными – третьего, самые дешевые.

Во второй половине XIX века в городах, на смену примитивной линейке, появляется новый вид рейсового транспорта – конно-железная дорога. Это были ходившие по рельсам, запряженные лошадьми вагончики с сидячими местами для пассажиров. Более дешевые места находились на крыше – ИМПЕРИАЛЕ, куда можно было взобраться по винтовой лестнице. Женщинам на империале ездить запрещалось. В просторечии конно-железную дорогу прозвали КОННОЖЕЛЕЗКОЙ, затем просто КОНКОЙ. Чеховская Каштанка *«бросалась с лаем на вагоны конножелезки»*. Действие юморески Чехова «Двое в одном» происходит в вагоне конки. В начале XX века конку быстро вытеснил трамвай, пущенный по тем же рельсам с надвешенным над ними контактным проводом. Первое время трамвай в отличие от конки называли весьма нелепо – ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ КОНКОЙ, хотя никаких коней при нем, естественно, не было.

Автобусы и троллейбусы появились в России уже после революции, поэтому отражения в старой классической литературе не нашли.

Другие средства передвижения

Пароходы стали ходить в России с ноября 1815 года, сначала из Петербурга в Кронштадт. Долгое время они именовались ПИРОСКАФАМИ, что по-гречески означает огненное судно. Пушкин в 1830 году писал: *«Уже воображал себя на пироскафе... Пироскаф тронулся – морской, свежий ветер веет мне в лицо»*. Этой «могучей машине» Баратынский в 1844 году посвятил стихотворение под названием «Пироскаф». В «Петербургских заметках 1836 года» Гоголь, описывая столичную весну, отмечает: *«Дымясь, влетел первый пароход»*. Впервые же это слово в современном значении появилось в петербургских газетах в 1816 году.

Мы давно привыкли к тому, что КАТЕР – небольшое судно на двигателе внутреннего сгорания, и поэтому не без удивления узнаем, что герои «Бесприданницы» Островского, задолго до изобретения такого двигателя, совершают прогулку на катерах по Волге, а Викентьев в «Обрыве» Гончарова говорит Марфеньке, которая боится переправляться через Волгу: *«Я за вами сам приеду на нашем катере»*. Однако в обоих случаях речь идет о гребном катере – большой прогулочной лодке. На таком катере, с 24 гребцами, катался еще

Чичиков, гостя у помещика Петуха (второй том «Мертвых душ»).

АВТОМОБИЛИ появились в России в самом начале XX века, и вскоре мы находим это слово на страницах русской литературы – у Горького, Куприна, Бунина. Любопытно, что наряду с «автомобиль» у Бунина употребляются слово «экипаж» и вполне привычное для нашего слуха «машина», а у Блока в этом значении применяется МОТОР:

*Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор.*

(«Шаги командора», 1912 год).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ БЫТ И ДОСУГ

Жилище

Действие большинства произведений русской классической литературы происходит в дворянских домах и имениях.

Сразу же необходимо предостеречь читателя от идеализации дворянского быта, начиная с жилья. Мы склонны судить о барских домах по уцелевшим крупным особнякам, даже дворцам, затем превращенным в музеи, санатории, институты. Иллюзию, что в таких зданиях обычно и обитали русские помещики, поддерживают некоторые кино– и телефильмы на исторические темы. Но знакомые нам бывшие барские дома, как правило, каменные, принадлежали богатым вельможам, имевшим возможность построить и отделать их со всевозможной роскошью, привлекая талантливых архитекторов и художников. Большинство же домов помещиков средней руки были бревенчатыми, не всегда даже оштукатуренными, небольших размеров, иные – с крепкую современную деревянную дачу, без особых удобств и затей. Тысячи этих домов были перестроены, разобраны на продажу или сгорели еще до революции или в революцию. К нашему времени бывших помещичьих домов остался ничтожный процент.

В своих произведениях русские классики приводят множество правдивых описаний типичных среднепоместных и мелкопоместных имений. Надо только внимательно вчитаться.

У Лаврецкого в «Дворянском гнезде» Тургенева – *«ветхий господский домик... с кривым крылечком»*.

У помещика Маркелова в «Нови» *«собственно и усадьбы не было никакой: флигелек его стоял на юру, недалеко от рожи... Все казалось бедным, утлым, и не то чтобы заброшенным или одичалым, а так-таки никогда не расцветшим, как плохо принявшееся деревцо»*.

Усадьба Чертопанова в «Записках охотника» состояла *«из четырех ветхих срубов разной величины, а именно из флигеля, конюшни, сарая и бани»*.

А вот рассказ того же Тургенева «Конец»: *«Дом Талаганова, маленький, приплюснутый, полусгнивший, похож был скорее на плохую крестьянскую избу, чем на жилище помещика»*.

И все это – в середине XIX века, до крестьянской реформы 1861 года, то есть в то время, когда помещики оставались господствующим классом России и далеко еще не разорились и не обеднели в общей своей массе.

Вспомним и Татьяну Ларину, которая называет свой родной дом *«наше бедное жилище»*.

Впрочем, дело было вовсе не всегда в недостатке хозяина-душевноладельца. Причиной могли быть и скаредность, некультурность, равнодушие к комфорту.

Дом состоятельного Собакевича в «Мертвых душах» крепок, но неказист, *«вроде тех, какие у нас строят для военных поселений и немецких колонистов»*. У богатейшей Арины

Петровны Головлевой в романе Салтыкова-Щедрина – *«печальная усадьба... на тычке, без сада, без тени, без всяких признаков какого бы то ни было комфорта... Дом был одноэтажный, словно придавленный, и весь почерневший от времени и непогод»*.

Конечно, наряду с такими убогими усадьбами стояли пышные палаты Троекурова в «Дубровском», дом старого князя Болконского под Смоленском («Война и мир»), дом Ласунской в «Рудине», который считался *«чуть ли не первым по всей...ой губернии. Огромный, каменный, сооруженный по рисункам Растрелли...»* Неплохи были, судя по всему, и дом Манилова, *«каменный, в два этажа»* – редкость по тому времени, «почтенный замок» Евгения Онегина и кое-какие другие.

И все же, что касается предреформенных помещичьих имений дворян средней руки, доверимся описанию Салтыкова-Щедрина в «Пошехонской старине»: *«Дома почти у всех были одного типа: одноэтажные, продолговатые, на манер длинных комодов... В шести-семи комнатах такого четырехугольника, с колеблющимися полами и нештукатуренными стенами, ютилась дворянская семья, иногда очень многочисленная, с целым штатом дворовых людей, преимущественно девок, и с наезжавшими от времени до времени гостями. О парках и садах не было и помина... Сзади дома устраивался незатейливый огород... Не о красоте, не о комфорте и даже не о простоте тогда думали, а о том, чтоб иметь теплый угол и в нем достаточную степень сытости»*.

Это не значит, что в быте дворян и их крепостных не было большой разницы. Достаточно прочитать «Утро помещика» или соответствующие главы из «Воскресения» Л. Толстого, чтобы убедиться, в каких невероятных, нечеловеческих условиях жила – как до, так и после реформы – крестьянская семья, скученная в полутемной, полухолодной, крытой соломой избе, готовой вот-вот развалиться и придавить жильцов. Зимой крестьяне разделяли жилище со своим скотом. Долгое время существовали так называемые КУРНЫЕ ИЗБЫ – из-за отсутствия трубы дым от печи, расстилаясь по избе, уходил только в двери и окна. Жилье русского крестьянина по существу мало менялось со времен Радищева.

Внутри дома

Средоточием крестьянской избы была РУССКАЯ ПЕЧЬ. Она соединяла в себе функции обогревателя, плиты, постели (лежанка) и даже кладовки для мелких предметов обихода. Барские дома отапливались голландскими печами. В более богатых устраивались камин, создававшие своеобразный уют. Камин, чаще всего электрические и потому не столь привлекательные, бытуют и сейчас.

А что же такое КАМЕЛЕК, то и дело упоминаемый в старой русской литературе? Да то же самое, что и КАМИН, только в ласкательной форме. Онегин, мечтая о Татьяне, сидел у камелька; у композитора П. И. Чайковского в цикле «Времена года» есть очаровательная пьеса «У камелька».

Возле камина, для защиты от его жара, ставилась рама на ножках, обтянутая плотной, расшитой тканью, – ЭКРАН. Такой экран мы видим в комнате Настасьи Филипповны в «Идиоте» Достоевского.

Схож с экраном был ТРАНСПАРАНТ – картина на натянутой ткани, освещенная сзади, но без, так сказать, жарозащитных функций. Такой транспарант стоял в комнате у Обломова.

Стены жилых и приемных помещений в домах знатных вельмож выглядели подчас весьма своеобразно. Вспомните, у Грибоедова Чацкий говорит о жилище одного московского богача: *«...Дом зеленью раскрашен в виде рощи...»* Многие думают, что речь идет о наружной росписи дома, но это не так: в подражание Версалию и другим дворцам французских королей стены некоторых залов представляли собой как бы природные виды. Такие залы назывались БОСКЕТНЫМИ, от французского «bosquet» – роща. Однако большинство комнат богатых дворян были обиты тканью.

Кстати, не задумывались ли вы, почему листы бумаги, которыми оклеены современные

квартиры, называются обоями? ОБОИ – от слова обить (сохранился термин «обойные гвозди»), а современные обои наклеивают, и правильнее было бы назвать их «оклеями». Однако язык – великий консерватор, он сохраняет слово, даже когда предмет изменился, и это как-то обогащает наши исторические представления. Обои из ткани назывались ШТОФНЫМИ ОБОЯМИ (от немецкого слова «Stoff» – ткань); иногда это был дорогой шелк, иногда плотная хлопчатобумажная ткань – КРЕТОН, ныне забытая. Бумажные обои появились в России еще в XVIII веке, но широкое распространение получили с 20-х годов XIX века.

В «Отцах и детях» Тургенева комната Аркадия Кирсанова оклеена обоями, а у богачки Одинцовой стены обиты *«коричневыми обоями с золотыми разводами»*.

Стены спальни старой графини в пушкинской «Пиковой даме» обиты китайскими обоями.

Поначалу бумажные обои нередко называли попросту... БУМАЖКАМИ. Городничий выделяет Хлестакову *«комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками»*. В рассказе Тургенева «Постоялый двор» говорится о двух довольно чистых комнатах *«с красно-лиловыми, снизу несколько оборванными бумажками на стенах»*. Слово «обои» могло сбить с толку, для точности авторы предпочли слово «бумажки».

Постепенно сложились традиции расселения семьи в господском доме: в бельэтаже жили родители, на АНТРЕСОЛЯХ (верхнем полуэтаже с низкими потолками) или в мезонине – дети, там же помещались наиболее нужные домашние слуги и учителя детей, остальные слуги жили во флигелях. За окнами фасада бельэтажа располагались парадные помещения – гостиная, столовая, танцевальный зал.

Для молитв, если не было домашней церкви, служила ОБРАЗНАЯ (от слова «образ» – икона). Княжна Марья Болконская в «Войне и мире» молится в образной.

Кухня, как правило, помещалась вне дома. Долгое время она называлась ПОВАРНЕЙ. Известная басня Крылова «Кот и Повар» начинается так: *«Какой-то Повар, грамотей, / С поварни побежал своей / В кабак...»* От забытого слова «поварня» сохранились словосочетания поваренная соль, поваренная книга.

Форточки внедрялись в быт очень медленно, комнаты не проветривались месяцами: хозяева панически боялись сквозняков, холода, предпочитая дышать спертым воздухом, лишь бы не подвергнуться опасности простуды. Чтобы избавиться от дурных запахов, широко применяли всякого рода ароматические средства – жгли КУРИТЕЛЬНЫЕ СВЕЧИ, пропитанные душистыми смолами угольные пирамиды, именуемые «МОНАШКАМИ», а также специальную бумагу.

В книге «За рубежом» Салтыков-Щедрин писал: *«В самых зажиточных помещичьих домах не существовало ни вентиляторов, ни форточек, в крайних же случаях «КУРИЛИ СМОЛКОЙ»* (хвойной смолой с примесью ароматических веществ). Среди покупок, сделанных Ноздревым на ярмарке, были и курительные свечи. Применялись они и много позднее. В рассказе «В суде» Чехов упоминает о *«противном запахе курительных свечек»* в помещении окружного суда.

В этой связи слово «курить» не следует воспринимать по-современному. Когда вы читаете у Тургенева, что *«тетушка... приказывала курить чуть ли не каждую минуту»*, то это значит не курить табак, а дымить ароматическими свечами.

Мебель

Мебель менялась (и меняется) медленно, но иные ее предметы все же отмерли, другие видоизменились, а третьи сменили свои названия. Например, БЮРО – затейливой конфигурации письменный стол с настольными ящиками и множеством отделений для хранения бумаг и мелких ценных вещей – сегодня можно увидеть разве только в музеях, у коллекционеров да в редких квартирах. У Собакевича *«в углу гостиной стояло пузатое*

ореховое бюро на пренелепых четырех ногах, совершенный медведь ». На бюро у Плюшкина «лежало множество всякой всячины », перечисление которой занимает у Гоголя около 20 строк. Бюро красного дерева стояло в комнате Ильи Ильича Обломова, героя романа Гончарова.

Слово «кресло» прежде употреблялось чаще во множественном числе – «*кресла* ». ВОЛЬТЕРОВСКИЕ КРЕСЛА, в которых сидели, например, бабушки в «Детстве» Толстого и в «Обрыве» Гончарова, отличались глубоким сидением и очень высокой спинкой. Неглубокое, удобное для работы за столом ГАМБСОВО КРЕСЛО – по имени создавшего его мастера – было у Павла Петровича Кирсанова («Отцы и дети»).

Многие предметы пришли в барские дома с Запада – дань преходящей моде. БЕРЖЕРКА, на которой сидел старик в «Обыкновенной истории» Гончарова, – разновидность глубокого кресла. ПАТЕ – встречается у Лермонтова и Тургенева – нечто вроде табурета, мягкое сидение без спинки и подлокотников. КУШЕТКА – слово знакомое, ее варианты назывались ПОМПАДУРАМИ, КОЗЕТКАМИ (диван на двоих, для беседы – от французского «causer» – беседовать), КАНАПЕ – небольшой диван с приподнятым изголовьем. На канапе сидит Нина в последнем действии лермонтовского «Маскарада». Пушкин в «Домике в Коломне» писал: «...*И хоть лежу теперь на канапе, / Все кажется мне, будто в тряском беге / По мерзлой пашне мчусь я на телеге* ».

Гордостью многих помещиков были коллекции разного рода курительных трубок, часто выставленных для всеобщего обозрения на специальных пирамидах. ЧУБУКИ, то есть трубочные стержни, достигали подчас невероятной длины. Свою коллекцию трубок Ноздрев показывает Чичикову. Современные трубки легко помещаются в кармане, старинные же по длине напоминали духовые инструменты, поэтому мы не должны удивляться, читая о «*прислоненной к постели только что выкуренной трубке* » у Обломова.

Трубки часто изготовлялись из морской пенки – огнестойкого минерала и назывались ПЕНКОВЫМИ; не произносите это слово «пеньковые», так как ПЕНЬКА – конопляная пряжа – здесь ни при чем.

Чисто русским предметом мебели был ПОСТАВЕЦ – невысокий шкаф для хранения посуды, который мы встречаем в пьесах Островского.

Многие мужчины имели обыкновение писать стоя или сидя на табурете за КОНТОРКОЙ – высоким столиком с наклонной плоскостью в виде ПЮПИТРА, или, как тогда говорили, ПЮЛЬПИТРА. По воспоминаниям Тургенева, Белинский и Гоголь писали, стоя за конторкой. Художник В. А. Серов изобразил за конторкой своего отца композитора А. Н. Серова.

В карты играли за особыми ЛОМБЕРНЫМИ столами со складной столешницей, превращающейся при раскладке в квадрат, обитый зеленым сукном, – на нем делали записи мелом. ЛОМБЕР – давно забытая карточная игра. «*Зовут задорных игроков / Бостон и ломбер стариков* », – писал Пушкин. БОСТОН – тоже популярная в старину игра в карты. В повести Л. Толстого «Два гусара» автор показывает нам «*раскинутый старинный бостонный стол с инкрустациями* ».

Увидев у классиков слово «холодильник», мы невольно представляем себе современный электрохолодильник. Слово это в устах литературных героев прошлого века вызывает недоумение. Но ХОЛОДИЛЬНИКОМ в старину назывался простой ледник, то есть ящик для продуктов, проложенных льдом.

Читая классиков, натыкаешься на устарелое написание (и звучание) некоторых названий предметов домашнего обихода: «шкап» вместо «шкаф» («Дорогой, многоуважаемый шкап!» – говорит Гаев в «Вишневом саду» Чехова), «стора» вместо «штора», «снурок» вместо «шнурок» и т.п. Меняются слова и по родам (прежде чаще говорили «зала» вместо современного «зал»), и по падежным окончаниям. Кстати, если сейчас МЕБЕЛЬ – понятие собирательное, то в прошлом это слово означало «отдельный предмет обстановки». «*Мебели, довольно хорошие, были покрыты пылью* », – так сказано в «Невском проспекте» Гоголя. Это – нюансы, они не затрудняют чтение, зато придают тексту

особый аромат старины, словно ПАТИНА – зеленоватый налет на старинной бронзе.

Освещение

Сложно обстояло дело с освещением. В крестьянских избах исстари для этого служила ЛУЧИНА – длинная щепка, укрепленная в СВЕТЦЕ – примитивной подставке с железными рожками кверху. За горящей лучиной приходилось непрерывно следить, заменять сгоревшую новой, для чего нужен был их запас.

На юге и западе России распространен был КАГАНЕЦ – черепок или блюдце, наполненные салом или жиром, с фитилем, то же, что ПЛОШКА.

О каганце в «Сорочинской ярмарке» Гоголь говорит, что это обыкновенная малороссийская светильня, состоящая из разбитого черепка, налитого бараньим жиром.

В домах побогаче светили свечами – ВОСКОВЫМИ (из пчелиного воска) и САЛЬНЫМИ. Восковые свечи горели ярче и стоили дороже, их можно было видеть чаще всего в домах аристократов, например у князя Василия и старика Болконского в «Воине и мире». В повести «Два гусара» Л. Толстой пишет *«о ярком и мягком освещении восковых свеч»*. В основном же восковые свечи использовались в церковном обиходе, где сальные были запрещены.

Три свечи на стол никогда не ставили из суеверия – к покойнику. Крупные, тяжелые подсвечники назывались ШАНДАЛАМИ. В комнате Лизы («Пиковая дама» Пушкина) *«сальная свеча темно горела в медном шандале»*. Большой фигурный подсвечник для нескольких свеч назывался ЖИРАНДОЛЬ.

Сальные свечи немилосердно коптели; нагар, то есть обгоревший кончик фитиля, снимали особыми щипцами и клали в лоточек. «СНЯТЬ СО СВЕЧИ» означало удалить нагар. Гасили свечи ГАСИЛЬНИКОМ – колпачком на ручке, накрывающим фитиль. Фитиль иногда называли СВЕТИЛЬНЕЙ.

ПАЛЬМОВЫМИ СВЕЧАМИ именовались свечи, изготовленные из пальмового масла. Затем появились свечи более совершенные, горящие ровно и почти без копоти, сделанные из различных природных или химических составов – спермацетовые, парафиновые и дошедшие до наших дней стеариновые. КАЛЕТОВСКАЯ СВЕЧА, упоминаемая в рассказе Л. Толстого «Два гусара», – стеариновая свеча высшего качества, по имени свечного фабриканта Калета.

ЛАМПОЙ чаще всего называли одну или несколько свечей на общей подставке, стоячей или подвешенной, снабженной абажуром, обычно зеленым. Вспомним название кружка, в котором состоял молодой Пушкин, – «Зеленая лампа». Комнатная лампа, в которой горячая жидкость стекала вниз к горелке, расположенной ниже резервуара, именовалась КЕНКЕТ. У Дениса Давыдова в «Современной песне» есть строки: *«Вот гостиная в лучах; / Свечи да кенкеты»*. Лампа с особым механизмом для подъема масла называлась КАРСЕЛЬ. Слово это можно встретить у Лескова и Григоровича, причем у последнего о кенкетах говорится так: *«в несколько сот рублей за штуку»*, – стало быть, вещь необычайно дорогая.

Масляные лампы сменились СПИРТОВЫМИ и КЕРОСИНОВЫМИ. Последние широко вошли в обиход с развитием нефтеперерабатывающей промышленности, в 1860-х годах, и дожили до нашего времени. В русской литературе мы встречаемся с керосиновыми лампами в романе Тургенева «Новь» (1877 год). Первое время керосин назывался также ПЕТРОЛЕУМ («каменное масло») или ФОТОГЕН («рождающий свет»).

К середине прошлого века сначала в Петербурге, потом в Москве появилось ГАЗОВОЕ ОСВЕЩЕНИЕ. В частных домах оно почти и не использовалось – газом освещались улицы, клубы, театры и другие крупные общественные здания. Газовый рожок горел у подъезда дома Карениных в «Анне Карениной», но не в самом доме. В том же романе газом освещается ресторан «Англия», в котором встречаются Левин и Стива Облонский. Газовые фонари исчезли с улиц Москвы только в 1932 году.

На смену газу пришло ЭЛЕКТРИЧЕСТВО. Однако излучатель в лампочке накаливания вначале делался не из тугоплавкого металла, как сейчас, а из угля. Уголь довольно быстро сгорал и требовал замены, а при горении издавал неприятное шипение. В рассказе Куприна «В цирке» читаем: *«Слышалось только однотонное, жалобное шипение углей в электрических фонарях... Угли в фонарях тянули все ту же жалобную однообразную ноту»*.

Электричество пришло в дома первоначально не в виде всеохватной электросети и в целях освещения, а в виде гальванических элементов – батарей с весьма ограниченной сферой применения. От батарей приводились в действие звонки входных дверей и звонки вызова прислуги – так называемые «СОНЕТКИ». С той же целью – разумеется, в богатых домах – устраивались домашние телефоны, связывавшие хозяев с кухней, дворницкой, кучером и т.д. В пьесе Горького «Дачники» адвокат Басов говорит: *«Глупая дача. Устроены электрические звонки, а везде щели... пол скрипит...»*

Только к концу XIX века в крупных городах – сначала в общественных зданиях и на улицах, а затем и в частных квартирах – появилось электрическое освещение, постепенно вытеснившее керосиновое, свечное и газовое.

Добывание огня

Заголовок – словно из романа о доисторических временах, между тем еще в столь знакомую нам по литературе пушкинскую эпоху добыть огонь было делом весьма хлопотным. Разумеется, в домах это облегчалось постоянным наличием в топке печи «жара», то есть тлеющих угольков. Погас жар – можно было попросить уголек у соседей. Наконец, негасимый огонь горел в масляной лампадке под иконой.

А как можно было получить огонь в пути, на новом месте? Его добывали ОГНИВОМ (или КРЕСАЛОМ, МУСАТОМ, что одно и то же), то есть стальным брусом, ударяя его о твердый камень – кремь и ловя искру на ТРУТ – высушенный гриб, по названию трутник, или попросту пережженную тряпицу. В Великую Отечественную войну, когда спичек и зажигалок не доставало, этот древний способ на время возродился (его хорошо помнят участники войны), с той разницей, что вместо трута употреблялся жгут – сплетенные хлопчатобумажные волокна.

Но чтобы разжечь костер или печь, зажечь свечу, требовалось превратить тление в горение, что вовсе не легко. Этому служили СЕРНИКИ, или СЕРНЫЕ СПИЧКИ, – лучинки, обмакнутые в расплавленную, а потом затвердевшую серу. Федор Иванович *«высекает огонь, зажигает серничек синим огнем, потом свечку»*, – говорится в «Воспоминаниях» Л. Толстого.

ЗАЖИГАТЕЛЬНЫЕ СПИЧКИ, с помощью которых огонь получали непосредственно, появились в России только в 1830-х годах. Горючая смесь на их головках состояла главным образом из белого фосфора и той же серы, поэтому они по привычке долгое время также назывались серничками или серными спичками. Вероятно, именно такую «серную спичку» засветил Печорин в «Тамани» Лермонтова, встретив слепого мальчика. Даже донские казаки в «Тихом Доне» Шолохова называют обычные, современного типа спички серничками.

ФОСФОРНЫЕ СПИЧКИ зажигались от трения о любую твердую и сухую поверхность. Носили их в металлических – стальных или серебряных – коробках, об которые и терли головки. Спички легко самовозгорались, поэтому деревянные или картонные коробки не годились. Другим их недостатком была ядовитость белого фосфора – попадание его в органы пищеварения грозило смертельным исходом. Любинька в «Господах Головлевых» Салтыкова-Щедрина покончила с собой, глотая головки фосфорных спичек.

В 1855 году в Швеции изобрели бесфосфорные, безопасные спички, которые постепенно вытеснили прежние и долгое время назывались ШВЕДСКИМИ (вспомним рассказ Чехова «Шведская спичка»). Для их зажигания требовалась особая терка, вначале

прилагавшаяся отдельно, а затем приклеивавшаяся к коробку. Как мы знаем, эти спички выдержали испытание временем.

Мелкие вещи

Письменные принадлежности сильно отличались от современных. До середины XIX века писали ГУСИНЫМИ ПЕРЬЯМИ, для чего их надо было особым образом оттачивать – «чинить»; отсюда «перочинный ножик». Некоторые чиновники делали это столь искусно, что их только за это и держали на службе, ежели других способностей они не проявляли. Стальные перья внедрялись туго, особенно в учебных заведениях, – считалось, что они портят почерк. В романе Достоевского «Идиот» князь Мышкину, чтобы испытать его почерк, Аглая предлагает: *«Вот перо, и еще новое. Ничего, что стальное? Каллиграфы, я слышала, стальными не пишут»*.

Написанное чернилами высушивали мелким песком, который хранился в особой ПЕСОЧНИЦЕ. *«Большой квадратный конверт шумел тогда, как детская погремушка, по причине песка, которым густо посыпалось письмо»*, – вспоминает П. А. Кропоткин в «Записках революционера». Кстати, конверт в то время часто называли КУВЕРТОМ – так, например, постоянно у Тургенева.

Конверты запечатывались сургучом, к которому прикладывалась специальная именная ПЕЧАТКА с инициалами или гербом, или заклеивались ОБЛАТКАМИ – бумажными кружочками, смазанными клеем. Вот как Татьяна Ларина запечатывает письмо Онегину: *«Письмо дрожит в ее руке; / Облатка розовая сохнет / На воспаленном языке»*. Мимоходом отмечу здесь тогдашнее значение слова «воспаленный»: не воспалившийся от болезни, а распаленный, разгоряченный от волнения.

Слово «бумажник» в современном его значении вошло в язык поздно: одно время этот предмет называли КНИЖНИК или даже КНИЖКОЙ (по сходству) – так у Гоголя – или ПОРТФЕЛЬ. Поэтому не будем удивляться, читая в «Нови» Тургенева, что Сипягин достал из кармана *«портфельчик и вынул оттуда карточку»*, а в «Бедных людях» Достоевского – о том, что *«его превосходительство вынимает книжник и из него сторублевую»*.

Карманные часы большой точности назывались по выпускавшей их французской фирме БРЕГЕТ. Они напоминали о времени боем: отсюда *«пока недремлющий брегет / Не прозвонит ему обед»* в «Евгении Онегине». В рассказе «Часы» Тургенева узнаем, что герой *«приобрел себе настоящий брегет, с секундной стрелкой, обозначением чисел и репетицией»*. Числа здесь – дни месяца, РЕПЕТИЦИЯ – механизм для боя.

У Куприна есть рассказ «Брегет» – история исчезновения дорогих часов, кончившаяся трагически. Как и другие пружинные часы того времени, брегет заводился не заводной головкой, а особым ключиком, привешенным на цепочке. Отсюда фраза в «Казаках» Л. Толстого: один из молодых людей, провожавших Оленина на Кавказ, *«играет ключиком часов»*. К той же цепочке прикреплялась иногда упомянутая выше печатка для оттискивания на сургучной печати на письмах; на такую золотую печатку Ноздрев предлагает Чичикову сыграть в шашки.

Хочу напомнить молодым читателям, что часы, которые носят с собой классические герои, были только карманные – нынешние наручные часы, полностью их вытеснившие, появились перед первой мировой войной.

И, наконец, о принадлежности, которую непременно брали с собой в дальнюю дорогу. ПОГРЕБЕЦ – так назывался небольшой сундучок с посудой и провизией. Юный Гринев в «Капитанской дочке» везет с собой погребец, которым ведает Савельич. В «Воскресении» Л. Толстого офицер в дороге *«достал из погребца четверугольный графинчик с коньяком и бисквитом»*.

Еда и напитки

Здесь непонятного, то есть устаревшего, у классиков встречается очень мало. Кухня наша, хотя и обогатилась заметно за счет западных и восточных блюд, тем не менее радикально не изменилась.

Непонимание могут вызвать лишь некоторые аристократические, изысканные блюда, вроде нетленного СТРАСБУРГСКОГО ПИРОГА, упоминаемого в «Евгении Онегине». Так назывался паштет из гусяной печени, привозимый из-за границы в консервированном виде (поэтому-то и «нетленный»). Или знакомый по «Ревизору» ЛАБАРДАН – особым образом приготовленная треска, своего рода деликатес. Исчезли и забылись, с другой стороны, нищенские крестьянские блюда вроде ТЮРИ – хлебного крошева в квасе или в соленой воде. «*Кушай тюрю, Яша! / Молочка-то нет!*» – говорит крестьянка у Некрасова маленькому сыну.

Удивление могут вызвать КОНСЕРВЫ, подаваемые к столу у Карениных. Это, разумеется, не современного типа фабричные консервы, запаянные в жестяных банках или стеклянной посуде с плотными крышками, – такие появились в розничной продаже только к концу прошлого века (для армии изготавливались раньше). Консервами же в то время назывались разного рода соленья и маринады растительного происхождения, изготавливаемые либо домашним поваром из продуктов, привезенных из имения, либо ресторанными кулинарами.

Из напитков особого внимания заслуживают КИСЛЫЕ ЩИ. Что означает фраза у Гоголя: «*Чичиков выпил бутылку кислых щей*»? С каких пор щи пили из бутылки? В неоконченном романе Пушкина «Рославлев» говорится о патриотическом подъеме, охватившем русское общество в связи с вторжением в Россию наполеоновской армии: «... кто отказался от лафита и принялся за кислые щи». То есть, казалось бы, французскому вину предпочел исконно русское блюдо. Но «кислые щи» – не блюдо, а напиток. Так именовался особого рода шипучий квас, который бродил так, что его можно было держать только в очень толстой бутылке.

Другими забытыми безалкогольными напитками были СБИТЕНЬ – из меда с пряностями и подаваемый на балах ОРШАД – охлажденное миндальное молоко (сок) с сахаром.

Названия иностранных горячительных напитков в разговорной речи часто искажались до неузнаваемости: бурдашка вместо бордо, ель вместо эль (Розальская в «Что делать?»), бальсан вместо бальзам, пунштик – вместо пунш и т.д.

Болезни и их лечение

Медицина, на которую мы так часто жалуемся, за последние полтора-два века так далеко шагнула вперед, что старинная диагностика и методы лечения способны вызвать у современного врача недоуменную улыбку. Читая классиков, убеждаешься: болезнь чаще всего определялась не по глубоким внутренним причинам, ее вызвавшим, а по внешним проявлениям. Так, чуть ли не любое заболевание, сопровождающееся высокой температурой тела, называлось ГОРЯЧКОЙ, а жаром и ознобом – ЛИХОРАДКОЙ. Именно от горячки и лихорадки, как первопричины, люди умирали – таковы были обычные заключения медиков. В числе диагноза обычным был и НЕРВНАЯ ГОРЯЧКА, хотя ныне доказано, что при нервных и психических заболеваниях повышение температуры тела нехарактерно.

Реальные, давно известные болезни носили другие наименования: эпилепсия называлась ПАДУЧЕЙ, инфаркт миокарда – РАЗРЫВОМ СЕРДЦА, тиф – ГНИЛОЙ ГОРЯЧКОЙ, гепатит – ЖЕЛЧНОЙ ГОРЯЧКОЙ, инсульт – АПОПЛЕКСИЧЕСКИМ УДАРОМ, а в случае смертельного исхода, в просторечии, – КОНДРАШКОЙ, туберкулез легких – ЧАХОТКОЙ, скарлатина – КРАСНУХОЙ, дифтерия и круп – ГЛОТОШНОЙ.

АНТОНОВЫМ ОГНЕМ именовали гангрену. Сердечно-сосудистые заболевания, прежде всего гипертонию, лечили тем, что ОТВОРЯЛИ КРОВЬ – надрезывали вену и выпускали часть крови. Специалисты по такой операции имелись в каждой цирюльне, то есть парикмахерской. На вывеске цирюльника, который якобы сбрил гоголевскому Ковалеву его нос, было написано: *«И кровь отворяет»*. Мармеладова («Преступление и наказание» Достоевского), раздавленного каретой, не лечат от полученных травм, а прежде всего отворяют кровь.

Простывшему на морозе герою «Шинели» Гоголя Акакию Акакиевичу *«надуло в горло ЖАБУ»*, от которой он быстро умирает. По-современному это ангина. Доктор *«ничего не нашелся сделать, как только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался без благодетельной помощи медицины»*.

Широко применялись домашние средства. От головной боли и прочих недомоганий прежде всего нюхали спирт (был специальный нюхательный спирт), одеколон, соль, мяту, смачивали виски уксусом или одеколоном. При желудочных болезнях или полнокровии пили ДЕКОКТ – отвар из лекарственных трав. Этот декокт постоянно принимают Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках», Лемм в «Дворянском гнезде».

Сложного состава, известную еще с древних времен мазь ОПОДЕЛЬДОК втирали при ревматизме и простуде. Звучное и загадочное название очень пришлось по вкусу невежде и болтуну Ноздреву, который без всякого смысла и резона говорит Чичикову: *«Ах ты, Оподелдок Иванович»*.

От простудных заболеваний ставили РОЖКИ. Что это за рожки? Так в народе в старину называли банки.

ЗАВАЛОМ называлось легкое засорение органов тела вредными веществами. В этих случаях, где бы больной ни ощущал завал, ему давали слабительное: очищали желудок и кишечник.

При нарывах и ожогах накладывали СПУСК – домашний пластырь из воска, смешанного с маслом или салом. Спуском лечили барыню в «Поликушке» Л. Толстого, повара Мартына, облившего себе ноги кипятком (рассказ Чехова «Скука жизни»).

В Обломовке ушибленное место натирали целебными растениями – БОДЯГОЙ и ЗАРЕЙ.

Гигроскопическая вата появилась в России только в последней трети XIX века. Как же обходились до того? ЩИПАЛИ КОРПИЮ – выдергивали из тряпок нитки, превращая их в мягкое, волокнистое вещество, которое прикладывали к ранам.

Трактиры и иные заведения

Герои русской классической литературы подчас встречаются в ТРАКТИРАХ или подобного рода заведениях. Такие места для них служили не просто для «приема пищи» или горячительных напитков, но и для духовного – в самом высоком смысле слова – времяпрепровождения, душевных, дружеских бесед. Вспомним многочасовые беседы в трактирах героев Достоевского (например, Ивана и Алеши Карамазовых) или Л. Толстого (встреча в ресторане Левина и Стивы Облонского). Поэтому пренебрегать и таким местом действия любителю русской литературы не пристало.

Чаще всего из подобного рода «заведений», как тогда выражались, на страницах классических произведений встречается трактир. Слово пришло к нам из латыни через польский язык – по-латыни «тракто» значит «угощаю».

Трактиры представляли собой относительно дешевые рестораны, нередко объединенные с гостиницей. Хлестаков в «Ревизоре» останавливается в трактире, где его и обнаруживает перепуганный городничий. Аркадий Кирсанов и Базаров («Отцы и дети» Тургенева), прибыв в губернский город, тоже находят приют в трактире. Посетителей и постояльцев трактира обслуживали ТРАКТИРНЫЕ СЛУГИ, или ПОЛОВЫЕ, что одно и то

же. Одеты они были в русский костюм – белые штаны и рубахи, острижены «в кружок».

В богатых трактирах были бильярдные залы и механические органы, именуемые обычно МАШИНАМИ, официально же носившие название ОРКЕСТРИОН, так как имитировали игру целого оркестра. Посетитель мог почитать и свежие газеты.

Самые убогие трактиры назывались ХАРЧЕВНЯМИ.

В 60-70-е годы XIX века в богатых трактирах для привлечения публики играли арфистки. В комедии Островского «Сердце не камень» купец везет молодую жену по трактирам «*арфисток слушать*».

Слово «КОФЕЙНЯ» вряд ли нуждается в пояснениях. Напиток тогда называли «КОФИЙ» или «КОФЕЙ», отсюда и слово, вытесненное затем нынешним «кафе». В кофейнях начинается действие пьесы Островского «Бесприданница» и комедии «Бешеные деньги».

В КОНДИТЕРСКОЙ можно было выпить кофе, перекусить, полистать прессу. В такие кондитерские часто заходят петербуржцы – герои Гоголя. Иногда кондитерские называли БИСКВИТНЫМИ ЛАВКАМИ – так именует их Грибоедовский Фамусов, проклиная как французское нововведение.

Трактиры низкого пошиба в литературе иногда именуется КАБАКАМИ, но это вовсе не одно и то же. Во-первых, кабак – не официальное, а вульгарное, просторечное название заведения с продажей спиртных напитков. Если в каком-либо фильме, спектакле или на книжной иллюстрации вы увидите вывеску с надписью «Кабак», не верьте, читатель, – такого быть не могло. Как не может в наши дни быть вывески «Забегаловка», которую, может быть, изобразят, рисуя современный быт, художники далекого будущего. Еще в 1765 году правительственным указом было повелено именовать кабаки ПИТЕЙНЫМИ ДОМАМИ. В устной же речи слово не умирало.

Мемуаристы отмечали: в трактирах преимущественно ели, а в питейных домах – главным образом пили.

У питейных домов, то есть бывших кабаков, была своеобразная вывеска над крыльцом: елка, насаженная на длинный кол, и царский герб – двуглавый орел. По елке народ юмористически называл питейный дом «Иван Елкин».

На юге и западе России питейные дома назывались ШИНКАМИ и КОРЧМАМИ, а их содержатели – ШИНКАРЯМИ и КОРЧМАРЯМИ. Эти слова можно часто встретить в литературе XIX века.

В ПОГРЕБКАХ, располагавшихся обычно в полуподвальных помещениях, вина преимущественно распивались на месте. Об этих «заведениях» часто говорят купцы и подьячие – герои Островского. Были «РЕНСКОВЫЕ ПОГРЕБА», где торговали «ренсковыми», то есть рейнскими винами. Сходные заведения именовались РАСПИВОЧНЫМИ и ШТОФНЫМИ (штофом называлась бутылка водки).

Трактиры на больших дорогах с помещениями для ночлега и сараями для лошадей и экипажей назывались ПОСТОЯЛЫМИ ДВОРАМИ. В таком дворе происходит действие комедии Островского «На бойком месте».

Рисуя картину «гуляния» народа на ярмарке, Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» писал:

*...Помимо склада винного,
Харчевни, рестораны,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоянных двориков,
Да «ренского погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.*

До введения в 1863 году акциза, то есть высокого налога на спиртные напитки, правительство разрешало продажу вина частным лицам по откупам, с внесением казне определенной суммы денег. Винные откупщики, спаивая и разоряя крестьянские семьи, наживали миллионные состояния. Федор Павлович Карамазов у Достоевского *«содержит все питейные дома в уезде»* – убийственная характеристика морального облика этого человека; к сожалению, она может ускользнуть от внимания современного читателя.

КУХМИСТЕРСКАЯ – столовая без подачи спиртных напитков, но с отпуском обедов на дом. Происходит от польского слова «кухмистр» – повар.

ПОЛПИВНАЯ – не заведение, где только частично, «наполовину» подавали пиво, а кроме того другие напитки, как ныне можно подумать, а место продажи полпива – легкого, небольшой крепости пива.

В течение XIX века в городах все в большую моду входили РЕСТОРАНЫ, или РЕСТОРАЦИИ (от французского слова, означающего подкрепляться, восстанавливать силы), устроенные на европейский лад. Подавали там преимущественно западноевропейские блюда, а вместо половых обслуживали ОФИЦИАНТЫ во фраках и манишках. Если трактиры и харчевни посещали в основном мужчины, то в рестораны ходили с дамами и даже целыми семьями.

В пятигорской ресторации («Княжна Мери» Лермонтова) устраивались балы. Но постепенно за ресторациями утвердилась репутация *«трактиров низшего разряда»*, а к началу XX века название это исчезло.

В раннем стихотворении Пушкина «К Наталье» юный поэт вспоминает о том времени, когда он *«на гуляньях иль в воксалах / Легким зефиром летал»*. ВОКСАЛАМИ, или вокзалами, в России еще в XVIII веке, задолго до железных дорог, назывались увеселительные заведения с садом, буфетом, сценой – по примеру лондонского сада такого типа. Во втором томе «Мертвых душ» Гоголь пишет: *«Француз открыл новое заведение – какой-то дотоле неслыханный в губернии воксал, с ужином, будто бы по необыкновенно дешевой цене и наполовину в кредит»*. Позднее воксалы потеряли всякий блеск; Достоевский в «Преступлении и наказании» пишет о воксале: *«...в сущности, распивочная, но там можно было получить и чай»*. С закреплением слова за зданием железнодорожной станции старое его значение полностью утратилось.

Половых или официантов подзывали окриком: «Эй, человек!», называли только на «ты», иногда именовали унижительным прозвищем «ШЕСТЕРКА» – младшая карта во многих играх. В трактирах заказывали «ПАНУ ЧАЯ» – не два стакана, а два фарфоровых чайника, один с заваркой, другой с кипятком. Но «ПАНА ПИВА» – это две бутылки пива, как «полдюжина пива» – шесть бутылок.

Игры

Карточные игры занимали огромное место в жизни имущих и образованных слоев общества XVIII-XIX веков. Нелегко объяснить корни этого сложного социально-психологического явления: тут и жажда острых ощущений, стремление отвлечься от скуки обыденной жизни, тяга к общению, но в первую очередь, конечно, возможность легкого и быстрого обогащения. Так или иначе, но карточная игра, широко распространенная в быту, получила столь же широкое отражение и в русской литературе.

В некоторых произведениях перипетии карточной игры занимают важнейшее место в сюжете или, во всяком случае, определяют характер и мотивы поведения персонажей. «Пиковая дама» Пушкина, «Маскарад» Лермонтова, «Игроки» Гоголя, «Два гусара» и некоторые главы из «Войны и мира» Л. Толстого, рассказы Чехова «Винт» и «Вист», «Большой шлем» Л. Андреева – словом, всего не перечислить. Одних названий карточных игр в русской литературе можно встретить десятки.

Карточные игры разделялись на КОММЕРЧЕСКИЕ и АЗАРТНЫЕ. В первых требовался не только удачный расклад карт, но и расчет, соображение, своего рода талант – почти как в шахматах. Азартные зависели только от слепого случая. Слово «АЗАРТНЫЙ» и происходит от французского «hasard» – случай, потом уже оно получило дополнительное значение – увлеченный, одержимый. Характерно, что дворяне – офицеры и чиновники – увлекались преимущественно азартными играми – привлекало не искусство игры, а только выигрыш, притом крупный.

Впрочем, иногда играли не ради выигрыша, а ради... проигрыша, проигрывали умышленно, дабы угодить партнеру, от которого зависели судьба, карьера, выгодная женитьба. Так, грибоедовский Репетиллов, чтобы стать зятем барона, который *«в министры метил»*, *«с его женой и с ним пускался в реверси, / Ему и ей какие суммы / Спустил, что Боже упаси!»* Но когда Репетиллов женился на его дочери, барон не продвинул зятя по службе, боясь *«упреку / За слабость будто бы к родне!»* Тут полезно знать, что РЕВЕРСИ – старинная карточная игра.

Чаще всего герои классических произведений играли в азартную игру, которая, в зависимости от вариантов, называлась БАНК, ФАРАОН или ШТОСС. Авторы описывали ход игры, стремясь увлечь ею читателей, которые отлично знали и правила, и термины. Для нас же все это китайская грамота, затрудняющая понимание текста. Игра эта между тем настолько примитивна, что напоминает пресловутое «очко». Сложны только термины.

Один из игроков – БАНКОМЕТ – объявлял сумму денег, на которую он играет, как правило крупную, – СТАВИЛ БАНК. Другой или несколько ПОНТИРОВАЛИ, то есть играли против банка, выступая в роли ПОНТЕРОВ. У каждого понтера была собственная колода; карта, на которую понтер ставил, вынималась им из своей колоды и откладывалась лицевой стороной книзу возле себя. На эту карту понтер клал КУШ, то есть поставленные деньги, ставку. Затем начиналась сама игра.

Банкомет МЕТАЛ БАНК – раскладывал карты из своей, непременно свежей колоды попеременно на две кучи, направо и налево. Если загаданная понтером карта оказывалась в правой кучке, ставку выигрывал банкомет, в левой – выигрывал понтер. На этом ТАЛИЯ, то есть партия, заканчивалась и начиналась новая, с новыми ставками. Как видим, шансы на выигрыш у банкомета и понтеров оказывались совершенно равными.

Если, играя, понтер не увеличивал ставку, это называлось играть МИРАНДОЛЕМ. СЕМПЕЛЬ – простая, удвоенная ставка, удвоенная ставка – ПЕ; ПАРОЛИ, или С УГЛОМ, – утроенная; ПАРОЛИ ПЕ – ушестеренная. Соответственно понтер загибал углы поставленной, то есть отложенной им карты – от одного до четырех углов. Отсюда выражение «ГНУТЬ ПАРОЛИ», или просто «гнуть», – увеличивать ставки. В эпиграфе к первой главе «Пиковой дамы» приводятся слова «игроцкой песни»: *«Гнули – Бог их прости! – / От пятидесяти / На сто»*. Это значит, что понтеры удваивали ставку, играли на пе. Персонаж этой повести Сурин жалуется, что играет осторожно, не горячась, мирандолем, но тем не менее всегда проигрывает. Нарумов удивляется его твердости, почему он никогда не ставит на РУТЕ. Ставить на руте означало ставить (с повышением) на одну и ту же карту в расчете, что рано или поздно она ляжет влево, то есть в пользу понтера. Это давало возможность, или во всяком случае надежду, отыгратья тому, кто первые свои простые ставки (семпеля) проигрывал – сумма выигрыша в этом случае перекрывала сумму проигрышей.

Выиграть с первой поставленной карты называлось ВЫИГРАТЬ СОНИКА, то есть сразу, – так выиграл Чаплицкий в «Пиковой даме», поставив на первую же карту, подсказанную ему графией.

Если понтеров было несколько и к тому же некоторые из них ставили не на одну, а на две карты, игра усложнялась и замедлялась: после каждой ПРОКИДКИ понтеры должны были следить, выиграла они или проиграли, соответственно открывая отложенную карту. Результаты ОТПИСЫВАЛИСЬ МЕЛОМ на зеленом сукне стола для последующего расчета между игроками.

Проследим же теперь роковую игру Германна в «Пиковой даме» – кульминацию всей повести. Банк метал хозяин дома Чекалинский. Когда Германн вошел в гостиную, «за длинным столом... теснилось человек двадцать игроков», а на столе стояло (то есть было отложено изнанкой кверху) более тридцати карт – это означает, что некоторые игроки поставили не на одну, а на две карты. Поэтому-то «*талья длилась долго... Чекалинский останавливался после каждой прокидки, чтобы дать играющим время распорядиться, записывал проигрыш, учтиво вслушивался в их требования, еще учтивее отгибал лишний угол, загибаемый рассеянною рукою*». Последнее, несомненно, ирония: увидев, что их карта легла влево, иные понтеры пытались незаметно загнуть на своей карте лишний угол, дабы увеличить свой выигрыш: не рассеянность, а прямое плутовство.

Германн играл с Чекалинским один на один. В первый вечер он поставил названную графией карту (тройку) и написал над ней на сукне куш, то есть сумму ставки. Германн твердо верил в выигрыш, поэтому куш был солидный – 47 тысяч («*Он с ума сошел*», – подумал Нарумов). Чекалинский предупредил Германна, что никто более 275 рублей сепелем, то есть простой первичной ставкой, здесь не ставил. В подтверждение своей платежеспособности Германн показывает банковский билет. Чекалинский кладет его на карту, отложенную (но не объявленную вслух) Германном, и начинает метать. Вправо ложится девятка, влево тройка, загаданная Германном. Германн говорит «выиграла», показывает свою тройку и уходит с огромным выигрышем.

На другой день Германн приходит снова, ставит другую подсказанную графией карту – семерку, кладет на нее свои 47 тысяч и вчерашний выигрыш (то есть играет на пе – удвоенную ставку). Чекалинский мечет. Вправо ложится валет, влево – поставленная Германном семерка. Германн выигрывает 94 тысячи и удаляется.

На третий день Германн снова у Чекалинского. «*Прочие игроки не поставили своих карт, с нетерпением ожидая, чем он кончит*». Итак, Германн, как и прошлые разы, понтирует против Чекалинского один. «*Каждый распечатал колоду карт. Чекалинский стасовал. Германн снял и поставил свою карту, покрыв ее кипой банковых билетов. Это похоже было на поединок. Глубокое молчание царствовало кругом.*

Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налево туз.

– Туз выиграл! – сказал Германн и открыл свою карту.

– Дама ваша убита, – сказал Чекалинский.

Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он «обдернуться» (то есть вынуть из своей колоды не ту карту, на которую рассчитывал). Германн проигрался в прах – графиня словно отомстила ему, обернувшись в карточную пиковую даму.

Не правда ли, только теперь, вникнув в правила и в ход игры, мы ощущаем весь драматизм событий? Зная карточные термины, используемые классиками как метафоры, мы яснее представляем происходящее:

*И перед ним воображенье
Свой пестрый мечет фараон.*

(Пушкин. Евгений Онегин).

Мелькание раскидываемых банккометом вправо и влево карт при игре в фараон сравнивается с картинами, возникающими в сознании влюбленного Онегина.

В «Домике в Коломне» Пушкина есть совершенно загадочная для нашего современника фраза:

*Немного отдохнем на этой точке.
Что? перестать или пустить на пе?..*

Как только что мы узнали, играть на пе означает удвоить ставку. До того в поэме речь

идет о трудном опыте поэта писать ее необычной для русского стихосложения строфой – октавой. Вторую строку приведенной цитаты следует понимать так: отступиться, не доведя дело до конца, или продолжать, приложив удвоенные усилия?

В «Дворянском гнезде» Тургенева встречаются друзья – Лаврецкий и Михалевич. И что же? «С оника, после многолетней разлуки... заспорили они о предметах самых отвлеченных». Соника (Тургенев пишет этот термин раздельно) означает выигрыш с первой же ставки, а здесь, переносно, – сразу же, без долгих вступлений.

Некоторые карточные термины укоренились в нашем языке в переносном смысле; зная их, мы часто даже не помышляем об их карточном происхождении: ИДТИ ВА-БАНК, то есть ставить на весь банк – действовать с крайним риском; Я ПАС – отказываюсь от хода, переносно – не в силах, вынужден отказаться; ПРИМАЗАТЬСЯ – присоединять свою ставку к ставке другого игрока, то есть примкнуть к кому-либо из корысти. Выражение «ВТЕРЕТЬ ОЧКИ» многие понимают как замазать чужие очки, чтобы исказить видимое. На самом деле это шулерский термин; специальным порошком втирали на карту лишнее очко (знак), превращая тем самым, например, шестерку в выигрышную семерку. ПЕРЕДЕРНУТЬ – незаметно заменить карту другой, нужной.

А теперь о забытых или почти забытых невинных играх и развлечениях, упоминаемых в классической литературе. Популярной была игра в СВАЙКУ; на землю клали железное кольцо и метали в него, стараясь попасть в самую середину, толстый гвоздь – свайку. В свайку играют не только купеческие приказчики в рассказе Гоголя «Коляска», но даже офицеры в «Войне и мире» Л. Толстого.

Любимой игрой деревенских ребят были БАБКИ (другие названия – КОЗНЫ, ЛОДЫЖКИ). Бабки – надкопытные кости коров – расставлялись в ряд; игроки поочередно метали в них тяжелой, обычно залитой свинцом битой («СВИНЧАТКОЙ», или «БИТКОМ»). Задачей было поразить возможно большее число бабок, которые доставались победителю. Игра в бабки описана в повести Горького «В людях».

Эту примитивную игру впоследствии вытеснили известные ныне городки, которые в литературе встречаются и под старыми названиями РЮХИ и ЧУШКИ. У Л. Толстого читаем: «На расчищенной площадке была устроена нами игра в городки, или чушки».

Нередко у классиков можно прочесть о том, как ребята гоняют по улице КУБАРЬ. Это примерно то же самое, что современный волчок. Соревновались в том, у кого кубарь прокрутится дольше. Отсюда и выражение «кубарем скатиться».

Увлеченно играли в ГОРЕЛКИ; их еще хорошо помнит старшее поколение. «Горящий», выделенный по считалке, обязан был водить. Играющие становились в ряд по двое, парень с девушкой. После стишка «Гори, гори, ясно, чтобы не погасло...» и т.д. задняя пара разбежалась до определенной черты и уже вдвоем возвращалась обратно, «горящий» должен был поймать одного из них до соединения в пару. Если не удавалось, продолжал «гореть», удавалось – его заменял пойманный. В горелки играет Алексей Берестов в «Барышне-крестьянке» с крепостными девушками, Лопухов в «Что делать?» Чернышевского со швеями, молодежь в «Жизни Матвея Кожемякина» Горького. Но особенно подробно, поэтично и проникновенно описаны горелки в «Воскресении» Л. Толстого, где во время этой игры пробуждается чувство между Нехлюдовым и Катюшей.

Танцы и музыка

«Какое приятное занятие эти танцы!» – с этой фразы Липочки начинается комедия Островского «Свои люди – сочтемся!». В самом деле, танцы с глубокой древности у всех народов – одно из любимейших общественных развлечений. Какие только танцы не сменились с течением веков! Некоторые старинные дожили до наших дней – например, бессмертный вальс, другие продолжают радовать нас в концертах, балетах и операх, став музыкально-хореографической классикой, третьи совершенно забыты, вроде знаменитого

некогда ГРОСФАТЕРА (по-немецки «дедушка»), который танцуют на балу (тогда говорили «на бале») у Ростовых в «Войне и мире». А кто помнит такие танцы, как МАТРАДУР, МОНИМАСК, КУРАНТ или «ДАНИЛО КУПОР»? Этих названий даже ни в одном словаре не найдешь, упоминаются они лишь в старых повестях и романах.

Назовем лишь те бальные танцы, которые особенно часто встречаются в классических произведениях. Тут первое место, пожалуй, принадлежит бравурной МАЗУРКЕ, вошедшей в моду в начале XIX века. Умение танцевать мазурку считалось в светском обществе обязательным. В числе достоинств Онегина было и то, что он смолodu «легко мазурку танцевал». Пушкин посвятил мазурке целую строфу в «Евгении Онегине». Томский в «Пиковой даме» танцевал с Лизой «бесконечную мазурку». О полковнике Скалозубе в «Горе от ума» Чацким сказано: «*созвездие маневров и мазурки*».

КОТИЛЬОН объединял в себе фигуры вальса, мазурки и польки, являя собой танец в какой-то степени импровизационный: задавала тон и определяла фигуры первая пара, кавалер даже командовал оркестром. Котильон танцевали «до упаду». «...*Поэт конца мазурки ждет / И в котильон ее зовет... И бесконечный котильон / Ее томил, как тяжкий сон*». Речь идет о Ленском и Ольге Лариной.

На балу у губернатора «*посреди котильона Ноздрев сел на пол и стал хватать за полы танцующих*».

ВАЛЬС достиг апогея своей популярности к середине XIX века, но появился в его начале. «*Однообразный и безумный, / Как вихорь жизни молодой, / Кружится вальса вихорь шумный...*» – так определил его Пушкин.

Балы по традиции начинались ПОЛОНЕЗОМ (что значит польский) – степенно-торжественным танцем, в котором пары вначале шли длинной вереницей. Только к нашему веку полонез как зачин бала уступил свое место вальсу.

Популярной была КАДРИЛЬ (от французского слова, означающего «четверка»), в которой пары располагались четверками, одна против другой. Предшественником кадрили был КОНТРДАНС, танцевали его еще в петровские времена. На кадрили был похож ЭКОСЕЗ (буквально «шотландский»), в отличие от кадрили быстро вышедший из моды. В 1840-х годах повсюду затанцевали легкую и стремительную ПОЛЬКУ – танец не польского, как можно принять по названию, а чешского происхождения. Появился даже глагол «ПОЛЬКИРОВАТЬ» – наподобие «вальсировать». Польку танцуют в рассказе Л. Толстого «После бала».

В некоторых танцах, чаще всего в мазурке, было принято выбирать партнера не прямо, а «по псевдониму»: к молодому человеку подводили двух дам, заранее избравших себе какое-либо условное название – предмет или качество. Молодой человек должен был выбрать одно из них, носительница которого становилась его партнершей. То же делали два молодых человека, а выбирала дама. Такой способ выбора партнера иногда назывался ИГРОЙ В КАЧЕСТВА, он описан в «Пиковой даме» Пушкина, в «Детстве» и «После бала» Л. Толстого, в «Мелочах жизни» Салтыкова-Щедрина.

Под какое музыкальное сопровождение танцевали и пели?

В богатых домах и разного рода «собраниях», то есть клубах, нанимали оркестр, обычно же играло ФОРТЕПИАНО. В «Горе от ума» София приглашает Скалозуба на вечер: «*Пораньше: съедутся домашние друзья / Потанцевать под фортепиано...*»

В наше время фортепиано – собирательное название струнных клавишных инструментов, имеющих две разновидности – рояль и пианино. В старину фортепяно, или, как часто говорили, фортепианами (во множественном числе), назывался конкретный инструмент, имевший разные формы: прямоугольную – так называемое «столовое фортепяно» или «крыловидную», из которой постепенно развился современный рояль. Предшественником фортепиано был КЛАВИКОРД, или КЛАВИКОРДЫ.

Клавикорд выглядел довольно изящно: стол на четырех высоких ножках с клавиатурой и струнами, который закрывался крышкой. Арина Васильевна, мать Базарова («Отцы и дети» Тургенева), в молодости играла на клавикордах. В «Войне и мире» после обеда у Ростовых

Наташа поет под клавикорды; в Лысых Горах на клавикордах играет княжна Марья Болконская; владеет игрой на этом инструменте и Пьер Безухов.

Про Евгения Онегина говорится:

*Садился он за клавикорды
И брал на них одни аккорды.*

Клавикорды вышли из моды к началу XIX века. Историки полагают, что клавикордами по инерции часто продолжали называть сменившее их фортепьяно.

Иногда фортепьяно называлось в России по-немецки – КЛАВИРОМ.

Одно из лицейских стихотворений Пушкина «Слово милой» начинается так: «*Я Лилу слушал у клавира...*»

К середине XIX века в России стало распространяться столь знакомое нам и удобное своей компактностью ПИАНИНО: вначале слово имело мужской род: Варвара Петровна Лаврецкая в «Дворянском гнезде» приобрела в Париже «*прелестный пианино*». Фортепьяно же крыловидной формы, на трех ножках все чаще стали называть рояль, поначалу в женском роде: она сидела за роялью и т.п.

Играющих на этих разновидностях фортепьяно называли ФОРТЕПИАНИСТ, ФОРТЕПИАНЩИК и даже ПЬЯНИСТ – последнее слово нередко произносят комические персонажи у Чехова. К счастью, эти тяжеловесные и некрасивые слова заменились нынешним термином «пианист».

Недолго удержался такой инструмент, как ФИСГАРМОНИЯ – домашний орган, по форме сходный с пианино, с аналогичной клавиатурой, но без струн – звук извлекался нагнетанием воздуха, через ножные педали из разных трубочек. На фисгармонии «*что-то торжественное и мрачное*» играет Юрин в «Жизни Клима Самгина» Горького. Владельцы квартир и особняков, где имелось пианино или рояль, приглашали на танцевальные вечера за плату ТАПЕРА – профессионального музыканта или студента. Трогательную историю подростка-тапера, выросшего в знаменитого музыканта, рассказал нам Куприн в рассказе «Тапер». Но в частных домах, до изобретения граммофона, танцевали и под разного рода заводные «музыкальные ящики» с меняющимися дисками или валиками. О разновидностях такого рода «ящиков» – МОНОПАНЕ и АРИСТОНЕ – можно прочитать в некоторых рассказах Бунина и Куприна.

На больших балах избирался РАСПОРЯДИТЕЛЬ ТАНЦАМИ, или «ДИРИЖЕР», руководивший порядком танцев, назначавший фигуры в них, собиравший танцующих в «гран-рон» (большой общий круг), дававший указания оркестру и т.п. Для этого нужен был определенный опыт и умение, а также некоторое знание французского языка, так как указания было принято произносить по-французски.

Театр

Кажется, с прошлого века театр как зрелищное учреждение ничем не изменился. Даже театральные помещения полуторавековой давности используются, как прежде.

Да, сцена (если не считать вертящийся круг), зрительный зал, фойе остались прежними. Однако перемены, как социального, так и технического порядка, стоит упомянуть. Тем более, что герои многих классических произведений – вспомним хотя бы Евгения Онегина, Наташу Ростову, Анну Каренину или персонажей чеховской «Дамы с собачкой» – встречаются нам и в театре.

Места в театре резко различались по социальному составу зрителей. Ложи бенуара и бельэтажа не заполнялись разными людьми, а выкупались богатыми семьями и компаниями. При Николае I существовал «обычай»: дамы, принадлежавшие «высшему свету», сидели в ложах, а мужчины – в первых рядах кресел.

КРЕСЛАМИ же именовались передние ряды партера, собственно партер располагался позади кресел. Поэтому-то в «Евгении Онегине» партер и кресла различаются: *«Театр уж полон; ложи блещут; / Партер и кресла, – все кипит...»* В партере зрители поначалу стояли, сидений не было. Кресла обычно занимались одними мужчинами.

*...Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам...*

Тщеславный чиновник Ковалев, считавший себя штаб-офицером («Нос» Гоголя) покупал билет в кресла, считая, что *«штаб-офицеры должны сидеть в креслах»*.

Места за креслами иногда назывались также СТУЛЬЯМИ.

Худшие места на самом верхнем ярусе назывались ГАЛЕРЕЕЙ (неофициально «ГАЛЁРКОЙ») или, в обиходе, РАЙКОМ. Последнее слово придумано не без юмора: действительно, до рая, расположенного на небе, добраться нелегко. Полунищий чиновник Макар Девушкин («Бедные люди» Достоевского), пойдя с компанией в театр, очутился *«в четвертом ярусе, в галерее»*. А вот как обыгрываются слова «рай, раек» в «Обыкновенной истории» Гончарова: *«За место подле вас я не взял бы места в раю»*, – говорит Юлии влюбленный в нее Сурков. *«Если в театральном, верю!»* – насмешливо отвечает она.

БИНОКЛИ появились не сразу. Поначалу в театр ходили со ЗРИТЕЛЬНОЙ, то есть подзорной, ТРУБКОЙ для одного глаза. *«Ох, много с трубкой зрительной / Тут можно повидать»*, – писал Некрасов о петербургском театре своего времени. Именно о таких зрительных приборах в «Евгении Онегине» сказано: *«трубки модных знатоков»*. Кроме того, были ДВОЙНЫЕ ЛОРНЕТЫ – складные очки в оправе и с ручкой, но без установки фокуса, как в биноклях. Онегин в театр пришел с двойным лорнетом. В «Нови» Тургенева встречается выражение «одноглазая лорнетка» – очки для одного глаза, монокль.

Были и ДВОЙНЫЕ ЗРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ, с установкой на резкость. В «Княгине Лиговской» Лермонтова читаем: *«Огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть ее лица»*.

Во второй половине XIX века появляются театральные бинокли. У Вронского в театре, как и у Анны Карениной на скачках, в руках были бинокли.

В XIX веке в драматических театрах перед главной пьесой давали ВОДЕВИЛЬ – небольшую комическую пьесу с музыкой и танцами. Большинство водевилей было глупейшего содержания. Вкусы Репетилова в «Горе от ума» прекрасно характеризует его фраза: *«Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль»*. Серьезные пьесы до его сознания не доходили.

В антрактах публику развлекал произведениями легкой музыки оркестр, расположенный в зрительном зале, на обычном месте перед сценой.

Такая деталь, как хранение верхней одежды в театре, тоже заслуживает нашего внимания: состоятельные люди ездили в театр со своими лакеями, которые во время спектакля стерегли их одежду. В «Княгине Лиговской» Лермонтова написано, что разгоревшийся скандал чуть не разбудил лакеев, спавших на барских салопах в коридоре первого яруса. Или у Пушкина: *«Еще усталые лакеи / На шубах у подъезда спят...»* – *«внутри театра. А замерзшие зимой кучера ждали господ у экипажей, разложив костры: «И кучера вокруг огня, / Бранят господ и бьют в ладони...»*

Изменилась и кое-какая лексика: гардероб назывался ВЕШАЛКОЙ (еще Станиславский писал: «Театр начинается с вешалки»), театральная вестибюль – СЕНЯМИ, программки, продаваемые зрителям, – АФИШКАМИ, билетеры – КАПЕЛЬДИНЕРАМИ, дирижер – КАПЕЛЬМЕЙСТЕРОМ, статисты – ФИГУРАНТАМИ и т.д.

Первоначально театры освещались свечами, которые не гасились и во время действия. С середины XIX века освещение стало газовым. В «Анне Карениной» упоминаются

«бронзовые газовые рожки» на театральном представлении. Это было очень опасно в пожарном отношении. Напомним, что в 1853 году из-за неосторожного обращения с газом сгорел московский Большой театр, который после этого был радикально перестроен. Электрическое освещение театров в крупных городах появилось только в 1890-х годах.

Кинотеатры стали быстро распространяться с 1900-х годов, поначалу много раз меняя названия: БИОСКОП, ТАУМОТОГРАФ, ИЛЛЮЗИОН, СИНЕМАТОГРАФ, КИНЕМАТОГРАФ. Эти слова можно обнаружить как в дореволюционной прессе, так и в произведениях Бунина, Куприна и других писателей той поры. Только после революции возникло слово «кинотеатр» (причем вначале оно писалось через дефис) или сокращенно – кино; любопытно, что первое время ударение в нем ставилось на первом слоге. До начала 1930-х годов, то есть введения звукового кино, кинокартина именовалась не фильмом, а ФИЛЬМОЙ, то есть в женском роде: смотрите популярную фильму!

Так менялись быт, понятия, слова...

Примечания

1

* Эпидемия – массовое заболевание людей; эпизоотия – массовые заболевания скота.

2

* Здесь: шайки (фр.)

3

* Здесь и далее надо иметь в виду, что звездочки на эполетах ввели только в 1828 году, а на офицерских погонах – в 1854 году.